

ПОЛИТИЯ

Анализ

·

Хроника

·

Прогноз

ПОΛΙΤΕΙΑ
№ 3 (110)

Москва
2023

ПОЛИТИЯ

Журнал
политической философии
и социологии политики
Основан А.М.Салминым в 1996 г.

Учредители:
АНО «Общественно-
политический журнал.
Журнал политической
философии и социологии
политики «Полития.
Анализ. Хроника. Прогноз»;
Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Главный редактор
Святослав Каспэ

Заместитель главного редактора:
Лидия Галкина

Ответственный редактор номера
Лидия Галкина

Над номером работали:
Даниил Клестов,
Светлана Микоян,
Андрей Петроковский,
Дина Розенберг

Адрес редакции:
117418, Москва, Нахимовский
проспект, д. 51/21, к. 1101
Телефон: (499) 713-02-64
Электронная почта: politeia@politeia.ru

Опубликованные в журнале материалы
распространяются свободно
при условии ссылки на первоисточник

© АНО «Общественно-политический журнал. Журнал
политической философии и социологии политики
«Полития. Анализ. Хроника. Прогноз», 2023

POLITEIA

Journal
of Political Philosophy
and Sociology of Politics
Founded by Alexei Salmin in 1996

Institutional founders:
Autonomous
non-profit organization
The Journal of Political Philosophy
and Sociology of Politics "Politeia.
Analysis. Chronicle. Forecast";
Institute of Scientific Information
on Social Sciences of the Russian
Academy of Sciences

Editor-in-Chief
Svyatoslav Kaspé

Deputy Editor-in-Chief:
Lidia Galkina

Executive Editor
Lidia Galkina

This issue was prepared by:
Daniel Klestov,
Svetlana Mikoyan,
Andrei Petrokovsky,
Dina Rosenberg

Contact Information
Tel.: +7 499 7130264
Email: politeia@politeia.ru
Address: 51/21 Nakhimovsky av.,
office 1101, Moscow, 117418, Russia

The writings published in the Journal
can be reproduced elsewhere
so long as the original source is cited

© Autonomous non-profit organization The Journal
of Political Philosophy and Sociology of Politics
"Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast"

ПОЛИТИЯ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель Совета
Сергей Хенкин (Москва, Россия)

Заместители председателя Совета
Александр Муzyкaнтский (Москва, Россия)
Алексей Кузнецов (Москва, Россия)

Члены Совета:

Татьяна Алексеева (Москва, Россия)
Фуад Алескеров (Москва, Россия)
Лидия Галкина (Москва, Россия)
Ирина Глебова (Москва, Россия)
Скотт Гельбах (Мэдисон, США)
Джон Данн (Кембридж, Великобритания)
Андрей Дегтярев (Москва, Россия)
Дмитрий Ефременко (Москва, Россия)
Андрей Зубов (Москва, Россия)
Михаил Ильин (Москва, Россия)
Сергей Караганов (Москва, Россия)
Святослав Каспэ (Москва, Россия)
Владимир Колосов (Москва, Россия)
Тимоти Дж. Колтон (Гарвард, США)
Юрий Коргунюк (Москва, Россия)
Александр Кузнецов (Париж, Франция)
Борис Макаренко (Москва, Россия)
Андрей Мельвиль (Москва, Россия)
Деннис К. Мюллер (Вена, Австрия)
Вячеслав Никонов (Москва, Россия)
Ханну Нурми (Турку, Финляндия)
Юрий Пивоваров (Москва, Россия)
Уильям М. Райзингер (Айова Сити, США)
Дина Розенберг (Москва, Россия)
Николай Розов (Новосибирск, Россия)
Георгий Сатаров (Москва, Россия)
Александр Сунгуров
(Санкт-Петербург, Россия)
Леон Габриэль Тайванс (Рига, Латвия)
Андрей Тесля (Калининград, Россия)
Дэниэл Трейсмaн (Лос Анджелес, США)
Марк Урнов (Москва, Россия)
Михаил Филиппов (Бинхэмтон, США)
Леонид Фишман (Екатеринбург, Россия)

POLITEIA

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Board
Sergei Khenkin (Moscow, Russia)

Vice-Chairmen
Alexander Muzykantskiy (Moscow, Russia)
Alexey Kuznetsov (Moscow, Russia)

Members of the Editorial Board:

Tatiana Alekseeva (Moscow, Russia)
Fuad Aleskerov (Moscow, Russia)
Timothy J. Colton (Harvard, USA)
Andrey Degtyarev (Moscow, Russia)
John Dunn (Cambridge, UK)
Dmitry Efremenko (Moscow, Russia)
Mikhail Filippov (Binghamton, USA)
Leonid Fishman (Ekaterinburg, Russia)
Lidia Galkina (Moscow, Russia)
Scott Gehlbach (Madison, USA)
Irina Glebova (Moscow, Russia)
Mikhail Ilyin (Moscow, Russia)
Sergey Karaganov (Moscow, Russia)
Svyatoslav Kaspe (Moscow, Russia)
Vladimir Kolosov (Moscow, Russia)
Yury Korgunyuk (Moscow, Russia)
Alexander Kuznetsov (Paris, France)
Boris Makarenko (Moscow, Russia)
Andrey Melville (Moscow, Russia)
Dennis C. Mueller (Vienna, Austria)
Vyacheslav Nikonov (Moscow, Russia)
Hannu Nurmi (Turku, Finland)
Yuri Pivovarov (Moscow, Russia)
William M. Reisinger (Iowa City, USA)
Dina Rosenberg (Moscow, Russia)
Nikolai Rozov (Novosibirsk, Russia)
Georgy Satarov (Moscow, Russia)
Alexander Sungurov
(St. Petersburg, Russia)
Leons G. Taivans (Riga, Latvia)
Andrei Teslya (Kaliningrad, Russia)
Daniel Treisman (Los Angeles, USA)
Mark Urnov (Moscow, Russia)
Andrey Zubov (Moscow, Russia)

Содержание

	Материалы номера	5
Политические теории	А.Р.Третьяк Stasis и политическая философия современной войны	6
Российская полития	Л.Е.Бляхер, К.В.Григоричев, А.В.Ковалевский Барон умер — да здравствует баронет! (Политическая медиация на границе пустого и наполненного пространства)	23
	Л.Г.Фишман Наш «неправильный» правящий класс: чего от него ждать?	47
	Ю.А.Баландин, Ю.О.Гайворонский Патрональная политика и ротация губернаторского корпуса в России (Опыт сетевого анализа)	67
Общественное сознание	О.Ю.Малинова Память о 90-х как ресурс адаптации к новому кризису: анализ дискурсов российских СМИ	91
	Е.Б.Шестопап Восприятие политических партий и их лидеров на фоне актуального психологического состояния российского общества	115
Антитеза	К.В.Душенко «Тюрьма народов»: рождение метафоры	134
Кафедра	А.В.Коротаев, А.И.Жданов Количественный анализ политических факторов революционной дестабилизации (Опыт систематического обзора)	149
	Ю.А.Нисневич Влияние фактора политического ислама в современном мире	172
Приложение	XVIII конкурс работ молодых политологов на премию А.М.Салмина	193
	Правила представления рукописей для публикации в журнале «Полития»	194
	Table of Contents	197

Основываясь на работах А.Негри и М.Хардта, **А.Р.Третьяк** очерчивает общие контуры концептуализации совокупности современных военных конфликтов как глобальной гражданской войны, а затем обращается к анализу феномена гражданской распри, обозначаемого древнегреческим понятием *stasis*. Проведенное им исследование исходного смысла *stasis* и его интерпретации в трудах Н.Лоро и Дж.Агамбена раскрывает потенциал этого понятия как теоретического инструмента осмысления логики современной войны.

В статье **Л.Е.Бляхера**, **К.В.Григоричева** и **А.В.Ковалевского** рассматривается ситуация формирования особого рода квазиполитических акторов, обозначенных термином «таежный баронет». Возникая в условиях, когда вследствие «оптимизации» структур, ответственных за сбор информации о социальном пространстве, последнее, с точки зрения власти, становится «пустым», эти акторы позволяют сохранять видимую целостность территории, отражая все более усложняющееся и локализуемое социальное пространство.

По заключению **Л.Г.Фишмана**, от современного российского правящего класса не следует ожидать глобальных мироустроительных проектов. Максимум, что он может предложить остальным гражданам, это увеличение их доли ренты в виде социальных выплат и популистские шаги, выражающиеся в отказе от выпячивания собственной успешности.

На основе регрессионного анализа факторов ротаций губернаторского корпуса **Ю.А.Баландин** и **Ю.О.Гайворонский** фиксируют высокую объяснительную силу сетевой модели: вхождение губернатора в патрональную сеть и его близость к ее ключевым акторам снижают вероятность отставки. При этом сохраняют свою значимость и альтернативные объяснительные модели (электоральная и социально-экономическая), а также персональные характеристики губернаторов.

Статья **О.Ю.Малиновой** посвящена проблеме функционирования памяти в качестве символического ресурса для адаптации к ситуации повышенной неопределенности. Через выделение типичных способов фреймирования опыта 90-х в российском медийном дискурсе в первые шесть месяцев после начала специальной военной операции автор пытается определить, каким образом этот опыт связывался с текущими проблемами, и тем самым выявить роль памяти в адаптации к новому кризису.

Опираясь на результаты качественно-количественного исследования, проведенного в конце 2022 — начале 2023 г., **Е.Б.Шестопал** показывает, что высокий уровень тревожности и озабоченность военными действиями не повлияли на ряд параметров восприятия гражданами думских партий и их лидеров, вместе с тем отмечая существенную трансформацию по некоторым направлениям, прежде всего касающимся отношения к власти и оппозиции.

В противовес сложившейся традиции возводить метафору «тюрьма народов» к книге А. де Кюстина «Россия в 1839 году» **К.В.Душенко** демонстрирует, что она укоренилась лишь после выхода на политическую сцену «неисторических» народов Центральной и Восточной Европы и образ России как тюрьмы народов восходит к польской и особенно украинской литературе и публицистике.

В статье **А.В.Коротаева** и **А.И.Жданова** представлен систематический обзор результатов тестирования политических факторов революционной дестабилизации в работах, отнесенных авторами к пятому поколению исследований революций.

Проанализировав ситуацию в 45 государствах, где ислам исповедуют более 50% населения, **Ю.А.Нисневич** приходит к выводу, что влияние фактора политического ислама в поле политики мусульманского мира, а следовательно, и в мировом политическом пространстве носит ограниченный характер.

А.Р.Третьяк

STASIS

И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

Артур Романович Третьяк — кандидат философских наук, старший преподаватель департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Для связи с автором: assefir@mail.ru.

Аннотация. В последние годы перед политической философией все острее встает вопрос о природе современной войны. Несмотря на появление ядерного оружия, война не исчезла с исторической сцены. Но осталась ли неизменной ее сущность? В эпоху глобального политического общения, когда внешнюю политику все труднее отделить от внутренней, отвечают ли тенденции протекания военных конфликтов классическим представлениям о войне? Налицо потребность в четкой парадигме, которая помогла бы проследить общую логику за всем разнообразием подобных конфликтов, происходящих сегодня в мире.

Статья посвящена рассмотрению одной из таких парадигм, приобретающей все большую популярность среди политических теоретиков. Речь идет о концептуализации совокупности современных военных конфликтов как глобальной гражданской войны. Опираясь на работы Антонио Негри и Майкла Хардта, автор очерчивает общие контуры данного подхода, а затем обращается к анализу феномена гражданской распри, обозначаемого древнегреческим понятием *stasis*, возвращенным в актуальный политический словарь Джорджио Агамбеном. Проведенное им детальное исследование исходного смысла *stasis* и его интерпретации в трудах Николь Лоро и Агамбена раскрывает потенциал этого понятия как теоретического инструмента осмысления логики современной войны.

Ключевые слова: война, *stasis*, глобальный порядок, политическое, Антонио Негри, Майкл Хардт, Джорджио Агамбен, Николь Лоро

Введение

В последние годы в политической философии наблюдается рост интереса к различным типам военных конфликтов. Несмотря на появление и распространение ядерного оружия, война не исчезла с исторической сцены, ей на смену не пришла «конкуренция крупных торго-

¹ Кревельд 2015: 20. вых блоков»¹. XXI столетие породило уже немало военных конфликтов. Их формы, протекание и внутренняя структура могут варьировать и меняться, но в целом война как явление составляет неотъемлемую часть политической реальности нашего времени.

² Агамбен 2021. В своей недавней книге «Гражданская война как политическая парадигма»² Джорджио Агамбен обращается к весьма специфическому понятию, которое может оказаться ценным теоретическим инструментом для исследования политической логики военных конфликтов. Речь идет о понятии *stasis*, которое в древнегреческом политическом словаре обозначало гражданскую войну или распрю. Впоследствии оно было практически забыто, и сегодня, как замечает Агамбен, политическая мысль старается дистанцироваться от самой возможности гражданской распри³. Его рецепция понятия *stasis* связана с попыткой использовать соответствующий феномен как модель для осмысления способов функционирования современной политики. Подобно многим другим понятиям в философии Агамбена, понятие *stasis* амбивалентно, включая в себя и политизацию, и деполитизацию, сочетая внешнее и внутреннее, что существенно осложняет прояснение соотношения *stasis* и войны в целом.

³ Там же: 6.

Главный вопрос, который здесь возникает, — это, конечно, вопрос о природе войны. Осталась ли она прежней или изменилась (и если да, то насколько)? В какой мере тенденции протекания современных военных конфликтов отвечают классическим представлениям о войне? И что вообще можно назвать войной в строгом смысле слова? Следует ли ориентироваться на официальное заявление о начале войны на правительственном уровне или нужно учитывать иные типы политической риторики и действий (вроде антитеррористических операций)? Налицо потребность в четкой парадигме, которая помогла бы проследить общую логику за всем тем разнообразием военных конфликтов, которые мы наблюдаем в последние десятилетия. Одна из таких парадигм предполагает рассмотрение совокупности войн современного типа как глобальной гражданской войны. Именно это и имеет в виду Агамбен, вводя понятие *stasis*. О том же говорится в книге Антонио Негри и Майкла Хардта «Множество: Война и демократия в эпоху Империи»⁴. Ключевая мысль их довольно прямолинейна: война принимает сегодня форму гражданской распри. Этот сдвиг прослеживается сразу по нескольким направлениям, важнейшее из которых — связь происходящего внутри государства с общей констелляцией сил в рамках глобального порядка: «Сегодня по всему миру вспыхивают бесчисленные вооруженные конфликты, иногда краткие и ограниченные определенным местом действия, а порой — длительные и захватывающие все более обширные пространства. Такие конфликты, вероятно, точнее всего воспринимать как случаи не войны вообще, а войны гражданской»⁵. То есть, несмотря на явно недостаточную теоретическую проработку проблематики *stasis*, гражданская распря выступает в роли парадигмы понимания современной войны.

⁴ Хардт и Негри 2006.

⁵ Там же: 13.

Что же позволяет *stasis* претендовать на эту роль? Чтобы ответить на этот вопрос, в настоящей статье мы постараемся прояснить политическую логику *stasis* как парадигмы осмысления войны и рассмотрим философские основания теории гражданских конфликтов в рамках современного миропорядка.

**Парадигма
глобальной
гражданской
войны**

⁶ *Арендт 2011: 14.*

Рассуждая о взаимосвязи войны и революции, Ханна Арендт подчеркивает то влияние, которое оказали на возникновение мировых войн развернувшиеся в мире революционные процессы, в связи с чем такие войны, вовлекая огромное число стран, становятся как бы «гражданской войной, охватившей всю землю»⁶. Мировая гражданская война — исключительно мощный образ, заставляющий нас иначе посмотреть на то, как различного рода конфликты вписываются в глобальный порядок взаимоотношений между государствами. И хотя в исторической ретроспективе все еще принято проводить четкое различие между «обычными», межгосударственными войнами и войнами гражданскими, то есть внутренними, сам образ глобальной гражданской войны чрезвычайно притягателен для мыслителей.

⁷ *Агамбен 2021: 6.*

В чем сила этого образа? Вместо того чтобы делить враждующие стороны на противоборствующие целостности, метафора гражданской распри как бы объединяет их виртуально. Люди сражаются друг с другом внутри того, что раньше было единым; борьба между ними раскалывает это единство на несколько частей, однако виртуально, как память или потенциальная взаимосвязь, оно сохраняется. Метафора глобальности добавляет этой распре размах, размывая границы государств. И мы видим, как философы живо откликаются на этот образ. Негри и Хардт не просто обращаются к нему, но и пытаются конкретизировать и обосновать его работоспособность как парадигмы понимания современной войны. В свою очередь Агамбен в упомянутом выше сочинении замечает, что «сегодня, как кажется, исчезла сама возможность отличить войны между государствами от внутренней войны»⁷. Эта невозможность провести грань между обычной войной и гражданской распрей заслуживает особого внимания. Попробуем очертить основные контуры данной проблемы, обратившись к трудам Негри и Хардта, где представлена реконструкция политической логики современной войны как гражданской распри в глобальном порядке Империи.

Главная линия рассуждений марксистского дуэта строится вокруг необходимости осмысления того, как различные конфликты встраиваются в глобальный капиталистический порядок и какие изменения они вызывают внутри отдельных стран и за их пределами. Структура глобальной гражданской войны раскрывается через три измерения, которые релевантны и при анализе форм современной войны. Первое связано с сочетанием полицейского и армейского в ходе протекания конфликта. Второе касается размывания границ между типами военных конфликтов в целом, когда на основе старых критериев уже невозмож-

но понять, какая военная акция легитимна и справедлива, а какая нет. Наконец, третье измерение — это нематериальный аспект войны.

Рассмотрим подробнее эти измерения.

Говоря о новом статусе войны в XXI в., прежде всего следует обратить внимание на то, что она утрачивает ту «тотальность», которую мы несколько раз наблюдали в XX столетии. Негри и Хардт отмечают, что война теряет прежние масштабы и массовый охват, ей присущи ограниченность перспективы и нацеленность на определенные точки (горячие зоны). Используемое ими выражение «полицейская акция» подчеркивает локальность конфликта и его «техническую» ориентацию: «Война приобрела ограниченный характер. Вместо того чтобы напрягать все силы в крупномасштабной битве, сверхдержавы стали втягиваться в полицейские акции высокой интенсивности, каковые проводились Союзом — в Афганистане»⁸. Более того, «полицейская» ипостась военного конфликта привносит в него политическую логику «внутреннего» процесса, внутренней акции, аналогичной тем, что проводятся для устранения преступников, террористов или иных угроз, исходящих изнутри государства. Этот аспект «внутреннего» крайне важен для Негри и Хардта, еще в своей ранней работе «Империя»⁹ пришедших к выводу о постепенном сужении суверенитета отдельных государств и повышении роли суверенности нового типа — глобального порядка Империи, что расширяет сферу внутреннего и размывает границы между традиционной внешней и внутренней политикой.

Тезис о слиянии внешнего и внутреннего подкрепляется анализом проблемы государственной безопасности. Озабоченность последней побуждает политических деятелей более активно вовлекаться во внешние дела в попытке создать условия, в наибольшей степени способствующие безопасности политического тела. Ориентация на безопасность позволяет внутренней логике полицейской акции слиться с внешней логикой армейской защиты: «концепция безопасности ведет к устранению различий между внешней и внутренней сферами, между армией и полицией. Если „оборона“ предполагает наличие защитного барьера против внешних угроз, то „безопасность“ оправдывает постоянную военную активность как на собственной территории, так и за рубежом»¹⁰.

Прежние критерии определения форм и типов военных конфликтов, позволявшие проводить различия между войнами межгосударственными и гражданскими, завоевательными и оборонительными, констатируют Негри и Хардт, перестают работать. Их еще можно использовать, но они уже плохо отражают динамику и ход военного конфликта. В нынешней ситуации ключевую роль играет риторика легитимации — насколько убедительно та или иная страна выстраивает нарратив, оправдывающий соответствующее событие в глазах общности. Действительно значимый для Негри и Хардта критерий — то, в какой мере военный конфликт нацелен на подрыв устоявшего

⁸ Хардт и Негри 2006: 58.

⁹ Хардт и Негри 2004.

¹⁰ Хардт и Негри 2006: 83.

ся порядка Империи, иными словами, степень его революционности: «Важно только одно различие, которое выше всех остальных: это различие между насилием, сохраняющим сложившуюся иерархию глобального порядка и угрожающим ему»¹¹. Войны, происходящие в рамках общей логики Империи, принципиально не меняющие базовые ориентации и правила поведения на международной арене, не так важны, поскольку они могут лишь локально модифицировать констелляцию сил и ресурсов. Если военный конфликт ставит своей целью (в пределе) переустройство всей системы, он привлекает внимание всех крупных игроков Империи. Такое внимание (в частности, в форме вмешательства со стороны других государств) может привлечь и изначально локальный, внутренний по своей природе гражданский конфликт, но для описания подобного конфликта тоже малопригодны старые критерии.

¹¹ Там же: 51.

Современные войны приобретают нематериальный аспект. Под этим подразумевается несколько вещей. Во-первых, это снижение уровня «телесности», непосредственного физического вовлечения людей, что обусловлено активным использованием высокоточного оружия, БПЛА, спутников и т.п. Одновременно происходит и переосмысление «телесности»: солдаты на поле боя больше не бездушная масса, а скорее биополитическое множество (*multitude*), порождающее собственные формы бытия. Они должны обладать широким набором навыков, касающихся не только ведения боя и подготовки к нему, но и продвижения особых правил жизни посредством взаимодействия с различными слоями населения (начиная с местных жителей), в том числе медийного. Нематериальный аспект войны заключается прежде всего в том, что «в соответствии с таким видением, новые солдаты должны не только убивать, но и быть способными диктовать завоеванному населению нормы жизни — культурные, правовые, политические, а также связанные с обеспечением безопасности»¹².

¹² Там же: 64.

Во-вторых, это распространение на военную сферу общей тенденции к повышению значимости нематериального труда (что подчеркивается путем введения в описание войны термина «постфордизм»). Нематериальный труд производит товар в форме знания, коммуникации, статистики, аналитики и т.д. Если для традиционного труда характерна четкая иерархия, то нематериальный труд более децентрализован и использует различные каналы связи, что «изменяет отношения между коммуникацией и капиталистическим производством»¹³. Доминирование подобного рода труда требует сложной сети коммуникаций и управления потоками информации. Это в полной мере относится и к военным конфликтам: «В результате война в условиях постмодерности обретает многие черты того, что экономисты считают характерным для „постфордизма“ на производстве. В ее основе лежат мобильность и гибкость; она включает в себя разведку, обработку данных и труд в нематериальной сфере»¹⁴.

¹³ Del Gandio 2011: 124.

¹⁴ Хардт и Негри 2006: 59.

Таким образом, понимание современной войны как глобальной гражданской распри строится на трех ключевых тезисах:

- 1) развертывание современных военных конфликтов происходит в логике обеспечения безопасности, когда стирается грань между армейским и полицейским, внешним и внутренним, а сама война напоминает полицейскую акцию высокой интенсивности;
- 2) старые критерии определения форм войны не всегда позволяют объяснить протекание конфликта, важен способ легитимации военных действий и их глобальный эффект (подрывают ли они глобальный порядок или остаются в его русле);
- 3) война приобретает виртуальные и нематериальные черты и сопряжена с производством новых форм жизни.

Суммируя, можно констатировать, что в основе рассмотрения современной войны как гражданской распри лежит прежде всего ее воздействие на структуру глобального порядка. Однако такая констатация не до конца проясняет силу данной метафоры. Поэтому, рассмотрев проблему глобальности конфликта, стоит перейти к анализу самого феномена гражданской распри, что позволит точнее определить значение понятия *stasis* для политической философии и тем самым зафиксировать его место в современном политическом словаре. И здесь полезно обратиться к тому изначальному смыслу, который вкладывался в это понятие в античности.

Stasis: внутренняя или внешняя проблема?

Древнегреческие мыслители выделяли два типа военных конфликтов — *polemos* (война) и *stasis* (раздор, распря). Первым термином обозначались столкновения между неравными по своему «природному» происхождению совокупностями людей, вторым — ситуации, когда в схватку вступают близкие «по природе» люди. Хотя военный конфликт возможен и между эллинами, отмечается в «Государстве» Платона, его нельзя назвать полноценной войной, поскольку все эллины по природе «друзья»¹⁵. Природная дружелюбность между эллинами предполагает изначальную близость, открытость, общность представлений о мире, общее наследие и т.д. Конфликт между теми, кто «по природе» близок, сродни болезни, что возникает у здорового человека. У такого конфликта должны быть четко очерченные рамки. Так, описывая воспитание стражей идеального полиса, Платон формулирует жесткое правило их поведения в подобной ситуации: «не опустошать страну и не поджигать домов»¹⁶. Границы конфликта ясно видны: раздор между друзьями не должен быть опустошительным, его цель — наказать зачинщиков и снова вернуться к общему пониманию. Война с чужаками, варварами, напротив, «всегда оправданна; более того, в ней реализуется природная справедливость»¹⁷, ибо варвары не способны управлять собой полноценно, в их обществе доминируют дикость и насилие, а поэтому вражда с ними естественна.

Работая над своей «Историей», Фукидид отчетливо понимал, что война, которую он описывает, представляет собой важнейшее и опаснейшее событие в жизни греческих полисов¹⁸. Одним из ключевых в

¹⁵ Платон 2015: 194.

¹⁶ Там же: 195.

¹⁷ Куманьков 2019: 101.

¹⁸ Фукидид 2022: 3.

описании этого события является понятие *stasis*. Как и Платон, Фукидид считает гражданскую распрю своего рода болезнью, но предлагает более реалистичное ее видение. Гражданская распря в «Истории» Фукидида выступает частью более глобального противостояния Афин и Спарты, демонстрируя, как «дружба» среди «своих» приобретает черты радикального политического разделения. Внутренний по своей сути конфликт легко может обратиться в полноценную схватку врагов; двойственность *stasis* как раз и заключается в том, что внутреннее, то есть «дружественное» по природе, становится внешним, «чужим», а значит, потенциально враждебным.

Обращаясь к проблематике *stasis* в контексте полисной жизни, Фукидид усматривает в гражданской расправе постоянную опасность, ставящую под угрозу стабильность такой жизни. Гражданская распря — худший вид военного конфликта¹⁹, поскольку ее следствием становятся не только экономические разрушения, но также подрыв и извращение политических добродетелей. Беда в том, что гражданская распря всегда может проявить себя при соответствующих условиях, ибо ее истоки кроются в самой натуре человека, его стремлении к власти и славе: «Причина всех этих зол — жажда власти, коренящаяся в алчности и честолюбии»²⁰. Полностью устранить возможность распри нельзя; *stasis* — естественная составляющая жизни полиса. Пока люди объединяются в политические общности, внутри подобной общности всегда возможен раскол. Как отмечает Клиффорд Орвин, «Фукидид не сомневается, что гражданская распря — это постоянное пятно на человеческой жизни, люди подвержены ей по самой своей природе и так будет до тех пор, пока эта природа не смягчится»²¹. Разрушая стабильность полисной жизни, *stasis* наносит удар и по самим ее основам: сужая человеческие интересы, создавая поле для мести, он разрывает и дружественную связь между гражданами, составляющую одну из важнейших добродетелей полиса.

По мере увеличения размеров и богатства полиса вероятность гражданской распри возрастает. В полисе с малым числом жителей, которые к тому же находятся в постоянной нужде, поводы для конфликтов возникают реже, чем в многолюдном и процветающем, поскольку именно в условиях достатка легче проявляются такие свойства человеческой природы, как алчность и честолюбие. Не случайно «как раз там, где плодородные почвы приводили к некоторому благосостоянию, начинались гражданские раздоры»²².

Stasis несет в себе громадные риски для всех жителей полиса, включая «высших людей», то есть тех, кого, используя современную терминологию, можно назвать политической элитой (напомним, что, в отличие от естественного состояния Томаса Гоббса, принципиально уравнивающего всех²³, полис подразумевает наличие политической иерархии). Более того, поскольку в руках таких людей сосредоточено много ресурсов, гражданская распря чревата для них даже большим уроном,

¹⁹ *Manicas 1982: 688.*

²⁰ *Фукидид 2022: 245.*

²¹ *Orwin 1988: 833.*

²² *Фукидид 2022: 4.*

²³ *Гоббс 2016: 178.*

²⁴ Orwin 1988: 840.

чем для обычных граждан, и в этой «худшей из человеческих ситуаций само их превосходство пагубно»²⁴.

Итак, возможность *stasis* связана с самим существованием полиса. В гражданской распри, раскалывающей сообщество, сталкивающей граждан в жестокой борьбе, начинают стираться все прочие различия, определявшие жизнь людей: то, что раньше казалось внешним и именно потому таило в себе опасность, становится внутренней составляющей политической жизни, а внутреннее, «семейное» оказывается причиной политического разделения. *Stasis* несет с собой множество негативных последствий для граждан полиса, разрушая прежние социальные связи, производя коррупцию, меняя представления о добродетелях и создавая почву для расцвета наиболее темных сторон человеческой природы. Сбой в нормальном функционировании внутреннего порядка полисной жизни влечет за собой размывание внешнего и внутреннего как четких политических ориентиров, что в свою очередь существенно затрудняет разграничение *stasis* и *polemos*. С этой проблемой сталкивается и сам Фукидид. И здесь нельзя не согласиться с Владимиром Милисавлевичем, усматривающим ее следы «в самой структуре» сочинения древнегреческого историка: «Во время войны между враждующими полисами угроза внутренней розни постоянно висит в воздухе»²⁵. В пользу этого заключения говорит и то, что в «Истории» Фукидида межполисная борьба между Афинами и Спартой тесно связана с такими событиями, как внутренний раздор на Керкире, и именно в посвященном описанию его логики разделе приведены основные соображения автора о сущности и опасностях гражданской распри.

²⁵ Milišavljević 2016: 699.

Таким образом, отсутствие четкой разделительной линии между обычной войной и гражданской распри фиксировалось еще античными мыслителями. По мнению Милисавлевича, «эта неразличимость между *polemos* и *stasis* делает работу Фукидида (и, добавим, классическую теорию *stasis* в принципе — А. Т.) еще более актуальной применительно к состоянию современного мира, которое можно описать в терминах мировой гражданской войны, не ограниченной национальными границами»²⁶. Парадоксальное сочетание внешнего и внутреннего в сердцевине гражданской распри сближает ее с обычной войной между государствами. Тем самым становится более понятным замечание Агамбена о том, что в политической теории не хватает учения о гражданской войне²⁷. Синтез проблематики *stasis* и современной теории войны — важный шаг к прояснению целого ряда вопросов, до сих пор вызывающих споры среди исследователей военных конфликтов.

²⁶ *Ibidem*.

²⁷ Агамбен 2021: 6.

Проблемное единство города и *stasis*

Каким образом интерпретация гражданской распри в античной философии помогает прояснить политическую логику войны в современном мире? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к книге Николь Лоро «Разделенный город», где представлен глубокий исторический и философский анализ *stasis*, способный, на наш взгляд, внести

серьезный вклад в разработку рассматриваемой проблемы (хотя и не касающийся ее непосредственно).

Stasis — это состояние, которое делит город надвое. При этом город трактуется не как некая пассивная конструкция, возникающая в результате договора граждан, а как политический субъект, который мыслит, решает, помнит или, наоборот, пытается забыть. Особого внимания здесь заслуживают забвение и память; так, анализируя конкретный эпизод из истории Афин, где в 403 г. до н.э. в результате гражданского конфликта была восстановлена демократия, Лоро показывает, как важно было для граждан вытеснить из памяти событие раздора *per se*. Забвение есть способ вытеснения не просто травматического события, но самого факта, что город не постоянен в своем единстве и может быть разделен²⁸.

²⁸ Лоро 2021: 62.

Опираясь на древнегреческую историю, Лоро выделяет два представления о гражданской распри. На первый взгляд, эти представления противоречат друг другу, поскольку одно базируется на логике внешнего, а другое подчеркивает внутренний характер *stasis*. Согласно первому, гражданская распря подобна ненастью, неконтролируемой природной стихии, которая обрушивается на город: «*stasis* помещается вовне: вовне города, возможно, вовне самой человечности — гражданская война понимается как катастрофа»²⁹. Второе трактует гражданскую распрю как одно из возможных состояний города, что делает ее особенно опасной, ибо, будучи частью его внутренней жизни, она легко может проявить себя при определенных обстоятельствах. Подобная трактовка отсылает нас к политической теории Гоббса, где естественное состояние рассматривается как внутренняя проблема (война — это не только само сражение, но и внутренняя готовность, воля к борьбе путем военного действия³⁰), а не спонтанное проявление внешней стихии. Тем не менее внутреннее (происходящее внутри города) и внешнее (констелляция событий за его пределами) тесно переплетены, сверхдетерминируя (в том смысле, которое вкладывал в этот термин Луи Альтюссер) саму возможность *stasis*. Поэтому эти два представления о гражданской распри в конечном счете не так уж далеко расходятся по своей логике, и оба связаны с тем, как город пытается сохранить собственное единство.

²⁹ Там же: 120.

³⁰ Гоббс 2016: 181.

Проблематичное единство города — один из ключевых моментов в исследовании Лоро. Каким образом город сохраняет свое единство? Через сокрытие того, что может быть симптомом его внутреннего разделения, — отвечает Лоро. Как справедливо замечает Урсула Збжезняк³¹, этот парадоксальный аргумент объясняет ту политическую динамику гражданской распри, которая позволяет воссоздавать нестабильное единство города. Забвение, вытеснение из памяти необходимо, поскольку оно потенциально затрагивает всю тотальность города, хотя побеждает, как правило, одна сторона. Но победа одной стороны не означает уничтожения другой. Политика памяти дополняет течение гражданской распри, позволяет до конца реализовать ее потенциал.

³¹ Zbrzeźniak 2019: 46.

³² Лоро 2021: 96.

Рассмотрим подробнее аргументацию Лоро. Понятие *κράτος*, рассуждает она, имело у греков «дурную репутацию»³², поскольку могло означать преимущество одной партии над другой, демонстрирующее, что при определенных обстоятельствах город может быть разделен конфликтом. В свою очередь слово *δημοκρατία* было призвано подчеркивать именно единство города, что предполагало сокрытие и отвержение конфликтного потенциала демократии. Иными словами, происходило «отвержение конфликта как закона политики и жизни в городе»³³. Но логика согласия и взаимопонимания в политике не всегда определяет цели гражданской жизни, конфликтность и возможность разделения, как намекает Лоро, способны выступить здесь в качестве связующих элементов.

³³ Там же: 97.

Единство, которое в политической философии традиционно выступает главным критерием стабильности, полагает Лоро, камуфлирует политическую роль конфликта как того, что воссоздает внутри города связь *политического*. Обращаясь к метафоре города как наделенного душой индивида, она указывает на разделенность этого индивида: фрейдистская аналогия вытеснения конфликта подчеркивает фундаментальность раздора внутри него самого. Расколотый город-индивид всякий раз инстинктивно стремится заново зафиксировать свое единство, и именно это создает позитивную политическую динамику возобновления связи между его гражданами. Расколотость и единство можно рассматривать не в статике (как крайние противоположности), а в динамике, то есть с точки зрения их способности учреждать политическое.

Гражданская распря действительно разделяет город, но это разделение несет в себе возможность возрождения целостности. Целостность без единства достижима только в том случае, если сама она является результатом периодического изменения. Раскрывая эту мысль, Лоро обращает внимание на комментарий Аристотеля к законодательству Солона, где говорится, что во время гражданской распри долг каждого гражданина — занять одну из сторон³⁴. В «Афинской политике» ясно обозначен контекст этой проблемы: смута в городе и беспечность граждан, которые «мирятся со всем, что бы ни происходило»³⁵. Разделенный город требует «склеивания» враждующих партий, однако, чтобы можно было вновь соединить разделенное, нужно встать на чью-то сторону, ибо нейтралитет будет означать попытку выйти за рамки политического, то есть быть вне виртуального единства города. Но в ситуации, когда требуется занять чью-то сторону, радикально политизируется, обретая конфликтность, даже семья. Безразличный гражданин — это «политически мертвый»³⁶ гражданин, он полностью выпадает из городского социума.

³⁴ Аристотель 1937: 17.

³⁵ Там же.

³⁶ Лоро 2021: 137.

В рассуждениях Лоро о месте *stasis* в жизни города можно обнаружить отзвуки прозрения Никколо Макиавелли о позитивной роли конфликта в политике. Описывая устройство Римской республики и двух основных ее частей — плебса и сената, он указывает, что конфликт между ними приносит государству политическую пользу, позволяя уч-

реждать «добрые порядки». Потенциальная конфликтность является важным компонентом политической жизни и не всегда содержит в себе семена деградации: «Нельзя называть подобные волнения вредными и считать расколотым государство»³⁷. Хотя эти заключения Макиавелли касаются конкретного исторического кейса Римской республики, сама фиксация позитивной роли конфликта свидетельствует о возможности альтернативы политической модели согласия. И если для приверженцев этой модели (к которым относятся, в частности, Юрген Хабермас и Джон Роулз) цель политики — это достижение гармонии и стабильности через согласие и единство всех граждан, то Лоро следует скорее отнести к той традиции политико-философской мысли, которая видит в конфликте основополагающий фактор политической жизни.

На близость теории Лоро к данной традиции обращает внимание, в частности, Збжезняк. Однако она не считает, что Лоро движется в том же русле, что и теоретики несогласия, такие как Шанталь Муфф или Жак Рансьер. С ее точки зрения, концепция Лоро более радикальна, поскольку «она идет гораздо дальше в реконструкции подавляемого измерения политики, и не только тогда, когда постулирует, что конфликтное, насильственное измерение постоянно пронизывает политические институты... но прежде всего тогда, когда рассматривает гражданскую войну как парадигму политического порядка»³⁸. В трактовке Лоро само событие *stasis* предстает не болезнью города или роком, «ненастьем», внезапно обрушивающимся на граждан, — *stasis* несет в себе политическую логику движения, активного созидания новой формы через конфликт и разделение. «В согласии нет ничего статичного»³⁹, первичность конфликта по отношению к согласию в очередной раз доказывает справедливость известного тезиса Гераклита: «все течет, все изменяется».

Таким образом, мы приходим к более точной формулировке, улавливающей связь между возможностью *stasis* и *политическим* в городе: «под анафемой *stasis* — пугающая констатация того, что гражданская война является сопринородной городу и даже основывающей политическое именно в качестве того, что является общим»⁴⁰. В итоге трагическая роль *stasis* в греческой истории приобретает более конкретные очертания: война внутри города «развязывает» старые противоречия, позволяя впоследствии создать новую форму единства; через забвение старых обид существующие в городе партии придают ему динамику развития и изменения собственных порядков. Конфликт «встряхивает» город, заставляя граждан занять разные позиции, без такого «расклеивания» политика будет расслаиваться до состояния «нейтральности».

³⁷ Макиавелли 2014: 121.

³⁸ Zbrzeźniak 2019: 45.

³⁹ Лоро 2021: 146.

⁴⁰ Там же: 130.

Диалектика внешнего и внутреннего и логика *stasis*

Работа Лоро послужила источником вдохновения для Агамбена в его анализе сущности гражданской войны. Он подробно комментирует основные тезисы Лоро, предлагая свое прочтение проблемы *stasis* через идею политизации внутреннего и деполитизации внешнего. Главная его гипотеза строится на выявлении неразличимости противоположно-

⁴¹ Агамбен 2021: 23.

стей. Подобный подход в принципе характерен для философии Агамбена, чья политическая диалектика, в отличие от гегелевской, нацелена на фиксацию неразрешимых противоречий, в рамках которых стираются границы между различными элементами системы. Так и *stasis* для него олицетворяет неразличимость семейного и политического⁴¹, когда кровное родство утрачивает свои исходные качества и человек, вступая в конфликт с другим гражданином своего полиса, уже не рассматривает его как корневое, базовое единство. Отталкиваясь от исследования Лоро, Агамбен тщательно выстраивает свою интерпретацию функции гражданской распри в политике и ее роли в превращении семейного в политическое, а политического (пространства города, полиса, государства) — в семейное. Гражданская распря обнажает политические возможности, заставляя индивида политизировать даже частное (семейное): «*stasis* функционирует как реагент, проявляющий политическую материю в экстремальном случае, как порог политизации, который сам определяет политический или неполитический характер того или иного сущего»⁴².

⁴² Там же: 26.

В теоретической реконструкции Агамбена *stasis* обретает более фундаментальные политико-метафизические черты. Возможность гражданской распри является напряженной точкой баланса в самом пространстве политического единства, когда конфликт может либо резко политизировать граждан, либо наоборот, деполитизировать их, выдвинув на первый план семейные узы. Итальянский философ описывает этот двоякий эффект *stasis* как разнонаправленное метафизическое движение: деполитизация стремится в сторону οἶκος (семья), политизация — в сторону πόλις (гражданского), само же событие *stasis* находится между ними как разделительная черта⁴³ или, точнее, потенциальная точка взрыва, способного дать толчок движению в ту или иную сторону.

⁴³ Там же: 32.

Итак, вместе с Лоро Агамбен пытается актуализировать понятие *stasis* для современной политической философии. Классическое представление о гражданской распре как о «ненастье» и «семейном конфликте» значительно расширяется, мы видим новую модель осмысления данного феномена. Гражданская распря — не просто модификация военного конфликта внутри политического единства, но важный симптом поворота к политизации внутреннего и деполитизации внешнего. Управление государством или даже совокупностью государств как «семьей», где нет четких правил, но есть патронаж, авторитет старшего и т.д., составляет одну сторону проблемы, другой же, напротив, выступает мобилизация и приведение в движение того, что до этого было нейтральным и находилось вне политики. Сегодня эта проблема приобретает глобальный масштаб, затрагивая межгосударственные отношения, транснациональные корпорации и связи между людьми на всем земном шаре. При этом роль *stasis* не сводится к разделению людей: посредством разделения *stasis* подготавливает почву для произрастания нового нестабильного единства. Полное исключение возможности

гражданской распри путем отнесения ее к феноменам типа террористической угрозы или, скажем, радикального фундаментализма (того, что изначально мыслится вне политики, как нечто маргинальное) означало бы исключение возможности воссоздания единства после конфликта. *Stasis* «встряхивает» сложившиеся порядки и устои, проверяет их на прочность и дает возможность «связать» людей заново, поскольку новые, более стабильные связи нельзя создать без радикального распутывания клубка старых противоречий.

**Заключение:
сила метафоры
гражданской
распри**

В описанной выше парадоксальной двойственности *stasis* и кроется ответ на вопрос о возможной роли соответствующего концепта в решении задачи переосмысления природы и сущности современной войны, стоящей перед политической философией. Поскольку доминирующий сегодня подход к пониманию данного феномена избегает проблематики интенсивного политического разделения, война предстает чем-то вроде полицейской акции по защите безопасности государства, приобретая элементы нейтральности и деполитизируясь. Автономность войны в политическом общении превращает ее в технический инструмент реализации чьей-то суверенной позиции. Но в условиях выдвигания на первый план суверенности той или иной позиции «речь» другого начинает восприниматься как аномалия, выходящая за пределы признанной, «справедливой» коммуникации. Сам язык описания в этом случае будет колебаться между техничностью, с одной стороны, и логикой маргинальности и нарушения закона, с другой. Парадигма автономности низводит гражданский конфликт до уровня «семейного»; отсутствие единодушия, аномия трактуются как противоестественные формы политической коммуникации.

Подобный взгляд на гражданский конфликт перекликается с одним из фиксируемых в античные времена пониманий *stasis*, в рамках которого гражданская распря связывается с воздействием неких внешних сил или случайных факторов, разделяющих изначально солидарных граждан. При таком понимании для восстановления мира достаточно устранения «преступников». Более того, лежащее в основе его представление о противоестественности *stasis* и ориентация на тотальное единодушие граждан заставляет мыслить любые формы конфликтов в категориях маргинального, террористического, то есть того, что требует полицейской акции.

Однако, как показывают новейшие исследования, феномен *stasis* гораздо сложнее, и гражданская распря — не просто эпизод в истории греческих полисов, но более фундаментальное явление, через которое просвечивают основания политики. Намеченная Лоро и развитая Агамбенем интерпретация *stasis* ставит в центр этого события само политическое. *Stasis* разъединяет людей, политизирует внутреннее, «семейное» и при этом способен деполитизировать внешнее, сделав его элементом установления связей, подобных семейным. Тем самым достигается уни-

кальный эффект диалектики разъединения: чтобы возникли новые политические связи, необходимо «расплести» старые противоречия. Логика *stasis* подразумевает признание ценности политического участия: стороны конфликта видят друг в друге равных, и победа одних не превращает других в «рабов».

Такой подход к пониманию *stasis* не предполагает отрицания конфликта *per se* и ориентации на достижение «вечного мира» внутри современного миропорядка. Но что еще более важно — он не сводит войну к преступлению против человечности, ибо подобная война теряет политической характер. Используя логику Аристотеля, можно определить полис как тонкую прослойку между животной жестокостью и божественной справедливостью как высшим насилием. Военные конфликты всегда балансируют на этой грани, и опыт тотальных войн демонстрирует, как легко божественная справедливость перерождается в невероятную животную жесткость. Войну как фактор политической жизни невозможно отменить, по крайней мере пока в принципе существуют те или иные формы политики, пока бытие человека не превратилось в технический процесс полного администрирования и управления. Рассмотренная нами модель *stasis* дает основания ожидать, что удержание военного конфликта в политическом русле распри между равными друг другу гражданами способно снизить указанные риски и позволить говорить о справедливости, взаимном признании, договоре и новой политике памяти даже там, где до этого вообще не было общего языка для коммуникации между сторонами противостояния.

Идея *stasis* как парадигмы понимания современной войны не означает оправдания глобального насилия как ситуации обыденного политического общения. Было бы ошибкой видеть в ней утверждение нормальности войн между соседями. Очевидна потребность в теоретическом и практическом осмыслении факторов реформативования военного конфликта, а также возможного влияния этого процесса на глобальные сети коммуникаций и сами основания политического общения между гражданами различных стран. Понятие глобальности еще больше усиливает метафору *stasis*, отсылая к тому образу, который мы встречаем еще у Фукидида: вступающие в военное противоборство общности сами по себе не являются радикально чуждыми, речь идет о политизации существовавших между ними «семейных» связей. И драма отдельного полиса, переживающего гражданскую распрю, есть часть более широкого противостояния, «расплетающего» старые противоречия. Тогда действительно остается не вспоминать старые обиды, и стирание памяти после события *stasis* позволяет новому политическому единству стабилизировать жизнь людей.

Библиография

- Агамбен Дж. (2021) *Stasis: Гражданская война как политическая парадигма*. СПб.: Владимир Даль.
- Арендт Х. (2011) *О революции*. М.: Европа.

- Аристотель. (1937) *Афинская полития*. М.: Государственное социально-экономическое изд-во.
- Гоббс Т. (2016) *Левиафан*. М.: Рипол Классик.
- Кревельд М. ван. (2015) *Трансформация войны*. М.: ИРИСЭН; Социум.
- Куманьков А. (2019) «Философия войны: краткий очерк истории» // *Логос*, т. 29, № 3: 99—116. URL: https://logosjournal.ru/upload/iblock/509/Logos_2019_3_3_1_Kumankov.pdf (проверено 11.06.2023).
- Лоро Н. (2021) *Разделенный город: Забвение в памяти Афин*. М.: Новое литературное обозрение.
- Макиавелли Н. (2014) «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» // Макиавелли Н. *Государь*. СПб.: Азбука-классика: 107—495.
- Платон. (2017) *Государство*. М.: Аст.
- Фукидид. (2022) *История*. М.: Аст.
- Хардт М. и А.Негри. (2004) *Империя*. М.: Практис.
- Хардт М. и А.Негри. (2006) *Множество: Война и демократия в эпоху Империи*. М.: Культурная революция.
- Del Gandio J. (2011) «Rethinking Immaterial Labor: Communication, Reality, and Neo-Radicalism» // *Radical Philosophy Review*, vol. 14, no. 2: 121—138.
- Manicas P.T. (1982) «War, Stasis, and Greek Political Thought» // *Comparative Studies in Society and History*, vol. 24, no. 4: 673—688.
- Milisavljevic V. (2016) «Human Nature and Stasis: On the Influence of Thucydides on Hobbes's Science of Politics» // *Zbornik Matice srpske za društvene nauke*, no. 4: 689—707.
- Orwin C. (1988) «Stasis and Plague: Thucydides on the Dissolution of Society» // *The Journal of Politics*, vol. 50, no. 4: 831—847.
- Zbrzeźniak U. (2019) «Stasis and Politics: On the Forgotten Role of Violence» // *Eidos. A Journal for Philosophy of Culture*, vol. 3: no. 2 (8): 40—50.

политика

A.R.Tretiak

STASIS AND POLITICAL PHILOSOPHY OF CONTEMPORARY WAR

Artur R. Tretiak — Ph.D. in Philosophy; Senior Lecturer at the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation. Email: assefir@mail.ru.

Abstract. In recent years, political philosophy has increasingly faced the question about the nature of the contemporary war. Despite the invention of

nuclear weapons, war has not disappeared from the historical scene. However, has its essence remained unchanged? In an era of global political communication, when it is increasingly difficult to separate foreign policy from domestic policy, do the trends in the development of military conflicts correspond to the classical ideas about war? One definitely needs a clear paradigm that would help to trace the common logic behind the whole variety of such conflicts taking place in the world today.

The article is devoted to the consideration of one of these paradigms, which is gaining momentum among political theorists. It concerns the conceptualization of all the modern military conflicts as a global civil war. Based on the works of Antonio Negri and Michael Hardt, the author outlines the general contours of this approach, after which he turns to the analysis of the phenomenon of a civil strife, described by the ancient Greek notion of *stasis* — a term that Giorgio Agamben put back to the current political vocabulary. His detailed study of the original meaning of *stasis* and its interpretation in the works of Nicole Loraux and Agamben reveals the potential of this concept to be a theoretical tool for understanding the logic of modern war.

Keywords: war, stasis, global order, the political, Antonio Negri, Michael Hardt, Giorgio Agamben, Nicole Loraux

References

- Agamben G. (2021) *Stasis: Grazhdanskaja vojna kak politicheskaja paradigma* [Stasis: La guerra civile come paradigma politico]. St Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)
- Arendt H. (2011) *O revoljutsii* [On Revolution]. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Aristotle. (1937) *Afinskaja politija* [Athenian Politics]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izd-vo. (In Russ.)
- Crevelde M. van. (2015) *Transformatsija vojny* [The Transformation of War]. Moscow: IRISEN; Sotsium. (In Russ.)
- Del Gandio J. (2011) "Rethinking Immaterial Labor: Communication, Reality, and Neo-Radicalism" // *Radical Philosophy Review*, vol. 14, no. 2: 121–138.
- Hardt M. and A.Negri. (2004) *Imperija* [Empire]. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Hardt M. and A.Negri. (2006) *Mnozhestvo: Vojna i demokratija v epokhu Imperii* [Multitude: War and Democracy in the Age of Empire]. Moscow: Kul'turnaja revoljutsija. (In Russ.)
- Hobbes T. (2016) *Leviafan* [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civil]. Moscow: Ripol Klassik. (In Russ.)
- Kumankov A. (2019) "Filosofija vojny: kratkij ocherk istorii" [Philosophy of War: A Brief History] // *Logos*, vol. 29, no. 3: 99–116. URL: https://logosjournal.ru/upload/iblock/509/Logos_2019_3_3_1_Kumankov.pdf (accessed on 11.06.2023). (In Russ.)

Lorax N. (2021) *Razdelennyj gorod: Zabvenie v pamjati Afin* [La cité divisée: L'oubli dans la mémoire d'Athènes]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Machiavelli N. (2014) “Rassuzhdenija o pervoj deкаде Tita Livija” [Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio] // Machiavelli N. *Gosudar’* [Il Principe]. St Petersburg: Azbuka-klassika: 107—495. (In Russ.)

Manicas P.T. (1982) “War, Stasis, and Greek Political Thought” // *Comparative Studies in Society and History*, vol. 24, no. 4: 673—688.

Milisavljevic V. (2016) “Human Nature and Stasis: On the Influence of Thucydides on Hobbes’s Science of Politics” // *Zbornik Matice srpske za društvene nauke*, no. 4: 689—707.

Orwin C. (1988) “Stasis and Plague: Thucydides on the Dissolution of Society” // *The Journal of Politics*, vol. 50, no. 4: 831—847.

Plato. (2017) *Gosudarstvo* [Republic]. Moscow: Ast. (In Russ.)

Thucydides. (2022) *Istorija* [The History of the Peloponnesian War]. Moscow: Ast. (In Russ.)

Zbrzeźniak U. (2019) “Stasis and Politics: On the Forgotten Role of Violence” // *Eidos. A Journal for Philosophy of Culture*, vol. 3: no. 2 (8): 40—50.

ПОЛИТИЯ

Л. Е. Бляхер, К. В. Григоричев, А. В. Ковалевский

БАРОН УМЕР — ДА ЗДРАВСТВУЕТ БАРОНЕТ! Политическая медиация на границе пустого и наполненного пространства¹

¹ Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Фондом поддержки социальных исследований «Хамовники».

Леонид Ефимович Бляхер — доктор философских наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск). Для связи с автором: leonid743342@mail.ru.

Константин Вадимович Григоричев — доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета; профессор кафедры антропологии и этнологии Национального исследовательского Томского государственного университета. Для связи с автором: grigoritchev@yandex.ru.

Андрей Владимирович Ковалевский — младший научный сотрудник департамента научных исследований Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск). Для связи с автором: kovalevskiy@yandex.ru.

Аннотация. В статье на материале серии экспедиций в северные районы Иркутской области рассматривается ситуация формирования особого рода квазиполитических акторов, обозначенных в тексте термином «таежный баронет». Эти акторы возникают в условиях, когда вследствие «оптимизации» структур, ответственных за сбор информации о социальном пространстве, последнее, с точки зрения власти, становится «пустым». Наряду с массивом поддающихся считыванию маркеров наполненного пространства сокращается и в пределе сходит на нет набор операторов, способных их считывать. В результате власть оказывается слепой, лишенной возможности выполнять управленческие функции. Между тем, став невидимым для властного взора, данное пространство сохраняет себя в качестве административно и политически заданной территории, на которой представители местной власти вынуждены осуществлять предписанную им и легально закрепленную за ними деятельность. В силу «слепоты» власти эта деятельность неизбежно превращается в имитацию. Проблема, однако, в том, что в «пустом»

в восприятии власти пространстве сохраняются жители, для которых это пространство остается и социальным, и «наполненным» и которые продолжают ждать от властных институций предоставления некоторого объема общественных благ. Соответственно, возникает конфликт, проявляющийся в жалобах, обращениях в правоохранительные органы и вышестоящие по отношению к местной власти инстанции, которые ставят под удар благостную картину, рисуемую в отчетах. Необходимость как-то нейтрализовать эту угрозу и порождает потребность в агенте, не связанном проистекающими из властного взгляда ограничениями и способном ориентироваться на положение «здесь и сейчас», не нуждаясь во всеобщих нормативах. Он не просто берет на себя ряд функций местной власти, но и выступает универсальным медиатором между «пустым» и «наполненным» пространством, между локальным сообществом и государственной структурой.

Ключевые слова: пространство, территория, пустое и наполненное социальное пространство, издержки контроля, власть, население, медиатор

Одним из наиболее заметных и фиксируемых процессов в современной России стало сужение пространства политики, соответствующей базовым теориям². Сокращается число активных политических акторов (и сфер, где они возможны). Большая их часть перетекает из политики в систему управления, уже в минимальной степени обладающую политическим измерением. Политическое в его изначальном смысле, как институционализация активного существования человека в сложном обществе, собственное целеполагание, согласование и отстаивание интересов (индивидуальных и групповых), вытесняется из видимого социального пространства и легального дискурса в маргинальные области. Оно все реже выходит на поверхность, проявляясь лишь в ситуации более или менее явных сбоев в работе деполитизированного механизма управления³. Камералистское и дирижистское государство все менее расположено оставлять место для политического участия, самостоятельной политической активности.

Но если политика есть объективно существующая часть реальности, то, по логике вещей, в случае изгнания ее из официального дискурса и публичного поля она должна проявиться в какой-то иной форме. Поиск этих новых форм проявления политического за пределами привычных и опробованных моделей составляет сегодня содержание немалого числа политологических штудий⁴. Политическое ищут и обнаруживают в городском активизме⁵, региональной политике⁶ и др. Порой начинает воспроизводиться и советская практика чтения между строк, угадывания политического в неполитических жестах, высказываниях и действиях публичных фигур.

В отличие от второго подхода, по сути представляющего собой акт аналитического отчаяния, перенос в науку инструментария «телевизионных политологов», первый выглядит вполне оправданным. Ведь

² Патрушев и Филиппова (ред.) 2019.

³ Бляхер и Ковалевский 2021.

⁴ См., напр. Патрушев и др. 2022.

⁵ Паченков и Воронкова 2021.

⁶ Зубаревич 2017.

вплоть до середины нулевых годов текущего столетия региональная и городская политика не просто присутствовала, но и существенным образом влияла на содержание политики федеральной⁷. О «региональных баронах» писали многие исследователи, в том числе и один из авторов

⁷ Бляхер 2021.

настоящей статьи⁸. И речь при этом шла не только об особой роли губернаторов, но и об особых политических режимах, возникающих на той или иной территории⁹.

⁸ Bliakher 2013.
⁹ Люхтерхандт, Рыженков и Кузьмин 2001.

Исчезновение «региональных баронов», замена их на «эффективных менеджеров» не делает страну более гомогенной. А различие требует некоторой представленности, учета, а значит, политики, хотя бы в форме описанного Симоном Кордонским «административного торга» и конструирования угроз¹⁰.

¹⁰ Кордонский и Дехант 2014.

Исследователи продолжают говорить о региональных политических элитах и в ситуации, когда последние de facto превратились в чиновников среднего уровня, чьи возможности ограничиваются распределением бюджетных средств по статьям, сформированным за пределами региона¹¹. Правда, функции, возлагаемые на них официально и дискурсивно, гораздо шире. Не обладая ресурсами и инструментами «региональных баронов» 1990-х годов, они должны, как и те, поддерживать социальную стабильность на подведомственной им территории, способствовать реализации на ней федеральных проектов, обеспечивать явку и результаты выборов и многое другое. Иными словами, они должны контролировать вверенную им территорию, управлять ею — при том что у них нет не только необходимых для этого ресурсов, но зачастую и инструментов, позволяющих «видеть» ее.

¹¹ Усова 2020.

Оптимизация структуры поселений, сокращение числа сотрудников статистических служб, правоохранительных и надзорных органов превращают власть, особенно на местном уровне, в подобие ослепленного Полифема, при всей своей мощи оказавшегося не в состоянии контролировать собственную пещеру. Для сохранения непротиворечивости общей картины выпадающие из поля зрения власти пространства представляются (в отчетах, в статистике) «пустыми». Особенно отчетливо данная тенденция прослеживается в случае удаленных от центра пространств. И дело отнюдь не сводится к невозможности осуществления контроля, недостаток которого вполне может быть компенсирован за счет имитации деятельности по управлению территорией.

¹² Филиппов 2009.

Как показывает Александр Филиппов, опираясь на труды Анри Лефевра, «пустое пространство» — это не то пространство, где ничего нет, а то, где нет того, что ожидалось там увидеть¹². Социальное пространство, как и пространство политическое, представляет собой текст с заданной структурой знаков и способов их считывания. Отсутствие в пространстве того, что может быть считано наблюдателем как знак, и приводит к трактовке его как «пустого».

Иначе говоря, отсутствие в социальном или политическом пространстве ожидаемого не означает, что оно является «пустым» физически. Там живут люди, присутствуют, пусть удаленно, органы власти, по-

ставляющие «наверх» отчеты о состоянии дел, имеется даже некоторый набор столь же удаленных правоохранительных и надзорных органов, которые тоже как-то осуществляют свою деятельность. И если власти продолжают «не видеть» это пространство, рассматривать его в качестве «пустого», «сжавшегося», то для жителей оно вполне наполнено, наполнено их жизнью, их витальностью. Потому восприятие его властью как «пустого» расценивается ими как неисполнение или ненадлежащее исполнение ею своих функций. Формируется конфликт, способный стать для местной (районной, региональной) власти фатальным, лишить ее легитимности, делегализовать нарисованную в отчетах картину реальности.

Указанное положение дел порождает даже не возможность, а жгучую необходимость личного целеполагания, создания именно политических инструментов, причем таких, которые были бы «невидимы» для вышестоящих. И с этой проблемой сталкиваются не только губернаторы, объем ответственности которых никак не соотносится с ресурсами и полномочиями. В аналогичной ситуации оказываются и муниципальные власти — нижний уровень государственного управления, существующий под псевдонимом «местное самоуправление», и даже силовые и надзорные органы — основной инструмент дирижистского государства¹³.

Поскольку все эти акторы и структуры являются элементами «вертикали власти», возможность публичной презентации своих интересов и проблем, в том числе отмеченного дисбаланса между обязанностями и ресурсами, для них закрыта. В связи с этим и возникает потребность в новых механизмах властвования/управления. Но, будучи по сути политическими, эти механизмы нужны отнюдь не для утверждения своей власти/господства, а лишь для того, чтобы обеспечить соответствие утвержденному вышестоящей структурой регламенту, то есть оставаться неполитическим элементом государственной машины.

Понятно, что такие механизмы неизбежно оказываются за пределами государственных нормативов, в «невидимой зоне» — в противном случае они автоматически попадали бы под действие той или иной контролирующей структуры. Соответственно, работу по осуществлению своей административной функции чиновник ведет на свой страх и риск, вступая в область личной ответственности, устанавливая собственные режимы господства. Другими словами, политика проводится по поводу возможности избежать политики.

Стратегия избегания политики, обретения и поддержания «невидимости» для государства и его инструментов (даже если сам избегающий — инструмент государства) довольно распространена. Именно о ней идет речь в исследованиях осознанного конструирования невидимости мигрантами в крупных городах¹⁴, невидимых пространств российских городов и пригородов¹⁵ и т.д. Однако степень ее проявленности в различных локалах страны неодинакова.

В столицах и просто мегаполисах, где уровень контроля достаточно высок и базируется на развитой электронной коммуникации («ум-

¹³ Бляхер, Григоричев и Елохина 2021.

¹⁴ Толыгина 2019.

¹⁵ Григоричев 2013.

ный город», системы электронного контроля и т.д.), та или иная форма невидимости может предоставляться лишь высшими структурами государства (особенно когда речь идет о крупных акторах)¹⁶ либо реализовываться в совсем периферийных, маргинальных сферах¹⁷. В подобных условиях предельно сложным оказывается даже обнаружение такого рода стратегий, не говоря уже о сколько-нибудь подробном их описании.

¹⁶ Кордонский 2018.

¹⁷ Селеев и Павлов 2016.

Зато в пространствах, удаленных от центра, от электронной коммуникации и мобильной связи, в пространствах с пониженными возможностями контроля такие стратегии и практики их реализации вполне зримы и относительно легко поддаются фиксации. Их не заслоняет плотная институциональная среда или ее имитация. О них в том или ином виде говорят. Они входят в локальный «публичный» дискурс, становятся значимыми элементами не бюрократической (всеобщей) реальности, но «метиса»¹⁸, реальности «здесь и сейчас». Это и делает их доступными для изучения.

¹⁸ Скотт 2005.

Возникающие здесь сложности носят не столько методологический, сколько технический характер. Территории с пониженным государственным и иным контролем хотя и составляют значительную, если не большую часть страны, удалены не только от государства, но и от исследователя. Там нет дорог, почти нет связи, там невозможно обеспечить ученому даже минимально приемлемые условия проживания. Организации же «кабинетного исследования», использованию столь популярных сегодня Big Data препятствует то обстоятельство, что действующие там акторы старательно избегают публичности, попадания в реестры, любой видимости, воспринимаемой ими как угроза. Поэтому подобные территории анализируют преимущественно географы и этнографы, но никак не представители социально-политических дисциплин¹⁹.

¹⁹ Замятина и Лярская 2022.

²⁰ Трейвиш 2010.

Социологи, экономисты и политологи предпочитают вслед за государством фиксировать пространственное сжатие²⁰, сосредоточившись на «видимых», еще не сжавшихся локациях. Сжавшееся же пространство в их интерпретации, как и в глазах власти, выглядит пустым. Наличие отдельных работ о таком пространстве только подчеркивает его выделенность и экзотичность в рамках властного и научного дискурсов²¹.

²¹ Позаненко 2018.

В восприятии власти пространство это предстает пустым, поскольку низовые структуры (поселения) там либо отсутствуют, либо охватывают настолько значительную территорию, что сами ее размеры исключают бюрократическое знание, да и управление *per se*. Соответственно, применительно к нему нет сколько-нибудь достоверной статистики — основного «органа зрения» власти. Для исследователей же оно просто труднодоступно, а экспедиции в российской традиции пока не стали привычным инструментом политической науки.

В настоящей статье представлена попытка взглянуть в такое пространство глазами политолога и выявить специфику работы властных механизмов и акторов на территории, имеющей имидж пустой. В осно-

ву исследования легли результаты трех экспедиций, проведенных в 2018, 2021 и 2022 гг.

Географически исследование охватывало четыре района Иркутской области (Жигаловский, Усть-Кутский, Казачинско-Ленский и Киренский), расположенные в верхнем течении Лены (92 населенных пункта)²². Крайние точки маршрута отстояли от областного центра на 420—1560 км (другие крупные города находились намного дальше).

²² Бляхер,
Григоричев
и Ковалевский
2023.

Основными инструментами исследования выступали наблюдение и интервьюирование. В общей сложности было собрано 36 интервью, из которых пять были получены заранее (три интервью с бывшими жителями интересующей нас территории, два — с менеджерами действующей там крупной газодобывающей компании), а остальные непосредственно в ходе экспедиций. Все респонденты, проинтервьюированные нами в «поле», юридически или фактически проживали в населенных пунктах вдоль реки. 18 из них не имели формальной занятости или получали пенсию, трое квалифицировали себя в качестве предпринимателей, восемь отнесли себя к рабочим (речники, грузчики, работники лесопилки, строители). Два респондента назвали себя мэрами поселений (при том что само поселение как административная единица отсутствовало).

Помимо респондентов в качестве источника информации использовались информанты (случайные собеседники). Кроме того, готовясь к экспедициям, мы изучили спутниковые снимки территории, официальные отчеты районов и области, материалы СМИ.

Ранее мы уже предлагали политологическую интерпретацию ситуации в Жигаловском и Усть-Кутском районах, изученных в ходе первых двух экспедиций²³. Значительная часть их территории обладает статусом межселенной, то есть юридически не имеет поселенческой структуры и, соответственно, органов власти. В этих условиях там разворачивается самая разнообразная неформальная деятельность (рекреация, рыбный и охотничий промысел, фермерство), никак не отражающаяся в государственной статистике, причем осуществляет ее довольно разнородный круг акторов, включающий в себя жителей как самих «межселенных территорий», так и районных центров и даже более удаленных крупных городов. Казалось бы, подобное положение дел должно говорить о полном безвластии. Тем не менее власть там присутствует, хотя и удаленно, на границах территории, обозначая и задавая эти границы. Более того, на «межселенных территориях» находятся акторы, способные мобилизовать удаленную власть. Такую политическую форму мы обозначили термином «периферия власти».

²³ См. Бляхер,
Григоричев
и Пешков 2022.

Недостаток эмпирического материала, однако, заставил нас ограничиться лишь выдвиганием ряда гипотез о политических механизмах на периферии власти. Экспедиция 2022 г., расширившая географический охват исследования на территории от Усть-Кута до п. Витим, позволила нам уточнить прежние заключения, а также очертить контуры властного консенсуса в «пустом пространстве» и проследить логику

поведения действующих в нем государственных и негосударственных акторов. На сделанные в ходе нее наблюдения мы и будем опираться далее.

**Описание кейса:
«местные»,
«нефтяники»
и «тяжелый
баронет»**

Пространство, попавшее в поле нашего зрения в 2022 г., отличается от исследованного ранее тем, что включает в себя минимум «жизненных территорий» — меньше 10%. До 2012 г. этот показатель приближался к 50%, но затем сюда пришли крупные газодобывающие компании, началась разработка Ковыктинского месторождения, было запущено несколько проектов в сфере нефтедобычи. Отчисления компаний увеличили ресурсы местных органов власти, что позволило в ряде случаев восстановить поселенческую структуру. Однако это восстановление не изменило ситуацию принципиально.

Расстояние между населенными пунктами, входящими в поселение, составляет 35—70 км. При этом основной для местного населения (хотя и не везде единственной) транспортной артерией остается река (Лена). Учитывая, что с сентября по ноябрь и с апреля до конца мая эта артерия не работает, а выделяемых органам местной власти и надзорным структурам горюче-смазочных материалов заведомо недостаточно для организации регулярной коммуникации и контроля, связь между центром поселения (не говоря уже о райцентре) и населенными пунктами чаще всего оказывается номинальной.

В районе Ковыктинского месторождения, п. Магистральный, райцентра Казачинское и г. Усть-Кут фиксируются если не полностью легальные, то вполне понятные (и уже описанные²⁴) отношения. Но на сравнительно небольшом удалении в несколько десятков километров возникают совсем иные практики. Причем возникают они именно там, где механизм государственного контроля дает сбой. Так, природоохранные структуры, контролирующие территорию р. Киренга от БАМа до впадения в Лену, находятся в Усть-Куте. По карте расстояние между территорией охраны и городом — 100 км, на практике же, с учетом, что движение возможно только водным путем, оно превышает 300 км. По свидетельству одного из сотрудников природоохраны, выделяемого его подразделению топлива хватает не более чем на 2—3 инспекторские поездки в год. Соответственно, для такой поездки требуются какие-то особые, форс-мажорные обстоятельства. В обычных же условиях территория остается «невидимой» для власти, то есть «пустой». Тот факт, что надзорные ведомства иной направленности и силовые органы находятся гораздо ближе (в Казачинском и Киренске), ситуации не меняет, поскольку активность местного населения разворачивается именно в подведомственной природоохранителям сфере (рыболовство, лесной промысел, предоставление рекреационных услуг приезжим «иркутянам»).

Но если для государства пространство «сжалось», перестало быть «экономическим»²⁵, то для местного — и неместного — населения оно расширилось. В нем появились возможности, которых не было прежде.

²⁴ Плюснин 2018.

²⁵ Зубаревич 2012.

«А это? Это баня была. Я эту баньку сам переделал. Теперь сдаю. Летом на рыбалку приезжают ваши, из Иркутска. Вот им и сдаю. Они уже третий или четвертый год приезжают. Им хорошо — и мне хорошо» (мужчина, 71 год, житель Казачинско-Ленского района).

Более того, восстановление государственного контроля приводит к исчезновению промысла, падению интереса к территории и местным, и пришлым. Так, в частности, произошло в одном из населенных пунктов, входящих в состав Казачинского поселения (расстояние около 35 км, имеется грунтовая дорога до райцентра).

«У нас раньше межселенные территории были, напрямую к району относились. До нас дела никому не было. Вот тогда и появились эти, бандиты. Ну, которые из Братска, Иркутска, из Усть-Кута. Они стали базы, дома строить, нашу рыбу ловили как хотели. И все по закону. У всех разрешения. А потом, когда нас в Казачинское, в райцентр включили, народ поднялся, и эти все исчезли» (женщина, 52 года, жительница Казачинско-Ленского района).

У авторов статьи недостаточно материала, чтобы оценить роль «поднявшегося народа», но важно учитывать, что именно в этот период в район «зашли» нефтегазовые компании, отчасти принявшие на себя функции энфорсера и «пробудившие» правоохранителей. В результате зарождавшаяся активность, напоминая ту, что была зафиксирована нами на участке выше Усть-Кута по течению Лены²⁶, прекратилась. «Пришлые» («бандиты из Братска и Усть-Кута») исчезли, а у местных появился новый источник дохода — нефтяники и газовики. Упомянувшиеся в интервью цены на аренду жилья в Магистральном (самом близком к Ковыктинскому месторождению населенном пункте) для работников «Газпрома» и «Транснефти» в несколько раз превышают стоимость аренды квартиры в областном центре. В ходе экспедиции нами были обнаружены фермы и рекреационные зоны близ п. Окунайский (где строится наливной терминал) и Магистрального, ориентированные отнюдь не на местных жителей и, что важно, отсутствующие в госреестре. То есть неформальные промыслы, не мешающие деятельности нефтегазовых гигантов, сохранились и процветают.

Но вся эта активность ограничивается расстоянием в один дневной переход от крупнейших центров сосредоточения «нефтяников» (так в интервью именуется работники не только собственно нефтяных, но и газовых компаний). В целом коммуникация между «нефтяниками» и местным населением сведена к минимуму. Особенно это бросается в глаза в Киренском районе. Поселки вахтовиков там всегда расположены за границами местных населенных пунктов (наши респонденты объясняют это стремлением избежать лишних контактов и трат на муниципальные нужды); местным жителям запрещено пользоваться дорогами, проложенными «Транснефтью»; их не привлекают в качестве работников. Даже питание вахтовиков организовано вне связи с местным хозяйством.

²⁶ Бляхер, Григоричев и Пешков 2022.

Пребывая на одной территории, «нефтяники» и «местные» обитают в разных пространствах. Первые находятся в пространстве «больших проектов», охватывающих страны и континенты. Местное население с его проблемами для «больших проектов» не более значимо, чем случайный пейзаж за окном для пассажира поезда дальнего следования. «Местные» живут в пространстве «здесь и сейчас». В условиях отсутствия круглогодично действующих дорог и просто какого-либо сообщения между населенными пунктами каждый «элемент ландшафта» (река, лес, земля — и те же вахтовики) используется для выживания. В этих условиях дистанцирующиеся от «местных» «нефтяники» (прежде всего строители газопровода «Сила Сибири») воспринимаются ими как непонятные и не особенно желательные соседи.

В свете вышесказанного неудивительно, что обе стороны стараются отгородиться друг от друга. И наряду со шлагбаумами, перекрывающими местным доступ к дорогам, которыми пользуются строители газопровода, появляются и совсем нехарактерные для сибирской деревни шлагбаумы на въезде в населенные пункты — «чтобы „нефтяники“ не ездили, своими машинами дорогу не разбивали».

Во многих работах, особенно экономического плана, наличие крупных корпораций трактуется как определяющий фактор развития территории²⁷. В рассматриваемом нами случае ситуация складывается иначе. Компании («Газпром», «Транснефть», Иркутская нефтяная компания) играют значимую роль в Усть-Куте и поселениях, непосредственно соседствующих с Ковыктинским месторождением. За их пределами находится совсем иной мир, с иными акторами. Ключевой актер этого мира был назван в первом же населенном пункте за Киренском. Рассказывая о том, как много всего здесь было в советское время, наш респондент заметил: *«Ну ничего, когда Т.²⁸ придет к власти... В смысле, когда он сюда придет, тут опять все будет распахано и засажено»*. Стоит отметить, что местные власти упоминались в интервью не особенно часто и далеко не в позитивном ключе, тогда как имя Т. звучало постоянно.

Это предприниматель, начавший свою деятельность на золотых приисках в Бодайбо, но в 2002 г. переехавший в Киренский район. Арендовав лесные деляны, он выстроил на месте бывшего населенного пункта (в «пустоте») лесопилку. Позднее к заготовке леса и производству пиломатериалов добавились автотранспортная и строительная компании, флотилия речных судов, разнообразные торговые предприятия. В начале 2010-х годов у него появилось новое направление деятельности — сельское хозяйство, производство мяса, молока, кормов и т.д.

«Сам нам так и сказал, что лес не вечен, нужно в землю вкладываться. Тогда и начали скупать колхозные паи, землю пахать, скотину разную... разводить, зерно сеять. Считаю, что до В.²⁹ вся земля, которая в деле, теперь ему принадлежит» (мужчина, чуть старше 40 лет, житель Киренского района).

²⁷ Диденко и др. 2015.

²⁸ Фамилия персонажа.

²⁹ Название населенного пункта.

На момент экспедиции (июль-август 2022 г.) Т. выступал основным работодателем для местного населения на территории протяженностью более 300 км вдоль Лены — от Киренска до Витима (лесные деланы, лесопилки, пристани, ремонтные базы, авто- и речные перевозчики, сельское хозяйство и т.д.). Помимо пиломатериалов и древесины, а также грузов в рамках «северного завоза» в Якутию, его суда перевозят и пассажиров. Трудовых ресурсов района не хватает. Потому, как и нефтегазовые компании, предприниматель активно прибегает к вахте. Но если у «нефтяников» *«ближе чем за тысячу километров никого не берут»*, то Т. нанимает и местных. Для всего района он оказывается «хозяином».

³⁰ Зиновьев 2014.

В отношении нанятых вахтовиков его позиция «хозяина» достаточно очевидна. Он устанавливает жесткие правила, чем-то напоминающие правила, действовавшие на приисках в царское время³⁰, требует неукоснительного их соблюдения, вводит штрафные санкции не только за само нарушение правил, но и за споры с вышестоящими.

«Мне один парень рассказывал. Приехали они на автобусе на вахту, а там пьяные и бычки валяются. Их всех на пять тысяч оштрафовали. Он сам не курит и трезвый был. Пошел к начальству жаловаться. Так ему еще семь тысяч штрафа приписали за неуважение к начальству. Вот и выходит, что он и дня не проработал, а уже 12 тысяч должен. У них все так. Работа весь день. Отдых только когда объявят перерыв. Выпил — штраф, покурил в неподобающем месте — штраф, за драку — штраф. А деньги только после вахты» (мужчина, 51 год, житель Киренского района).

При этом вахтовикам оплачивается дорога от дома до места работы и обратно, созданы вполне комфортные по местным меркам условия проживания и отдыха, организовано трехразовое питание за счет предприятия. Да и оплата, по отзывам местных жителей, весьма достойная.

На основных производствах (лесопилки, молочный цех, производство кормов) заняты вахтовики. Но на большей части подсобных предприятий задействованы местные. Здесь отношения выстроены не столь жестко и однозначно — перерывы *«как устанем»*, меньше штрафов. Однако и в этом случае правила устанавливает «хозяин». Инструментов давления у него хватает, и связаны они не только и не столько с позицией главного работодателя. Для местных жителей он не просто работодатель, но «благодетель». Он обеспечивает жителей деревень топливом на зиму (отходы лесопилок) — но может отказать в этом благе. От него зависит, получают ли они зерно для выпечки хлеба, корма для разведения скотины и многое другое.

Когда мы спросили одного из местных жителей, почему в его деревне не держат скотину, он объяснил нам, что «хозяин» запретил выдавать корма на бычков и коров. Рассказанная им в связи с этим история весьма примечательна. Блокировав поставку кормов для скота (у него свой есть), «хозяин» предложил жителям разводить птицу — дескать, он сам будет покупать яйца и тушки. Опасаясь, что в такой ситуации «хо-

зяин» навяжет им слишком низкую цену, они отказались, чем навлекли на себя «немилость». Ее проявлением стало не только прекращение поставок каких-либо кормов вообще, а заодно и топлива, но и отказ закрывать глаза на провоз неоформленных грузов на судах, осуществляющих регулярные рейсы по реке, что лишало жителей деревни доступа к рынкам сбыта продукции их промыслов. И хотя ситуация вскоре разрешилась («хозяину» поднесли медвежьи шкуры хорошей выделки, и он снял опалу), запрет на поставку кормов сохранился.

Показательно здесь наличие у «хозяина», совершенно неполитического актора, права и возможности карать и миловать, налагать санкции и вознаграждать. Конечно, объем его власти даже близко не сопоставим с тем, которым обладали исчезнувшие «региональные бароны», бывшие на своей территории почти суверенными правителями, источниками силы. Хозяин может многое, но исключительно потому, что это позволяет (находит выгодным) носитель реальной, пусть и периферийной власти. Его роль чем-то напоминает ту, что когда-то связывалась с титулом баронета, введенным для того, чтобы власть (королевская) могла осуществлять свою функцию — содержать армию. Конечно, в финансировании армии наш герой не участвует. Но некоторые значимые функции власти осуществлять помогает.

Владея разбросанным на сотни километров бизнесом, «хозяин», «таежный баронет», не может удовлетвориться речным сообщением, которое едва ли не половину года не работает. Потому он ведет активное дорожное строительство (часто с нарушением всех мыслимых экологических норм). Именно эти формально не существующие дороги связывают деревни в некоторое подобие целостности. Пройдет ли дорога через данный населенный пункт, определяется отношением «хозяина» к его жителям.

Важно и то, что эта власть неполитического актора воспринимается местным населением как вполне легитимная. Жители «владений» знают о «баронете», принимают его, проводят по поводу него собственную «политику». Один из вариантов такой «политики» описал нам староста населенного пункта в Киренском районе:

³¹ *Название бывшего населенного пункта, где расположена основная часть принадлежащих Т. производств.*

«Я как-то привез ягоды в Д.³¹, которые наши насобирали. Настоящие, таежные. У них и запах, и вкус особенный. Хотел ему продать. А он уперся. Не буду, говорит, по этой цене брать. И предлагает мне совсем смешную цену. И я, и он цену знаем. Только он не стал брать. То ли обиделся на что-то, то ли просто не с той ноги встал. Кто его знает. Ну, я, чтобы его не обижать, что через его голову торгую, его замам просто так раздал, без денег» (мужчина, 53 года).

При этом «баронет» — отнюдь не воротила теневого криминального бизнеса. Все предприятия, которые он контролирует, официально зарегистрированы. В 2021 г. их оборот составил более 4 млрд рублей. Т. пользуется областной дотацией на пассажирские перевозки, на свои средства снабжает молоком детские дошкольные учреждения района.

Районные власти не просто о нем знают, но активно взаимодействуют с ним. В деятельности «баронета» не проглядывает не только стремления стать властью или подменить собой власть, но даже склонности к минимальной демонстрации той власти, которую имеет. Только раз, в 2013 г., Т. выдвигался в законодательное собрание Иркутской области, но, что показательно, снялся с выборов. Не свойственно ему и демонстративное потребление. На всем протяжении его «владений» нам не встретилось «дворцов» или хотя бы строений, сходных с теми, что были обнаружены на «межселенных территориях» Жигаловского района³².

³² *Bliakher etc.*
2021.

Иными словами, хозяйствующий субъект, обладающий огромным объемом власти и инструментами энфорсmenta, не является конкурентом легальным органам власти на районном и местном уровне. Попробуем прояснить и описать механизм взаимодействия этих акторов.

Как управлять, если управлять невозможно

³³ *Моляренко 2018.*

Возникшая во второй половине 1990-х годов система местного самоуправления все последние десятилетия подвергалась усиленной оптимизации. Ее функции сужались, передавались низовым подразделениям отдельных ведомств — от функции учета населения до функции взимания налогов и регистрации занятости³³. Уменьшалось число самих муниципальных образований, штат задействованных в них работников. Причины такого развития событий понятны. За постсоветские годы сократилось сельское население, что сделало избыточной и муниципальную структуру. Естественно, что при этом шло активное вытеснение из органов местной власти проникших туда «несистемных» игроков.

Но структуры, на которые предполагалось переложить функции оптимизированной системы местного самоуправления (фискальные, природоохранные службы, МВД и др.), тоже оптимизируются. Будучи первоначально следствием более общего процесса сжатия пространства, оптимизация превращается в один из важнейших его механизмов: наряду с массивом считываемых маркеров наполненного пространства оскудевает и набор операторов, способных их считывать. В результате муниципальные органы лишаются официальной информации о количестве жителей, их занятости, состоянии инфраструктуры и т.д. Резко сокращаются бюджеты муниципальных образований. Возникает ситуация, когда у местной власти не оказывается ни ресурсов, ни легальных компетенций для управления подведомственной территорией.

Между тем именно она (местная власть) ответственна за социальный мир на территории, за благоустройство, поддержание и развитие инфраструктуры, включая медицинские учреждения, учреждения образования и культуры. То есть воспроизводится ситуация, описанная нами в статье «Принуждение к enforcement'у»³⁴. Для того чтобы успешно выполнять свои административные функции, агент или структура вынуждены изобретать новые, не вполне легальные способы действия.

³⁴ *Бляхер,
Григоричев
и Елохина 2021.*

И это в условиях относительно небольших пространств, относительно развитой инфраструктуры. В нашем же случае речь идет о территории, сравнимой по площади с Московской областью и почти вдвое превосходящей Калужскую или Владимирскую, где основной, а порой и единственной транспортной артерией является река. На большей части района отсутствует мобильная, да и любая другая связь. В этом варианте малореальным оказывается не то что легальное знание, но знание о ситуации в принципе. В интервью и беседах с информантами при описании отношений власти и населения часто звучала фраза: «*Нас здесь нет*» («*для власти нас здесь нет*»). И дело тут не в «теневом» существовании. Просто власть (местная, районная, областная) физически не в состоянии составить реальную картину жизни на подведомственной территории, а значит, и действовать. Сколько человек проживает в населенном пункте? Чем они занимаются? Эти и десятки других вопросов остаются без ответа не только на «межселенных территориях», где жители размазаны по огромному пространству приленской тайги, но и в более благополучных поселениях. Так, в ходе общения с одной из информанток, учительницей средней школы, мы услышали историю о том, как она не смогла довести учеников до райцентра, где предполагалась сдача ЕГЭ. Но в отчетах все было благополучно.

Выше мы обращали внимание на различие между пространством крупных корпораций, действующих в этих районах, и пространством местных жителей. Не менее, а возможно, и более глубоким является различие между пространственными представлениями власти (региональной, местной) и подведомственного ей населения. Неизвестное пространство (речь, конечно, идет об отсутствии легального знания: как жители района сотрудники муниципалитетов неплохо осведомлены о реальном положении дел) перестает быть социальным, превращаясь в «территорию». Именно этот термин использовали в беседах и менеджеры нефтегазовых предприятий, и представители власти.

У «территории» сохраняется географическое измерение, она отмечена на картах, имеет координаты. Но главное для нее — измерение административно-политическое. Она включена в общегосударственную структуру, занесена (пусть зачастую абсолютно вне связи с реальностью) в государственные кадастры. На «территории», в соответствии с ее рангом (поселение, район, субъект Федерации), присутствуют различные властные органы. Чего там нет, так это социального пространства, того самого, которое производят (по Лефевру³⁵), в котором живут люди («население»). Это пространство остается неизвестным для районной власти и неинтересным для власти государственной. Издержки, связанные с таким «интересом», оказываются существенно выше тех благ, которые он (интерес) может принести.

Собственно, само по себе подобное «незнание» не несет в себе какой-либо опасности для власти. Как показывает приведенный выше пример с ЕГЭ, писать вполне гладкие отчеты оно не мешает. Проблема в том, что от картины, рисуемой в отчетах, зависит объем средств,

³⁵ Лефевр 2015.

который будет выделен району вышестоящей (региональной) властью. Разрыв между картинкой из отчета и реальностью за окном может привести, скажем, к уменьшению числа койко-мест в районной больнице, ликвидации фельдшерско-акушерского пункта или библиотеки, которая в ряде случаев является еще и единственным источником интернет-трафика, а также местом, откуда можно позвонить.

Однако существует и другая проблема. В неизвестном пространстве остаются жители. Более того, многие из них являются носителями особого статуса «местных». Воспринимая себя и воспринимаясь другими (что постоянно подчеркивалось в интервью) в качестве «хозяев» пространства реки и тайги со всем, что там находится, именно «местные» выступают «источником легитимности» для любых «пришлых», чья деятельность признается легитимной, если идет на пользу «местным». Отсюда столь болезненное отношение к исполнителям «больших проектов», игнорирующим местные интересы и при этом использующим «нашу землю».

Но если в отношении «больших проектов» возможно только недовольство «оккупацией своей земли»³⁶, то в случае местной власти дело обстоит иначе, тем более что для выдвижения претензий к ней есть реальные основания. Местная власть действительно должна обеспечивать жителям доступ к определенным общественным благам (здравоохранение, образование, социальная поддержка и т.д.). Предоставление такого рода общественных благ — основа легитимности власти *per se*. Без этого та довольно быстро «повисает в воздухе», превращаясь в «структурное насилие»³⁷.

³⁷ Алексеевкова
2009.

Поскольку обеспечение общественных благ составляет сам смысл существования местной власти, она не может устраниваться от выполнения этой функции. Но в условиях отсутствия легальных знаний о том, кому и в каком объеме должны предоставляться соответствующие услуги, ей приходится строить свою деятельность на «учете потребностей населения», предполагая не знание реального положения дел, а его имитацию. Такая имитация может быть вполне успешной стратегией муниципального, да и государственного служащего, когда население молчит. Однако это совсем не данность. Как показывает Кордонский, главной формой информирования населением власти о своих проблемах на Руси всегда были жалоба, донос³⁸. Они заменяли так и не сложившуюся в стране практику независимых социологических опросов, «разоблаченное» Джеймсом Скоттом «бюрократическое» (всеобщее) знание³⁹. Не чужды этой практике и обитатели «пустого пространства». Ведь несмотря на то, что пространство «опустело», территория и обязательства в отношении нее остались. О неисполнении этих обязательств и сигнализируют местные жители. О своих обращениях (жалобах) в областной центр, в прокуратуру упоминала едва ли не половина респондентов.

³⁸ Кордонский
2006.

³⁹ См. Scott 2009.

Хотя эффективность таких обращений, по мнению респондентов, не особенно высока, в условиях жесткого контроля вышестоящего уров-

ня управления и правоохранителей над местной властью они чреваты для ее представителей серьезными последствиями, так как могут поставить под сомнение стройную картину бюрократической реальности, порожденную имитацией, а тем самым и само существование «муниципалов» в качестве элемента государственной машины. Чтобы этого не случилось, жалоб должно быть не слишком много. А для этого нужно, чтобы интересы «местных» как-то удовлетворялись.

В более широкой перспективе здесь проявляется конфликт между представлениями о «пустоте» и «наполненности» пространства, разрешить который не способна ни одна из сторон конфликта. Действующая власть не может изменить свою позицию в силу легитимированного статистическими описаниями и логикой оптимизации образа сжавшегося пространства. Местное население, для которого пространство остается наполненным уже в силу *modus vivendi*, не в состоянии корректировать действия власти ввиду отсутствия механизмов легитимации «наполненности». Ситуация становится патовой, поскольку у сторон не оказывается возможностей для «перевода» — согласования представлений об одном и том же пространстве.

Тут и возникает потребность в агенте типа «таежного баронета». Не будучи элементом государственной машины, он гораздо меньше связан существующими ограничениями и может ориентироваться на положение «здесь и сейчас», не нуждаясь во всеобщих нормативах и не используя их. Он «ближе», «доступнее» для местных жителей, чем далекие областные власти или прокуратура, и может оперативно решить их проблему.

«Нам район уже лет пять обещал пристань поставить. Куда только не обращались! Даже в прокуратуру писали. Только толку нет. Приехали какие-то важные, все записали и уехали. И все осталось, как было. А он просто взял и сварил пристань» (мужчина, 53 года, староста населенного пункта в Киренском районе).

Но для чего все эти хлопоты самому «таежному баронету»? Ведь снабжение жителей района топливом на зиму, обеспечение детских учреждений молоком, содержание судна, осуществляющего пассажирские перевозки, разовые благотворительные акции (сварил пристань, дотянул дорогу до селения и др.) — все это издержки, снижающие доходность бизнеса.

Ответ на этот вопрос кроется в особенностях пространства, в котором ведет свою деятельность Т. Это пространство, где от ближайшего полицейского до «владений» более сотни километров, а основные фискальные службы и природоохранные структуры — еще дальше (в основном в Усть-Куте). Иными словами, его бизнес самим пространством (удаленностью, труднодоступностью) защищен от избыточного внимания и контроля со стороны государства.

Вместе с тем «владения» Т. расположены на судоходном участке реки с выходом на железнодорожную магистраль (Усть-Кут — одна из крупных станций на БАМе). Удаленность от власти здесь сочетается

с удачной логистикой, богатыми природными ресурсами (лес, река, таежные дикоросы, заливные луга и т.д.), возможностью рекрутирования дешевой рабочей силы. Именно это, вероятно, и привлекло его в свое время в эти места.

Но такое положение не вполне устойчиво. Ведь если глава района как должностное лицо не может легализовать свое знание о ситуации «здесь и сейчас», то житель района, работающий главой, вполне может мобилизовать силовые структуры, чтобы если не уничтожить «таежного баронета», то создать для него проблемы. Думается, что как раз это обстоятельство и побудило нашего героя в начале 2010-х годов выдвинуть свою кандидатуру на выборах в областное законодательное собрание. В те годы было принято считать, что статус депутата субъекта Федерации позволяет «защитить бизнес»⁴⁰. То, что в конечном итоге он отказался от участия в выборах, можно объяснить тем, что нашлось более эффективное решение — союз с публичной властью.

⁴⁰ Барсукова и
Денисова-Шмидт
2020.

«Таежный баронет» начинает выполнять ряд значимых функций местной власти, тем самым позволяя ей избавиться от потока жалоб со стороны населения, поддержать бюрократическую картину реальности и образ «благополучной территории». И услуги эти вполне «возвратные». Т. является основным оператором «северного завоза» в Якутию, получает дотацию на пассажирские перевозки, пользуется иными льготами районного и областного уровня. Главное же — он остается невидимым.

Его роль в районе чем-то напоминает роль крупного землевладельца в поздней Римской империи: не являясь или не обязательно являясь публичной фигурой, тот занимал позицию между публичной властью и населением (работниками) поместья и выступал для них носителем некоторой политической или квазиполитической функции. Судя по интервью, беседам с информантами и наблюдениям, что-то близкое происходит и в нашем случае. Складываются ритуал и устойчивые практики коммуникации между «баронетом» и жителями, «баронетом» и районной властью, институционализируется круг проблем, которые решает «баронет». Причем если глава района в принципе может смениться, то непубличная фигура «баронета» (так и не ставшего членом Палаты лордов) — гораздо более постоянный фактор, на который не особенно влияет даже смена главы.

Конечно, появление и закрепление столь мощного актора требует стечения целого ряда обстоятельств. Но нечто похожее было зафиксировано нами и на других участках экспедиции. В частности, речь идет о «суровском олигархе», описанном в предыдущей статье по материалам ленских экспедиций⁴¹. И хотя масштаб его деятельности несопоставим с тем, что был обнаружен в Киренском районе, он тоже оказывается носителем некоторой политической функции в «пустом пространстве».

⁴¹ Бляхер,
Григоричев
и Пешков 2022.

Именно такие медиаторы дают возможность связать формализованный взгляд власти и задаваемый им *modus operandi* в отношении «пустого» пространства с реалиями пространства наполненного, тре-

бующего принципиально иного подхода. Именно они (или их представители) мобилизуют власть в ситуации ее удаленного пребывания. Более того, подобные акторы, на которые агент государства возлагает свои функции в обмен на невидимость или просто используя силовой ресурс, обнаруживаются все чаще. Все чаще возникают пустоты, где формируются силовые и квазиполитические операторы различной природы. Они позволяют сохранять видимую целостность территории, политической или административной карты, отражая все более усложняющееся и локализуемое социальное пространство. Разовьется ли эта тенденция в нечто большее, нежели экзотический вывих политической жизни России, покажет будущее.

Библиография

Алексеевкова Е.С. (2009) «Государство и альтернативные формы социальной интеграции: структурное насилие против „omerta“» // *Полития*, № 1 (52): 22—44. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Alexeevkova-2009-1.pdf (проверено 30.05.2023).

Барсукова С.Ю. и Е.В.Денисова-Шмидт. (2020) «„Политические инвестиции“ бизнеса в России, или Почему бизнес финансирует избирательные кампании» // *Полис. Политические исследования*, № 3: 110—125. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2020/3/Polis-2020-3-Barsukova.pdf> (проверено 30.05.2023).

Бляхер Л.Е. (2021) «Россия, 90-е годы: метаморфозы становящейся политики» // *Полития*, № 3 (102): 72—98. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-3\(102\)-72-98.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-3(102)-72-98.pdf) (проверено 30.05.2023).

Бляхер Л.Е. и А.В.Ковалевский. (2021) «Без лидеров, лозунгов и транспарантов: борьба за город и рутинное сопротивление в частном секторе городов востока России (На примере Хабаровска)» // *Полития*, № 1 (100): 75—105. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1\(100\)-75-105.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1(100)-75-105.pdf) (проверено 30.05.2023).

Бляхер Л.Е., К.В.Григоричев и Ю.В.Елохина. (2021) «Принуждение к enforcement'у, или Государство в поисках силового оператора» // *Полития*, № 2 (101): 47—67. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-2\(101\)-47-67.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-2(101)-47-67.pdf) (проверено 30.05.2023).

Бляхер Л.Е., К.В.Григоричев и А.В.Ковалевский. (2023) «Власть на аутсорсинге или медиаторы „пустого пространства“» // *Мир России*, т. 32, № 2: 97—119.

Бляхер Л.Е., К.В.Григоричев и И.О.Пешков. (2022) «На краю государства: политическое оформление периферии власти» // *Полития*, № 2 (105): 71—101. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-2\(105\)-Pages-001-208-71-101.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-2(105)-Pages-001-208-71-101.pdf) (проверено 30.05.2023).

Григоричев К.В. (2013) *В тени большого города*. Иркутск: Оттиск.

Диденко Н.И., Н.А.Конахина, Д.Ф.Скрипнюк и А.И.Шейкина. (2015) «Обзор подходов экономического развития территории Арктической зоны РФ, представленной в виде целевых субпространств» // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*, т. 6, № 4 (24): 148—159.

Замятина Н.Ю. и Е.В.Лярская. (2022) «Люди Арктики в пространстве России: междисциплинарные подходы к транслокальным сообществам» // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, № 2: 210—221.

Зиновьев В.П. (2014) «Экономические меры дисциплинарного воздействия на горнорабочих Сибири во второй половине XIX — начале XX в.» // *Вестник Томского государственного университета*, № 382: 104—107.

Зубаревич Н.В. (2012) «Обитаемое и экономическое пространство России: вызовы сжатия и концентрации» // Котляков В.М., ред. *Вызовы XXI века: природа, общество, пространства. Ответ географов стран СНГ*. М.: Товарищество научных изданий КМК: 279—289. URL: <http://www.ecoross.ru/files/books2012/Vizovi,%202012.pdf> (проверено 30.05.2023).

Зубаревич Н.В. (2017) «Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики» // *Мир новой экономики*, № 2: 46—57.

Кордонский С.Г. (2006) *Рынки власти: Административные рынки СССР и России*. М.: ОГИ.

Кордонский С.Г. (2018) «Неравенство по закону: Вступительный доклад» // Никитский клуб. *Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». Вып. 91: Неравенство и справедливость*. М.: б.и.: 12—19.

Кордонский С.Г. и Д.К.Дехант. (2014) «Нейтрализация угроз как форма деятельности органов власти» // *Микроэкономика*, № 6: 52—58.

Лефевр А. (2015) *Производство пространства*. М.: Strelka Press.

Люхтерхант Г., С.Рыженков и А.Кузьмин. (2001) *Политика и культура в российской провинции: Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области*. М.: ИГПИ; СПб.: Летний сад.

Моляренко О.А. (2018) «Изоляция власти от населения в сельской местности: причины и последствия» // *ЭКО*, т. 48, № 1: 23—29. URL: <https://ecotrends.ru/index.php/eeco/article/view/1140> (проверено 30.05.2023).

Патрушев С.В., А.В.Жаворонков, О.А.Мирясова, И.Л.Недяк, Ю.Е.Островская, Т.В.Павлова, Д.Е.Притворова и Л.Е.Филиппова. (2022) «Социальные акторы и конституирование политического пространства в России: к анализу стратегий изменения» // *Россия реформирующаяся: Ежегодник*. Вып. 20. М.: Новый Хронограф: 229—264. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/publ2022/Patrushev_ejegodnik_2022.pdf (проверено 30.05.2023).

Патрушев С.В. и Л.Е.Филиппова, ред. (2019) *Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений*. М.: Политическая энциклопедия.

Паченков О.В. и Л.В.Воронкова. (2021) «„Новый городской активизм“ и „публичная политика“ в России (на примере Санкт-Петербурга)»

бурга)» // *Журнал исследований социальной политики*, т. 19, № 2: 253—268.

Плюснин Ю.М. (2018) «Промыслы провинции: архаические и современные экономические практики населения» // *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. 21, № 1: 73—106. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/220959836> (проверено 30.05.2023).

Позаненко А.А. (2018) «„Отдельная типа республика“: структурные особенности пространственно изолированных локальных сельских сообществ» // *Мир России*, т. 27, № 4: 31—55.

Селеев С.С. и А.Б.Павлов. (2016) *Гаражники*. М.: Страна Оз. URL: <https://khamovniky.ru/wp-content/uploads/Garazhniki.pdf> (проверено 30.05.2023).

Скотт Дж. (2005) *Благими намерениями государства: Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни*. М.: Университетская книга.

Толпыгина О.А. (2019) «Невидимки в большом городе: образ мигрантов и мигранток в медиа города Самары» // Пушкирева Н.Л., И.О.Дементьев и М.Г.Шендерюк, ред. *Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: Материалы XII международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН*. Ч. 1. М.: ИЭА им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН; Калининград: Изд-во БФУ им. И.Канта: 464—467.

Трейвиш А.И. (2010) «„Сжатие“ пространства: трактовка и модели» // *Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования*. М.: Эслан: 16—31.

Усова Ю.В. (2020) «Административно-политические элиты современной России в региональном измерении» // *Вопросы этнологии*, № 4: 122—137.

Филиппов А.Ф. (2009) «Прикладная социология пространства» // *Социологическое обозрение*, т. 8, № 3: 3—15. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211855537/8_3_1.pdf (проверено 30.05.2023).

Bliakher L. (2013) «The Regional Barons» // *Russian Politics and Law*, vol. 51, no. 4: 30—39.

Bliakher L.E., K.V.Grigorichev, I.O.Peshkov, and Yu.V.Elokhina. (2021) «The Upper Lena: Social Anthropology Expedition Materials 2021» // *Северные архивы и экспедиции*, т. 5, № 4: 25—40.

Hochberg G.Z. (2015) *Visual Occupations: Violence and Visibility in a Conflict Zone*. Durham, London: Duke University Press.

Scott J.C. (2009) *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven, London: Yale University Press.

ТОЛМАЧА

L.E.Bliakher, K.V.Grigorichev, A.V.Kovalevsky
BARON IS DEAD —
LONG LIVE BARONET
POLITICAL MEDIATION ON THE BORDER
OF EMPTY AND FILLED SPACE

Leonid E. Bliakher — Doctor of Philosophy; Professor at the Higher School of Social and Political Sciences, Pacific State University (Khabarovsk). Email: leonid743342@mail.ru.

Konstantin V. Grigorichev — Doctor of Sociology; Vice-Rector for Research and International Affairs, Irkutsk State University; Professor at the Department of Anthropology and Ethnology, National Research Tomsk State University. Email: grigoritchev@yandex.ru.

Andrey V. Kovalevsky — Junior Researcher at the Department of Research Studies, Pacific State University (Khabarovsk). Email: fakzy79@gmail.com.

Abstract. Based on a series of expeditions to the northern area of the Irkutsk region, the article examines the process of the formation of a special kind of quasi-political actors, denoted in the text by the term “taiga baronet”. These actors emerge under the conditions when, as a result of the “optimization” of the structures responsible for collecting information about social space, the latter, from the point of view of authorities, becomes “empty”. Along with the array of interpretable markers of the filled space, a number of operators capable of interpreting them decreases and at the end disappears. As a result, the government turns out to be blind, physically deprived of the ability to perform managerial functions. At the same time, having become invisible to the eye of the authorities, this space retains itself as an administratively and politically structured territory, in which representatives of local authorities are forced to carry out the activities prescribed to them and legally assigned to them. Due to the “blindness” of the authorities, this activity inevitably turns into an imitation. The problem, however, is that the space that the authorities perceive as “empty” still have residents, for whom this space remains both social and “filled,” and who continue to expect from government institutions that they provide a certain amount of public goods. Thus, a conflict arises, manifested in complaints, appeals to law enforcement agencies and higher authorities, which poses a threat to the favorable picture drawn in the reports.

It is the need to somehow neutralize this threat that gives rise to the need for an agent who is not bound by the restrictions associated with the authorities' view and is able to focus on the "here and now" situation, without universal standards. This agent not only assumes a number of functions of the local government, but also acts as a universal mediator between the "empty" and "filled" space, between the local community and the state structure.

Keywords: space, territory, empty and filled social space, control costs, power, population, mediator

References

Alekseenkova E.S. (2009) "Gosudarstvo i al'ternativnye formy sotsial'noj intrigratsii: strukturnoe nasilie protiv „omertà“" [The State and Alternative Forms of Social Integration: Structural Violence versus „Omertà“] // *Politeia*, no. 1 (52): 22–44. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Alexeenkova-2009-1.pdf (accessed on 30.05.2023). (In Russ.)

Barsukova S.Yu. and E.V.Denisova-Schmidt. (2020) "„Politicheskie investitsii“ biznesa v Rossii, ili Pochemu biznes finansiruet izbiratel'nye kampa-nii" [Political "Investments" by Businesses in Russia, or Why Does Business Finance Election Campaigns] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 3: 110–125. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2020/3/Polis-2020-3-Barsukova.pdf> (accessed on 30.05.2023). (In Russ.)

Bliakher L. (2013) "The Regional Barons" // *Russian Politics and Law*, vol. 51, no. 4: 30–39.

Bliakher L.E. (2021) "Rossija, 90-e gody: metamorfosy stanovjashchej-sja politii" [Russia, the 1990s: Metamorphoses of the Emerging Polity] // *Politeia*, no. 3 (102): 72–98. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-3\(102\)-72-98.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-3(102)-72-98.pdf) (accessed on 30.05.2023). (In Russ.)

Bliakher L.E. and A.V.Kovalevsky. (2021) "Bez liderov, lozungov i transporantov: bor'ba za gorod i rutinnoe soprotivlenie v chastnom sektore gorodov vostoka Rossii (Na primere Khabarovska)" [Without Leaders, Mottos or Billboards: Fight for the City and Routine Resistance in the Private Sector of Cities in East Russia (Case of Khabarovsk)] // *Politeia*, no. 1 (100): 75–105. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1\(100\)-75-105.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1(100)-75-105.pdf) (accessed on 30.05.2023). (In Russ.)

Bliakher L.E., K.V.Grigorichev, and Yu.V.Elokhina. (2021) "Prinuzhdenie k enforcement'u, ili Gosudarstvo v poiskakh silovogo operatora" [Forced Enforcement, or the State in Search of Enforcer] // *Politeia*, no. 2 (101): 47–67. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-2\(101\)-47-67.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-2(101)-47-67.pdf) (accessed on 30.05.2023). (In Russ.)

Bliakher L.E., K.V.Grigorichev, and A.V.Kovalevsky. (2023) "Vlast' na outsorsinge ili mediatory „pustogo prostranstva“" [Outsourcing Power or the Mediators of "Empty Space"] // *Mir Rossii* [Universe of Russia], vol. 32, no. 2: 97–119. (In Russ.)

Bliakher L.E., K.V.Grigorichev, and I.O.Peshkov. (2022) "Na kraju gosudarstva: politicheskoe oformlenie periferii vlasti" [On the Edge of the State:

Political Formation of the Periphery of Power] // *Politeia*, no. № 2 (105): 71–101. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-2\(105\)-Pages-001-208-71-101.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-2(105)-Pages-001-208-71-101.pdf) (accessed on 30.05.2023). (In Russ.)

Bliakher L.E., K.V.Grigorichev, I.O.Peshkov, and Yu.V.Elokhina. (2021) “The Upper Lena: Social Anthropology Expedition Materials 2021” // *Northern Archives and Expeditions*, vol. 5, no. 4: 25–40.

Didenko N.I., N.A.Konakhina, D.F.Skripnuk, and A.I.Sheikina. (2015) “Obzor podkhodov ekonomicheskogo razvitiya territorii Arkticheskoy zony RF, predstavlennoj v vide tselevykh subprostranstv” [Review Approaches Economic Development of the Territory of the Arctic Zone of the Russian Federation, Presented in the Form of Target Subspace] // *MIR (Modernizatsija. Innovatsii. Razvitie)* [MIR (Modernization. Innovation. Research)], vol. 6, no. 4 (24): 148–159. (In Russ.)

Filippov A.F. (2009) “Prikladnaja sotsiologija prostranstva” [The Applied Sociology of Space] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 8, no. 3: 3–15. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211855537/8_3_1.pdf (accessed on 30.05.2023). (In Russ.)

Grigorichev K.V. (2013) *V teni bol'shogo goroda* [In the Shadow of a Big City]. Irkutsk: Ottisk. (In Russ.)

Hochberg G.Z. (2015) *Visual Occupations: Violence and Visibility in a Conflict Zone*. Durham, London: Duke University Press.

Kordonsky S.G. (2006) *Rynki vlasti: Administrativnye rynki SSSR i Rossii* [Power Markets: Administrative Markets of the USSR and Russia]. Moscow: OGI. (In Russ.)

Kordonsky S.G. (2018) “Neravenstvo po zakonu: Vstupitel'nyj doklad” [Inequality by Law: Introductory Report] // Nikitskij klub. *Tsikl publi-chnykh diskussij “Rossija v global'nom kontekste”. Vyp. 91: Neravenstvo i spravedlivost'* [Nikitsky Club. The Cycle of Public Discussions “Russia in the Global Context”. Issue 91: Inequality and Justice]. Moscow: s.n.: 12–19. (In Russ.)

Kordonsky S.G. and D.K.Dekhant. (2014) “Nejtralizatsija ugroz kak forma dejatel'nosti organov vlasti” [Neutralizing the Threats as a Form of Government Activity] // *Mikroekonomika* [Microeconomics], no. 6: 52–58. (In Russ.)

Lefebvre H. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [La production de l'espace]. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)

Lukhterhandt G., S.Ryzhenkov, and A.Kuzmin. (2001) *Politika i kul'tura v rossijskoj provintsii: Novgorodskaja, Voronezhskaja, Saratovskaja, Sverdlovskaja oblasti* [Politics and Culture in the Russian Province: Novgorod, Voronezh, Saratov, Sverdlovsk Regions]. Moscow: IGPI; St Petersburg: Letnij sad. (In Russ.)

Molyarenko O.A. (2018) “Izoljatsija vlasti ot naselenija v sel'skoj mest-nosti: prichiny i posledstvija” [Isolation Between the Authorities and the People in Rural Areas: Causes and Consequences] // *ECO*, vol. 48, no. 1: 23–29. URL: <https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/1140> (accessed on 30.05.2023). (In Russ.)

Pachenkov O.V. and L.V.Voronkova. (2021) “„Novyj gorodskoj aktivizm“ i „publichnaja politika“ v Rossii (na primere Sankt-Peterburga)” [“New Urban Activism” and “Public Policy” in Russia (Case of Saint Petersburg) // *Zhurnal issledovaniy sotsial'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies], vol. 19, no. 2: 253–268. (In Russ.)

Patrushev S.V. and L.E.Filippova, eds. (2019) *Gospodstvo protiv politiki: rossijskij sluchaj. Effektivnost' institutsional'noj struktury i potentsial strategij politicheskikh izmenenij* [Domination against Politics: the Russian Case. The Effectiveness of the Institutional Structure and the Potential of Strategies for Political Change]. Moscow: Politicheskaja entsiklopedija. (In Russ.)

Patrushev S.V., A.V.Zhavoronkov, O.A.Miryasova, I.L.Nedyak, Yu.E.Ostrovskaya, N.V.Pavlova, D.E.Pritvorova, and L.E.Filippova. (2022) “Sotsial'nye aktory i konstituirovaniye politicheskogo prostranstva v Rossii: k analizu strategij izmenenija” [Social Actors and the Constitution of the Political Space in Russia: to the Analysis of Change Strategies] // *Rossija reformirujushchajasja: Ezhegodnik* [Russia in Reform: Year-Book]. Issue 20. Moscow: Novyj Khronograf: 229–264. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/publ2022/Patrushev_ejegovnik_2022.pdf (accessed on 30.05.2023). (In Russ.)

Plusnin Yu.M. (2018) “Promysly provintsii: arkhaiskie i sovremennye ekonomicheskie praktiki naselenija” [The Crafts of a Province: Archaic and Modern Economic Practices of the Provincial Households] // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. 21, no. 1: 73–106. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/220959836> (accessed on 30.05.2023). (In Russ.)

Pozanenko A. (2018) “„Otdel'naja tipa respublika“: strukturnye osobennosti prostranstvenno izolirovannykh lokal'nykh sel'skikh soobshchestv” [“A Separate Little Republic”: Structural Specifics of Spatially Isolated Local Rural Communities] // *Mir Rossii* [Universe of Russia], vol. 27, no. 4: 31–55. (In Russ.)

Scott J.C. (2005) *Blagimi namerenijami gosudarstva: Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchshenija uslovij chelovecheskoj zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed]. Moscow: Universitetskaja kniga. (In Russ.)

Scott J.C. (2009) *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven, London: Yale University Press.

Selev S.S. and A.B.Pavlov. (2016) *Garazhniki* [Garagenicks]. Moscow: Strana Oz. URL: <https://khamovniki.ru/wp-content/uploads/Garazhniki.pdf> (accessed on 30.05.2023). (In Russ.)

Tolpygina O.A. (2019) “Nevidimki v bol'shom gorode: obraz migrantov i migrantok v media goroda Samary” [Invisibles in a Big City: the Image of Migrant Men and Women in the Media of the City of Samara] // Pushkareva N.L., I.O.Dementiev, and M.G.Shenderyuk, eds. *Zhenshchiny i muzhchiny v migratsionnykh protsessakh proshlogo i nastojashchego: Materialy XII mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii Rossijskoj assotsiatsii isslegovatelej*

zhenskoy istorii i Instituta etnologii i antropologii im. N.N.Miklukho-Maklaja RAN [Women and Men in the Migration Processes of the Past and Present: Materials of the XII International Scientific Conference of the Russian Association of Women's History Researchers and the N.N.Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences]. Part 1. Moscow: IEA im. N.N.Miklukho-Maklaja RAN; Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I.Kanta: 464—467. (In Russ.)

Treivish A.I. (2010) “„Szhatie“ prostranstva: traktovka i modeli” [Space Compression: Interpretation and Models] // *Szhatie sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitiya i praktike ego gosudarstvennogo regulirovaniya* [Social-Economic Space Compression: New in Regional Development Theory and in Practice of Its State Regulation]. Moscow: Eslan: 16—31. (In Russ.)

Usova Yu.V. (2020) “Administrativno-politicheskie elity sovremennoj Rossii v regional'nom izmerenii” [Administrative and Political Elites of Modern Russia in Regional Dimension] // *Voprosy elitologii* [Issues in Elitology], no. 4: 122—137. (In Russ.)

Zamyatina N.Yu. and E.V.Liarskaya. (2022) “Ljudi Arktiki v prostranstve Rossii: mezhdistsiplinarnye podkhody k translokal'nym soobshchestvam” [The People of the Arctic in the Space of Russia: Interdisciplinary Approaches to the Translocal Communities] // *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], no. 2: 210—221. (In Russ.)

Zinoviev V.P. (2014) “Ekonomicheskie mery distsiplinarnogo vozdeystviya na gornorabochikh Sibiri vo vtoroj polovine 19 — nachale 20 v.” [Economic Disciplinary Measures against Siberian Miners in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 382: 104—107. (In Russ.)

Zubarevich N.V. (2012) “Obitaemoe i ekonomicheskoe prostranstvo Rossii: vyzovy szhatiya i kontsentratsii” [Habitable and Economic Space of Russia: Challenges of Compression and Concentration] // Kotlyakov V.M., ed. *Vysovy 21 veka: priroda, obshchestvo, prostranstva. Otvet geografov stran SNG* [Challenges of the 21st Century: Nature, Society and Space. Respond of Geographers of CIS]. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK: 279—289. URL: <http://www.eoross.ru/files/books2012/Vizovi,%202012.pdf> (accessed on 30.05.2023). (In Russ.)

Zubarevich N.V. (2017) “Razvitie rossijskogo prostranstva: bar'ery i vozmozhnosti regional'noj politiki” [Development of the Russian Space: Barriers and Opportunities for Regional Policy] // *Mir novoj ekonomiki* [The World of New Economy], no. 2: 46—57. (In Russ.)

ПОЛИТИЯ

Л.Г.Фишман

НАШ «НЕПРАВИЛЬНЫЙ» ПРАВЯЩИЙ КЛАСС: ЧЕГО ОТ НЕГО ЖДАТЬ?¹

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00427 (<https://rscf.ru/project/23-18-00427/>).

Леонид Гершевич Фишман — доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург). Для связи с автором: lfishman@yandex.ru.

Аннотация. В статье представлен анализ двойной проблемы, встающей при изучении современного российского правящего класса, один из аспектов которой связан с адекватным теоретическим описанием этого класса, другой — с его самопозиционированием. Рассмотрены основные парадигмы теоретического осмысления природы данного класса — как буржуазии, как бюрократии и как номенклатуры. Показано, что, вне зависимости от адекватности описания правящего класса России в парадигмах буржуазии и бюрократии, в сложившейся ситуации ему предпочтительнее позиционировать себя в качестве наследника советской номенклатуры. Подобное позиционирование наделяет российский правящий класс значительно большей исторической субъектностью, чем та, на которую он мог бы претендовать в случае позиционирования себя как буржуазии или бюрократии.

Загвоздка, однако, в том, что в действительности советская номенклатура обладала весьма ограниченной исторической субъектностью и нуждалась во внешнем «редакторе» (регуляторе). Эту черту унаследовал и современный российский правящий класс, с чем связан ряд сложностей, испытываемых им в идеологической и аксиологической сферах. Поэтому от него не следует ожидать глобальных мироустроительных проектов. Максимум, что он может предложить остальным гражданам, это увеличение их доли ренты в виде социальных выплат, дальневосточного гектара, жалованья участникам СВО. Другой составляющей стратегии сближения с рядовыми гражданами могут стать популистские шаги, выражающиеся в отказе от выпячивания своей успешности. А формирующаяся вокруг такой стратегии «идеология» станет оформлением нового общественного договора, об общих чертах которого сегодня остается только догадываться.

Ключевые слова: буржуазия, бюрократия, номенклатура, правящий класс, идеология, общественный договор

Эффективность ответа на вызовы, с которыми сталкивается в настоящее время Россия, в определяющей мере зависит от правящего класса. За последний год этот класс продемонстрировал не только ценностно-мировоззренческую неоднородность, но и причудливое сочетание предсказуемости и непредсказуемости в реакции на текущую ситуацию. В известном смысле оказалось, что мы не вполне знаем класс, который управляет Россией в течение трех десятилетий. В связи с этим встает как проблема адекватного его описания, так и проблема его самопозиционирования. Каков правящий класс в оптике существующих подходов к его описанию и, что еще более важно, как ему самому перспективнее себя позиционировать? Актуальность этих вопросов особенно очевидна в нынешних условиях, когда на данный класс возлагаются большие и противоречивые ожидания.

Итак, что же такое правящий класс современной России? При его обсуждении часто используется довольно расплывчатый термин «элита», но какое конкретное содержание в него вкладывается? Ответ зависит от парадигмы, в которой рассматривается российский правящий класс. В целом можно выделить три основные парадигмы — «буржуазную», «бюрократическую» и «номенклатурную».

Правящий класс России как буржуазия и бюрократия

Точка зрения, согласно которой правящий класс России буржуазный, базируется на тезисе о реставрации капитализма в России². Российский капитализм обычно описывается как «неправильный», «капитализм с прилагательными» (бюрократический, олигархический, кумовской, семейно-клановый и т.д.). Некоторые исследователи говорят о двух стадиях капитализма в России — «олигархической» (1990-е годы) и «бюрократической» (с начала 2000-х годов)³. Отмечается, что в основе хозяйственного порядка в стране лежит традиционный институт власти-собственности с рудиментами советского социализма⁴. «Неправильность» государственного капитализма усугубляется его трансформацией в корпоративный, «что означает усиление в руководстве экономикой роли госчиновников и ухудшение позиций влияния бизнесменов на чиновников»⁵. Правящий класс, соответствующий природе этого капитализма, немногочислен, у него узкие социальные основания, и российский политический режим выражает в первую очередь интересы сырьевых миллиардеров и мультимиллионеров⁶. Следуя своей буржуазной природе, которая «вообще любит офшоры, низкие налоги, а лучше сокрытие прибыли — и никакой социальной ответственности», он не желает вести себя как «благотворитель». Тем самым его психология, «которую имеет и немало представителей высшей бюрократии», осложняет решение задач, подразумевающих выход за пределы классового эгоизма⁷.

Однако нынешний российский правящий класс лишь с большими оговорками можно отнести к выразителям интересов буржуазии. Нами правит не буржуазия, а скорее высокопоставленная бюрократия. Об

² См., напр. Кагарлицкий 2009.

³ Канарш 2016: 75.

⁴ Вольчик 2009: 174.

⁵ Черных 2021: 10—11.

⁶ Рахманов 2014: 57.

⁷ Колташов 2020.

этом свидетельствует уже тот факт, что как минимум формально страной руководят не буржуазные олигархи, а чиновники различных рангов. На протяжении десятков лет государственные чиновники прилагали огромные усилия, направленные на сохранение и расширение своего влияния и власти. У них сформировалось классовое сознание, «в котором осознанные государственной бюрократией собственные интересы противопоставляются интересам общества»⁸. Словом, на смену «олигархическому» капитализму пришел «бюрократический».

⁸ *Бюрократия и власть 2005.*

Но в России бюрократия тоже «неправильная», «неклассическая» — прежде всего потому, что она переплелась с буржуазией, навязывая капиталу свое участие в прибылях либо торгуя своими возможностями по предоставлению льгот, доступа к ресурсам, защиты от конкурентов⁹. Поэтому российский правящий класс нередко квалифицируют как олигархически-бюрократический. От классической бюрократии он отличается тем, что владеет одновременно и властью, и собственностью¹⁰. «Владетельное положение» этого класса позволяет описывать его даже не как класс, а как сословие¹¹. Специфика этого сословия заключается в том, что оно ориентировано прежде всего на власть и статус, а не на собственность и прибыль: обладание вторыми проистекает из обладания первыми. Управление государственной собственностью и общественными институтами осуществляется посредством создания системы формальной отчетности, далеко не всегда имеющей отношение к реальному содержанию деятельности, реальным достижениям и потерям.

⁹ *Левинсон 2015: 50.*

¹⁰ *Третьяков 2010.*

¹¹ *Кордонский 2008.*

Поскольку правящий класс является в большей степени бюрократическим, чем каким-либо другим, есть основания полагать, что его негативные черты (или специфические ограничения) тоже унаследованы от чиновничества. «Положение осложняется тем субъективным обстоятельством, — отмечает Александр Оболонский, — что средний чиновник часто искренне считает себя „честным стражем порядка“, „блюстителем государственных интересов“ и т.п. Но при этом он понимает их очень узко, в лучшем случае — с ведомственных позиций, а то и с позиций интересов начальника своего подразделения или своих личных. <...> он фактически расценивает себя не как слугу общества, а как исполнителя установленного административного порядка и воли своих руководителей»¹².

¹² *Оболонский 2019: 96.*

Исходя из сказанного, нетрудно заметить, что буржуазность и бюрократичность российского правящего класса друг другу не противостоят. Как подчеркивает Дэвид Гребер, у бюрократической эффективности и рыночной рациональности одни и те же фундаментальные принципы. «Это помогает объяснить, почему переход от первой ко второй осуществляется так просто, как это было в случае бывших советских чиновников, которые бодро переключились от полного государственного контроля над экономикой на тотальную маркетизацию»¹³. Сплав буржуазного этоса с бюрократическим непротиворечив в том смысле, что пронизан заботой о личной выгоде. Органично вписывается во

¹³ *Гребер 2016: 40.*

¹⁴ *Иноземцев 2018.*

вполне буржуазную психологию и стремление части государственных служащих позиционировать себя как новое дворянство, пусть даже оно, в противоположность дворянству традиционному, пока не пользуется благами формализованного принципа наследования и не ощущает себя сколько-нибудь защищенным от прихотей судьбы¹⁴. Но какие бы исторические костюмы ни примеряла на себя российская бюрократия, она не является классом, на уровне ценностей принципиально отличным от буржуазии, поскольку у нее вполне буржуазные приоритеты и потребности. Она «собственник» государства в широком смысле, сословие, которое может, в зависимости от ситуации, конституировать себя как дворянство мантии или дворянство шпаги. Свою бюрократическую функцию служения государству она воспринимает как условие удовлетворения своих буржуазных потребностей в частном порядке. Поэтому российский правящий класс с равным успехом можно трактовать и как интегрировавшуюся в бюрократический аппарат буржуазию, и как обуржуазившуюся бюрократию, которая извлекает рентные доходы из обладания собственностью на государственную систему и административный ресурс¹⁵.

¹⁵ *Акинин и Шевелев 2012: 71–72.*

Описывая бюрократию, Карл Маркс обращал внимание на то, что «государственный разум не в состоянии осознать частичность своей точки зрения, поскольку она базируется на мнимом тождестве Силы, Истины и Морали. <...> Индивиды, точки зрения, концепции и теории разделяются на два основных типа: тождество Абсолютной Истины, Абсолютной Морали и Абсолютной Силы; тождество Абсолютной Лжи, Абсолютного Зла и Абсолютного Бессилия»¹⁶. Будучи взят в своей бюрократической ипостаси, российский правящий класс относится к обществу характерным для бюрократии образом, полагая себя вершиной разумности, а общество — средой, в разной степени пронизанной «эманациями неразумия». В его глазах гражданское общество, в той мере, в которой оно удалено от государства, безрассудно, склонно впасть во всяческие соблазны, уязвимо для «экстремизма» и враждебной пропаганды, вообще морально незрело. Всякое отклонение от бюрократической рациональности воспринимается как психическая патология, из чего проистекает постоянное желание что-то запретить в качестве первой меры по решению насущных проблем. Такого рода рациональность сочетается со специфическим представлением об эффективности как о быстром достижении видимого результата, которым можно отчитаться. Отсюда — склонность к ориентации на всяческие рейтинги, до недавних пор преимущественно зарубежные. Бюрократии комфортно включаться в чужие формальные системы оценивания, основанные на количественных показателях. Это позволяет переложить ответственность на квазитрансцендентную инстанцию, воплощающую объективную высшую рациональность, которая выступает источником легитимности власти бюрократии.

¹⁶ *Макаренко 2021: 63–64.*

В целом рассмотренные выше интерпретации российского правящего класса следуют в русле западного обществоведческого мейн-

¹⁷ Мартянов и Фишман 2021.

¹⁸ Дерлугьян 2013: 206—207.

¹⁹ *Здесь стоит отметить, что само по себе применение по отношению к российскому правящему классу термина «элита» не проливает принципиально нового света на его сущность. Однако показательны споры по поводу того, правомерно ли вообще считать этот класс элитой (см., напр. Тоценко 1999; Симонян 2009; Шкаратам 2011; Макаренко 2014). Часто встречающийся отказ признавать элитарную природу российского правящего класса ввиду отсутствия у него ряда черт, которыми должна обладать элита, в большей степени говорит не о характере этого класса, а о том, что риторика на эту тему является закономерным продолжением мейнстримного морализующего нормативизма.*

стрима¹⁷. Поскольку в данных парадигмальных рамках подразумевается наличие «правильных» буржуазии и бюрократии, равно как и «правильного» капитализма, российский правящий класс описывается как «неправильный», являющий собой отклонение от нормативных образцов не в одну, так в другую сторону. Если этот класс трактуется как буржуазный, он представляется олигархическим, коррумпированным, сросшимся с бюрократией и т.д. при столь же «неправильном» кумовском капитализме. Если он характеризуется как бюрократически-чиновничий, то сравнивается с идеалтипической рациональной бюрократией или с приближающейся к ней бюрократией западных стран. В результате он вновь оказывается исполненным пороков и не отвечающим своему назначению, если только не рисуется как «суверенная бюрократия», что предполагает дистанцирование от нормативистского морализаторства¹⁸. В обоих случаях правящий класс России предстает лишенным полноценной исторической субъектности, то есть не обладающим собственными значимыми целями, кроме удержания господствующих позиций путем приспособления к существующему мировому порядку и усвоения «западных стандартов». С определенного момента становится трудно понять, имеем ли мы дело еще с испорченным бюрократией капитализмом или уже с испорченной капитализмом бюрократией.

При всех преимуществах и привычности такого подхода к российской правящей элите¹⁹, описание феномена российского правящего класса исключительно в терминах отклонения от нормы не может полностью удовлетворить исследовательский интерес. В нынешней ситуации позиционирование себя этим классом в качестве буржуазного или бюрократического не отвечает ожиданиям общества, которому правящий класс то и дело указывает на судьбоносность инициированных им глобальных перемен. Иными словами, у правящего класса возникает потребность в новом заколдовывании социального порядка и демонстрации своей ориентации на достижение возвышенных и универсальных целей, отвечающих интересам всего общества. Это проявляется в апелляции к тем аспектам своего генезиса, которые имеют отношение к историческому феномену, обладавшему, по крайней мере на первый взгляд, большей «суверенностью», оригинальностью, укорененностью в культурной почве и т.д., чем буржуазия или бюрократия. Таковым является советская номенклатура, которая выглядит гораздо более «суверенным» классом со своими исторически значимыми целями и ценностями и своим мироустроительным проектом.

Правящий класс как номенклатура

Когда современный российский правящий класс описывается как разновидность советской номенклатуры или прямой ее наследник, термин «номенклатура» нередко служит синонимом «неправильного» российского правящего класса вообще. В качестве примера такого централизованного описания российского правящего класса как тотально

«неправильного», вне зависимости от названия, можно привести следующий пассаж: «Российская „элита“ создана по шаблонам советской бюрократии. В России бюрократия взяла на себя задачу символической репрезентации власти для общества, а по отношению к массе играет роль тотальной бюрократической власти... Советская номенклатура и нынешняя „властная вертикаль“ России не является элитой ни по профессиональным, ни по деловым качествам. Но она не является и бюрократией, поскольку не обладает компетентностью, рациональностью, ответственностью. Современная российская бюрократия и интеллигенция воплощает отказ от модернизации, а российская элита срывается с властью»²⁰.

²⁰ Камкия 2015:
445—446.

Тем не менее имидж номенклатуры потенциально более удобен и привлекателен для российского правящего класса, нежели образ отклоняющейся от нормы буржуазии или бюрократии. Ведь если представить ущербной *исключительно* современную номенклатуру, в отношении номенклатуры советского типа становятся возможными и другие оценки. Появляется почва для представления, что в СССР, при всех его недостатках, была аутентичная «правильная» номенклатура и «правильность» ее обеспечивалась подчиненностью коммунистической партии и идеологической индоктринацией. Однако, как справедливо замечает Юлий Нисневич, «в результате номенклатурно-демократической революции из тела номенклатуры был „изъят“ внутренний жесткий стержень в виде монополюс правящей партии. <...> Лишившись жесткой сердцевины, правящая номенклатура превратилась в похожую на кочковатую болотную трясину бугристую массу с множеством разных неравномерно многоступенчатых выступов, которая, как раковая опухоль, поражает не только государственную бюрократию, но структуры административного управления всех экономически и социально значимых институтов и систем жизнедеятельности общества и государства»²¹. Будучи наследницей советской, «тинообразная» российская номенклатура существенно отличается от нее в худшую сторону, так как выстроенная ею вертикальная иерархия политической и государственной власти постоянно демонстрирует неспособность устойчиво управлять делами государства и не является монолитной²². Это неудивительно, поскольку номенклатура вышла из-под контроля коммунистической партии и «превратилась в самодостаточный слой, который стал бороться за выживание так, как считал нужным. Партия оказалась самым ненужным элементом в системе номенклатурных связей. Из организатора номенклатуры она превратилась в ее лишний элемент, в отработанную конструкцию»²³. И даже когда говорится, что на смену советской номенклатуре пришла «постсоветская клептократура», под чьим влиянием деформировалась не только политическая, но и экономическая система²⁴, это подразумевает, что номенклатура *post factum* выглядит предпочтительнее. Показательно, что перспектива оценочно позитивного описания российского правящего класса как номенклатуры возникает не только в русле общей тенденции последних лет апеллировать ко

²¹ Нисневич 2015:
46.

²² Там же: 51.

²³ Мохов 2005: 111.

²⁴ Пастухов 2011:
157—158.

²⁵ В упомянутых выше дискуссиях по поводу правомерности квалификации постсоветского правящего класса как элиты именно цивилизационное своеобразие и историческая субъектность обычно считаются признаками «настоящей» элиты, которая озабочена в первую очередь благом народа и выражает его интересы на мировой арене.

²⁶ Роджерс 2019.

Соблазн возвращения к «номенклатуре 1.0»

²⁷ Пример такой мимикрии см. Медведев 2023.

всему советскому, но и в рамках теоретических подходов, авторов которых нельзя отнести к поклонникам советского в целом и номенклатуры в частности.

Другими словами, даже при общей недоброжелательности указанного взгляда на советскую номенклатуру ей не отказывается по крайней мере в цивилизационном своеобразии и исторической субъектности²⁵. Посредством достаточно прямолинейных приемов этот ореол исторической субъектности можно попытаться перенести на современный российский правящий класс, который позиционирует себя и российский народ как силу, меняющую обветшавший мировой порядок на более справедливый. Например, путем противопоставления патриотической номенклатуры космополитичному и эгоистичному классу капиталистов, причем в этом случае у номенклатуры обнаруживается прямотаки социалистический потенциал: «...правящий класс в России — не капиталисты, а номенклатура. Как и в СССР. Потому что в России — госкап. А это переходная стадия к социализму»²⁶.

С учетом подобного рода установок и настроений для правящего класса бесперспективно позиционировать себя в качестве «правильной бюрократии» или «правильной буржуазии», тем более что в отечественной истории их отыскать непросто. Между тем «правильную номенклатуру» застали многие; во всяком случае, у многих успели сложиться мифологические ностальгические представления о наличии таковой. Специальная военная операция в Украине и ее глобальные последствия позволяют говорить о назревшей трансформации отечественной элиты, которая пытается мимикрировать под советскую номенклатуру в имиджевом плане²⁷. Если нынешняя номенклатура «неправильная», возникает соблазн вернуться к «правильной». Но как? Для остающейся у власти части российского правящего класса более всего удобна риторика очищения от «либералов» и прочих «агентов Запада». Действительно, это самый простой и наименее травматичный способ. Он подразумевает, что наш правящий класс в общем соответствует тем вызовам, которые бросает ему очередной поворот истории, и потому речь идет не о качественных изменениях, а об избавлении от «врагов» и исправлении отдельных недостатков. К достоинствам этой стратегии оптимизации можно отнести и то, что на символическом и риторическом уровне она явственно перекликается с известными событиями советского прошлого, когда многие проблемы решались путем разного рода «чисток».

Однако здесь закономерно возникает несколько вопросов. Во-первых, какова степень действительной исторической субъектности советской номенклатуры, наследником которой себя склонен позиционировать современный правящий класс? Во-вторых, насколько продуктивна базирующаяся на этом фундаменталистском мифе о советской номенклатуре стратегия оптимизации?

По ряду причин эффективность этой стратегии выглядит весьма ограниченной. И главная из них заключается даже не в невозможности дважды войти в одну реку, а в том, что сама река никогда не была столь прозрачной, как может показаться ностальгирующему взгляду. Об этом свидетельствует, в частности, анализ советской системы Алексеем Юрчаком: «В сталинский период наличие внешней фигуры идеологического языка позволяло этому языку оставаться логически открытым, поскольку ее голос претендовал на уникальную способность выражать некий якобы объективный, независимый, внешний канон истины. Таким образом, создавалось пространство публичного метадискурса, в котором проводилась оценка и корректировка идеологического языка по отношению к этому внешнему канону. Но когда в позднесоветский период позиция внешней фигуры исчезла, логическая структура идеологического языка замкнулась. Теперь то, что представлялось как новая информация, было ограничено рамками уже существующей информации, которая уже упоминалась где-то раньше, в каких-то предыдущих текстах и высказываниях»²⁸.

²⁸ Юрчак 2014: 154.

Иными словами, фундаменталистский миф о номенклатуре отсылает к временам, когда та не обладала чертами полноценного политического и идеологического субъекта, то есть когда у нее был сильный внешний регулятор (редактор) в виде Иосифа Сталина, Партии со Сталиным или, на худой конец, Партии без Сталина, но все-таки формулирующей некие нормы и каноны. С уходом этого «редактора» он был замещен отчасти неполноценным субъектом, стремящимся лишь соответствовать оставшемуся канону либо вначале тайно, а затем открыто заимствующим этот канон на Западе. Принципиально то, что в любом случае канон, будь он либеральным или «традиционным», не вырабатывается самим субъектом, а берется извне. Этот канон можно только уточнять и совершенствовать подражание ему, зачастую формальное. Учитывая сказанное выше, понятно, почему так популярно описание российского правящего класса в категориях мейнстрима западных политических наук — как отклонения от нормы. Потому что в конечном счете это *его самописание*, вытекающее из онтологически обусловленной потребности всегда иметь внешний образец для соотнесения, если нет своего «редактора».

Отсюда же и проблемы, с которыми сталкивается российский правящий класс при попытках эксплуатации номенклатурного мифа возвращения к истокам. Номенклатура с идеологией — это потенциально уже слишком зависимая от внешнего «редактора» номенклатура. Наличие идеологии грозит номенклатуре ограничением суверенности в прагматически своекорыстном плане, которое в огромной мере было предопределено ее положением в структуре советского общества и от которого она как класс стремилась освободиться. Советское общественное устройство, замечает по этому поводу Евгений Семенов, «побуждало всех (кроме номенклатуры) стремиться подняться на более высокую ступень. Только номенклатуре некуда было расти внутри

системы, и она ориентировалась на „заграницу“ — устраивала детей в соответствующие вузы и на последующую работу в посольствах, торгпредствах, корреспондентских пунктах и т.п. Именно номенклатура оказалась актором перестройки, а ее коррумпированная часть — главным бенефициаром краха общественной системы и страны (курсив мой. — Л.Ф.)»²⁹.

²⁹ Семенов
2021:14—21.

Разрушив же систему, номенклатура достигла положения, в котором она, как и раньше, не обладала полноценной исторической субъектностью, «элитарностью». Но теперь ее это вполне устраивало, поскольку взамен она получила желанную «шкурническую» суверенность. Так проявилась чрезвычайно развитая способность номенклатуры приспосабливаться к изменению обстоятельств, что позволяет питать надежды на благоприятное разрешение драматической ситуации, в которой оказалась сегодня Россия. Однако необходимо учитывать, что приспособляемость, которую до сих пор демонстрировала постсоветская номенклатура, была следствием отсутствия полноценной исторической субъектности. Сама по себе способность приспосабливаться отнюдь не безусловное благо, по крайней мере для правящего класса. Приспосабливаться — значит идти в чьем-то фарватере, подражать, мимикрировать — что угодно, только не формулировать свои цели, если, конечно, они не выходят за горизонт повседневности, не являются чисто потребительскими и касающимися удержания власти.

Но именно успех стратегии приспособления, по-видимому, породил у российской номенклатуры чувство самоуспокоенности, «благородной уверенности, самоуговаривания и внушения другим, что мы движемся в правильном направлении, постепенно и как бы автоматически, само собой в более или менее отдаленной перспективе сближаясь с другими развитыми странами»³⁰. Специфика исторического периода, в который она формировалась, наделила ее чертами в широком смысле «успешных людей», которые конвертировали свои административные ресурсы в собственность (ради престижного потребления) либо, напротив, закрепили статус собственников путем интеграции в бюрократическую элиту. Этот класс отличает твердая вера в то, что положение его представителей вполне заслужено и обусловлено их выдающимися качествами и трудом на благо отечества. То, что они «поднимались» с относительно низкой стартовой позиции и «вставали с колен» вместе со всей страной, заставляет их думать, что у них нет особых моральных обязательств перед остальным народом. Если прочие не достигли сопоставимого успеха, то им следовало бы не жаловаться, а просто больше работать — или умерить аппетиты. С их точки зрения, существующее в обществе неравенство справедливо, и верхушка правящего класса получает сверхдоходы исключительно потому, что состоит из высококвалифицированных менеджеров, да и в целом «они как начальники должны получать больше». Как отмечает Денис Новиков, «по мнению господствующего класса, широкие социальные слои не только не имеют права на получение рентного дохода, но, наоборот, сами должны

³⁰ Гудков и Дубин
2007: 86.

быть источниками ренты». В качестве примера публичной артикуляции господствующим классом данной идеи он приводит скандальное высказывание свердловской чиновницы Ольги Глацких: «Молодые люди считают, что государство им все должно. Нет, вам государство вообще, в принципе, ничего не должно. Вам должны ваши родители, которые вас родили. Государство не просило их вас рожать, если мы будем идти от истоков». И хотя позднее Глацких переформулировала свой тезис, суть ее позиции не изменилась³¹.

³¹ Новиков 2020.

**Между
«национальной
идеологией» и
«традиционными
ценностями»**

Текущая историческая ситуация отражается в сознании ответственного правящего класса как сочетание субъективной уверенности в том, что в идейной области он уже обладает (поскольку успешен) всем потребным³², с нарастающим пониманием, что этого недостаточно. Возможно, это выводящее из зоны комфорта понимание обусловлено не только вызовами объективной реальности, но и советским наследием, которое подразумевает, что номенклатура всего лишь «слуга народа». Поэтому она нуждается в «нормализации», предполагающей подчинение ее усилий «большой легитимной задаче, в которую смогут встраиваться личные карьерные амбиции, элементарные интересы самосохранения, предполагающие высокую предсказуемость служебной деятельности, и социализованное самоуважение (по известным формулам „Служить бы рад, прислуживаться тошно“, „За державу обидно...“)³³. Трудно отрицать, что «базовая ценность постсоветской номенклатуры и ее *собственная* (курсив мой. — Л.Ф.) идеология заключается в достижении материального обогащения и социального превосходства посредством использования публичной власти»³⁴. Однако ход событий требует от нее проявлений иного рода суверенности, ради которой ей придется поступиться суверенностью достигнутой. Поэтому вопрос о суверенитете для нее ключевой и очень болезненный (что, в частности, нашло отражение в трактовке России как «суверенной демократии»). Можно утверждать, что номенклатура все более явственно встает перед выбором между суверенитетом, удобным для нее самой, и суверенитетом, который необходим для остальных граждан.

³² Отсюда широкое распространение представления, что суть национальной идеи России вполне может быть сведена к патриотизму.

³³ Дерлугьян 2013: 222.

³⁴ Нисневич и Рябов 2016: 173—174.

Но как достичь такого суверенитета или хотя бы имитировать его? Первое, что приходит в голову, — симулировать наличие идеологии, теперь уже, конечно, не коммунистической, а «национальной».

Нашим элитам известно, что их нынешнее состояние без «идеологии» ненормально. В свое время Владимир Пастухов* проницательно предсказал, что им еще «придется заплатить за то, что они оставили в своих головах кашу из либеральных, националистических, социалистических и еще Бог знает каких идей. Им придется заплатить за недодуманность, недоделанность, недоосмысленность, за культивируемую инфантильность и духовное иждивенчество»³⁵. Однако показательно, что упорядочить эту «кашу» до сих пор не получилось. При том что на

³⁵ Пастухов 2011: 159.

самых высоких уровнях российского правящего класса периодически поднимался вопрос о необходимости «национальной идеологии», ее в сколько-нибудь внятном виде так и не появилось. С одной стороны, постановка вопроса об идеологии привлекательна для бюрократической ипостаси российского правящего класса, которая видит себя воплощением разумности и рациональности. Идеология импонирует бюрократии своим потенциалом рационального упорядочивания картины мира и возможностью использования для индоктринации граждан, что, безусловно, помогает в управлении. С другой стороны, она требует и большей ответственности если не перед абстрактным «гражданским обществом», то перед неким внешним по отношению к бюрократии социальным субъектом. Наследница советской номенклатуры прекрасно, на генетическом уровне, помнит, что, хотя для достижения большей эффективности (определяемой опять же извне) и нужна какая-то идеология, она же является средством контроля над управленцами. Не случайно вместо идеологии была сделана ставка на «традиционные ценности», которые общие (или должны выглядеть таковыми) у правящего класса и общества. Стратегия «пугать» идеологией, но на деле ограничиваться размытыми ценностями как нельзя лучше подходит номенклатуре, которая правит сама, делая вид, что правит от имени общества.

Показательно и другое. Принципиальная несклонность к изобретению нового в вопросах идеологии заметна уже у поздней советской номенклатуры, все более стремившейся выработать некий канон и следовать ему. До недавних пор постсоветская номенклатура пыталась ориентироваться на зарубежные либеральные каноны, затем во все большей степени, по крайней мере на символическом уровне, на каноны позднесоветского периода. То же самое наблюдается и в других областях, например в образовании, где в качестве решения проблем сегодняшнего дня предлагается усилить соответствие советскому канону, то есть вернуть в школы предметы, которые там преподавались ранее, начиная с логики, астрономии и НВП и заканчивая черчением. А когда речь заходит о традиционных ценностях и символах, они тоже явно или скрытно заимствуются как в собственном прошлом, так и извне — чего стоят хотя бы консервативно-христианские «традиционные семейные ценности», скопированные у американских правых, или перенятый у тех же американцев ежедневный подъем флага в школе.

В нынешней ситуации постсоветская номенклатура не может ни выработать себе идеологию сама, ни заимствовать ее извне, ни отдать процесс выработки идеологии на откуп гражданскому обществу. У нее есть основания подозревать, что гражданское общество, которое номенклатура мерит по своей мерке, не отличается от нее качественно в моральном и политическом плане, то есть нуждается во внешних образах и, следовательно, уязвимо для манипуляций извне. Отсюда и озабоченность разного рода внешними влияниями, что, в частности, воплощается в практике присвоения статуса «иноагента» даже в слу-

чаях, когда не удастся точно установить «принципала». Поэтому наша элита остается в состоянии, если можно так выразиться, негативной субъектности и демонстрирует склонность законсервировать общество в нем же.

Чего ожидать?

Вернемся к сказанному выше о символическом откате постсоветской «неправильной» номенклатуры к некоему инварианту правильной неосоветской путем очищения от инородных элементов. В начале СВО нередкими были высказывания в духе: «Когда мы порвали с Западом, внутри Садового кольца вынужденно осталась значительная часть элит, работавших на противника. Выезжаешь на фронт или в регионы России — в нашу глубинную страну, и там таких проблем уже нет. Даже на уровне власти — там нет уже никаких западных элементов. И люди легко и естественно перестраиваются на новый лад. Это очень легко для нашего народа — и совершенно невозможно для этой прозападной элиты»³⁶. Выглядело так, будто стоит избавиться от «прозападной» части элиты, и дело пойдет на лад. В действительности же основная загвоздка не в «крысах» из прозападной элиты, а в самых что ни на есть лояльных. «Крыс» вывести можно, но от этого ограниченность оставшихся не исчезнет. Владимир Познер в значительной мере был прав, когда говорил, что российский правящий класс не способен справиться с вызовами потому, что он советский. Но проблема не только в склонности правящего класса к силовому способу решения вопросов, не только в том, что, осознавая необратимое исчезновение старой системы, он не понимает, как управлять в новой, и делает это старыми методами, и даже не в том, что он «рабский» и не привык говорить первым лицам в лицо правду и т.д.³⁷ Проблема в том, что оставшийся незападный и самый что ни на есть патриотический класс в действительности так же не мыслит себя полноценным историческим субъектом, как и советская номенклатура и прозападные либералы. Для того чтобы он мог выполнять свою историческую миссию, ему нужно либо переродиться, либо вновь обрести кого-то, кто бы указывал путь извне, некий «класс, стоящий над чиновничеством»³⁸.

В этих условиях каких консолидирующих общество действий стоит ожидать рядовым гражданам от российского правящего класса? В обозримом будущем нам не следует ждать каких-то «высоких смыслов». Для постсоветской номенклатуры естественно и понятно привычное состояние суверенитета без исторической субъектности, подпитываемое эгоизмом цепко держашегося за «свое» правящего класса. Ограниченность его «государственного мышления» и «патриотизма» проявляется в том, что он не способен выработать некую мироустроительную идею, действительно альтернативную глобальному неолиберальному капитализму под американской гегемонией. Класс, который, осознав себя, приложил массу усилий, чтобы обеспечить себе и своим потомкам пожизненную ресурсно-административную ренту, в лице

³⁶ *Элите придется выбирать 2023.*

³⁷ *Познер 2019.*

³⁸ *Халдей 2019.*

наиболее трезво мыслящих своих представителей способен дорасти до восприятия страны как большой корпорации, в которой у всех граждан должна быть достойная (или представляющаяся ему таковой) доля. Поэтому максимум, что он может предложить остальным гражданам, это увеличение их доли ренты в виде социальных выплат, дальневосточного гектара, жалования участникам СВО. Другой составляющей стратегии сближения с рядовыми гражданами могут быть популистские шаги, выражающиеся в более скромном поведении, отказе от выпячивания своей успешности. А «идеология» или «национальная идея», формирующаяся вокруг такой стратегии, станет оформлением нового общественного договора, о конкретных чертах которого сегодня остается только догадываться.

Библиография

- Акинин А.А. и А.А.Шевелев. (2012) «К вопросу о природе государства и правящего класса в современной России: ответ „Эксперту“» // *Философия хозяйства*, № 6: 61—77.
- Бюрократия и власть в новой России: позиции населения и оценки экспертов. Аналитический доклад.* (2005) URL: https://www.isras.ru/analytical_report_bureaucracy.html (проверено 10.04.2023).
- Вольчик В.В. (2009) «Эволюция российского института власти-собственности» // *Политическая концептология*, № 1: 154—178. URL: <https://politconcept.sfedu.ru/2009.1/11.pdf> (проверено 10.04.2023).
- Гребер Д. (2016) *Утопия правил: О технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии.* М.: Ад Маргинем Пресс.
- Гудков Л. и Б.Дубин. (2007) «Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли „элиты“» // *Pro et Contra*, т. 11, № 3: 73—97.
- Дерлугьян Г. (2013) *Как устроен этот мир: наброски на макро-социологические темы* М.: Изд-во Института Гайдара.
- Иноземцев В.* (2018) «Аристократы или феодалы? Какой правящий класс формируется в современной России» // *Мировой кризис: хроника и комментарии*, 04.06. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/3066358> (проверено 10.04.2023).
- Кагарлицкий Б.Ю. (2009) *Периферийная империя: циклы русской истории.* М.: Алгоритм; Эксмо.
- Камкия Б.А. (2015) «Политический контекст и проблема бюрократии» // Макаренко В.П., ред. *Русская власть и бюрократическое государство.* Ч. 2. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет: 432—453.
- Канарш Г.Ю. (2016) «Современный российский капитализм: социологический, политико-экономический и антропологический аспекты» // *Знание. Понимание. Умение*, № 4: 70—85.
- Колташов В. (2020) «Грандбюрократия оседлывает бизнес» // *Инвест-Форсайт*, 21.04. URL: <https://www.if24.ru/grandbyurokratiya-osedlyvaet-biznes/> (проверено 10.04.2023).

Кордонский С. (2008) «Словная структура постсоветской России (часть II)» // *Мир России*, т. 17, № 4: 6—36.

Левинсон А.Г. (2015) «Капитализм и социализм как миф и легенда» // *Общественные науки и современность*, № 1: 37—51.

Макаренко В.П. (2014) «Элиты или господствующие меньшинства?» // *Лидер, элита, регион: Материалы научно-практической конференции с международным участием, 27—28 октября 2014 г., Ростов-на-Дону*. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС: 321—336.

Макаренко В.П. (2021) *Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Организм-паразит: концепт бюрократии в трудах К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина. Революция и власть: размышления политолога*. Ростов-на-Дону, Таганрог: Изд-во Южного федерального университета.

Мартьянов В.С. и Л.Г.Фишман. (2021) «Социальные науки и глобальная турбулентность: перезагрузка мейнстрима» // *Мировая экономика и международные отношения*, т. 65, № 1: 100—113. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/01_2021/12-MARTYANOV.pdf (проверено 10.04.2023).

«Медведев зачитал директорам заводов ОПК телеграмму Сталина». (2023) // *РИА Новости*, 23.03. URL: <https://ria.ru/20230323/zasedanie-1860172287.html> (проверено 10.04.2023).

Мохов В.П. (2005) «Номенклатура как политический институт в истории советского общества второй половины XX века» // *Управленческое консультирование*, № 1: 94—111.

Нисневич Ю.А. (2015) *Регенерация номенклатуры как правящего социального слоя*. Препринт WP14/2015/03. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. URL: https://www.hse.ru/data/2015/07/20/1086195558/WP14_2015_03.pdf (проверено 10.04.2023).

Нисневич Ю.А. и А.В.Рябов. (2016) «Современный авторитаризм и политическая идеология» // *Полис. Политические исследования*, № 4: 162—181. URL: https://www.polistudies.ru/files/File/2016/4/Polis_4_2016-Nisnevich_Ryabov.pdf (проверено 10.04.2023).

Новиков Д.В. (2020) «Рентное сознание современной российской элиты» // *Науки о человеке, обществе и культуре*, № IV-2 (44). URL: <https://www.uzknastu.ru/en/archnum/52-2020-/152--iii-44-2020-1-r.html> (проверено 10.04.2023).

Оболонский А.В. (2019) «Чиновник как социальное зло (патологии бюрократического сознания)» // *Общественные науки и современность*, № 1: 87—98. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/251444553.pdf> (проверено 10.04.2023).

Пастухов В.Б.* (2011) «Предчувствие гражданской войны. От „номенклатуры“ к „клептоклатуре“: взлет и падение „внутреннего государства“ в современной России» // *Полис. Политические исследования*,

№ 6: 143—159. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2011/6/13.pdf> (проверено 10.04.2023).

«Познер о правящем классе в России: „Путин окружил себя людьми, которые думают, как сказать то, что ему понравится“». (2019) // *Бизнес Online*, 28.12. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/452102> (проверено 10.04.2023).

Рахманов А.Б. (2014) «Капиталистический класс современной России и его основные характеристики» // *Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология*, № 2: 37—58.

Роджерс А. (2019) *Так кто правящий класс в России?* URL: <https://alexandr-rogers.livejournal.com/1111346.html> (проверено 10.04.2023).

Семенов Е.В. (2021) «Долгое эхо 1991 года: социальный смысл катастрофы» // *Социологические исследования*, № 8: 14—21. URL: <https://www.socis.isras.ru/files/File/2021/8/Semenov.pdf> (проверено 10.04.2023).

Симонян Р.Х. (2009) «Элита или все-таки номенклатура? (Размышления о российском правящем слое)» // *Общественные науки и современность*, № 2: 114—124.

Тощенко Ж.Т. (1999) «Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами?» // *Социологические исследования*, № 11: 123—133.

Третьяков В. (2010) *Класс господ и владельцев*. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Rus_Jornal/50/11.pdf (проверено 10.04.2023).

Халдей А. (2019) *Эволюция правящего класса в России*. URL: <https://www.discred.ru/2019/03/16/evolyutsiya-pravyashhego-klassa-v-rossii/> (проверено 10.04.2023).

Черных С. (2021) «Государственный капитализм в России: теория, практика и современные тенденции» // *Общество и экономика*, № 2: 5—17. URL: https://inecon.org/docs/2021/Chernykh_SE_2_2021.pdf (проверено 10.04.2023).

Шкаратан О.И. (2011) «Российская псевдоэлита и ее идентификация в мировом и национальном контекстах» // *Политическая концептология*, № 4: 130—140. URL: <https://politconcept.sfedu.ru/2011.4/07.pdf> (проверено 10.04.2023).

«Элите придется выбирать: Разгонять „крысиное царство“ в России зовут „грузчиков“». (2023) // *АДИ* 19, 8.01. URL: <https://adi19.ru/news/63170-elite-bridetsa-vybirat-razgonat-krysinoe-carstvo-v-rossii-zovut-gruzchikov> (проверено 10.04.2023).

Юрчак А. (2014) *Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение.

* Внесен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов.

ПОЛИТИКА

L.G.Fishman

OUR “WRONG” RULING CLASS: WHAT TO EXPECT FROM IT?

Leonid G. Fishman — Doctor of Political Science; Professor; Chief Researcher at the Institute of Philosophy and Law, The Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg). E-mail: Ifishman@yandex.ru.

Abstract. The article presents an analysis of the double problem that arises in the study of the contemporary Russian ruling class: one aspect of this problem is related to an adequate theoretical description of this class, and the other aspect concerns its self-positioning. The author considers the main paradigms of theoretical understanding of the nature of this class — as bourgeoisie, as bureaucracy, and as nomenklatura. The article demonstrates that, regardless of the adequacy of the description of Russia’s ruling class within the paradigms of bourgeoisie and bureaucracy, in the current situation the class prefers to position itself as the heir to the Soviet nomenklatura. Such a positioning endows the Russian ruling class with a much greater historical subjectivity than it could claim if it positioned itself as bourgeoisie or bureaucracy.

The catch, however, is that in reality the Soviet nomenklatura possessed a very limited historical subjectivity and needed an external “editor” (regulator). The modern Russian ruling class has inherited this trait, which caused a number of difficulties that it experienced in the ideological and axiological spheres. Therefore, one should not expect global world-building projects from this class. The maximum that it can offer to other citizens is to increase their share of rent in the form of social payments, a Far Eastern hectare, and salaries to members of the special military operation. Taking populist steps, manifested in the refusal to show off their success, could become another component of the strategy of rapprochement with ordinary citizens. An “ideology” that is being formed around such a strategy will become a design of a new social contract. Today one can only guess what such contract will be about.

Keywords: bourgeoisie, bureaucracy, nomenklatura, ruling class, ideology, social contract

References

Akinin A.A. and A.A.Shevelev. (2012) “K voprosu o prirode gosudarstva i pravjashchego klassa v sovremennoj Rossii: otvet „Eksperthu“” [On

the Nature of the State and the Ruling Class in Modern Russia: Reply to “Expert” // *Filosofija khozjajstva* [Philosophy of Economy], no. 6: 61–77. (In Russ.)

Bjurokratija i vlast' v novoj Rossii: pozitsii naselenija i otsenki ekspertov. Analiticheskij doklad [Bureaucracy and Power in New Russia: Population's Position and Experts' Views. Analytical Report]. (2005) URL: https://www.isras.ru/analytical_report_bureaucracy.html (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Chernykh S. (2021) “Gosudarstvennyj kapitalizm v Rossii: teorija, praktika i sovremennye tendentsii” [State Capitalism in Russia: Theory, Practice and Modern Trends] // *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], no. 2: 5–17. URL: https://inecon.org/docs/2021/Chernykh_SE_2_2021.pdf (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Derluguian G. (2017) *Kak ustroen etot mir: Nabroski na makroekonomicheskie temy* [How the World Works: Sketches on Macroeconomic Topics]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)

“Elite pridjetsja vybirat’: Razgonjat’ „krysinoe tsarstvo“ v Rossii zovut „gruzchikov“” [The Elite Will Have to Choose: “Loaders” Are Called to Disperse the “Rat Kingdom” in Russia]. (2023) // *ADI* 19, 8.01. URL: <https://adi19.ru/news/63170-elite-pridetsa-vybirat-razgonat-krysinoe-carstvo-v-rossii-zovut-gruzchikov> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Graeber D. (2016) *Utopija pravil: O tekhnologijakh, gluposti i tajnom obajanii bjurokratii* [The Utopia of Rules: On Technology, Stupidity, and the Secret Joys of Bureaucracy]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Gudkov L. and B.Dubin. (2007) “Illuzija modernizatsii: rossijskaja bjurokratija v roli „elity“” [The Illusion of Modernization: The Russian Bureaucracy as the “Elite”] // *Pro et Contra*, vol. 11, no. 3: 73–97. (In Russ.)

Inozemtsev V. (2018) “Aristokraty ili feodaly? Kakoj pravjashchij klass formiruetsja v sovremennoj Rossii” [Aristocrats or Feudal Lords? What Kind of Ruling Class Is Being Formed in Modern Russia] // *Mirovoj krizis: khronika i kommentarii* [The World Crisis: Chronicle and Commentary], 04.06. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/3066358> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Kagarlitsky B.Yu. (2009) *Periferijnaja imperija: tsikly russkoj istorii* [The Peripheral Empire: Cycles of Russian History]. Moscow: Algoritm; Eksmo. (In Russ.)

Kamkiya B.A. (2015) “Politicheskij kontekst i problema bjurokratii” [Political Context and the Problem of Bureaucracy] // Makarenko V.P., ed. *Russkaja vlast' i bjurokraticheskoe gosudarstvo* [Russian Power and the Bureaucratic State]. Part 2. Rostov-on-Don: Juzhnyj federal'nyj universitet: 432–453. (In Russ.)

Kanarsh G.Yu. (2016) “Sovremennyy rossijskij kapitalizm: sotsiologicheskij, politiko-ekonomicheskij i antropologicheskij aspekty” [Contemporary Russian Capitalism: Sociological, Political-Economic, and Anthropological Aspects] // *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], no. 4: 70–85. (In Russ.)

Khaldej A. (2019) *Evoljutsija pravjashchego klassa v Rossii* [Evolution of the Ruling Class in Russia]. URL: <https://www.discred.ru/2019/03/16/evolyutsiya-pravyashhego-klassa-v-rossii/> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Koltashov V. (2020) “Grandbjurokratija osedlyvaet biznes” [Grand Bureaucracy Saddles Business] // *Invest Foresight*, 21.04. URL: <https://www.if24.ru/grandbyurokratiya-osedlyvaet-biznes/> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Kordonsky S. (2008) “Soslovnaja struktura postsovetsoj Rossii (Chast’ II)” [Estate Structure of Post-Soviet Russia (Part 2)] // *Mir Rossii* [Universe of Russia], vol. 17, no. 4: 6—36. (In Russ.)

Levinson A.G. (2015) “Kapitalizm i sotsializm kak mif i legenda” [Capitalism and Socialism as Myth and Legend] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost’* [Social Sciences and Contemporary World], no. 1: 37—51. (In Russ.)

Makarenko V.P. (2014) “Elity ili gosподstvujushchie men’shinstva?” [Elites or Dominant Minorities?] // *Lider, elita, region: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, 27—28 oktjabrja 2014 g., Rostov-na-Donu* [Leader, Elite, Region: Materials of a Scientific and Practical Conference with International Participation, October 27—28, 2014, Rostov-on-Don]. Rostov-on-Don: Izd-vo JURIU RANKhiGS: 321—336. (In Russ.)

Makarenko V.P. (2021) *Sobranie sochinenij: v 5 t. T. 1: Organizm-parazit: kontsept bjurokratii v trudakh K.Marksa, F.Engel’sa, V.I.Lenina. Revoljutsija i vlast’: razmyshlenija politologa* [Collected Works: In 5 Vols. Vol. 1: The Parasite Organism: the Concept of Bureaucracy in the Works of K.Marx, F.Engels, V.I.Lenin. Revolution and Power: Reflections of a Political Scientist]. Rostov-on-Don, Taganrog: Izd-vo Juzhnogo federal’nogo universiteta. (In Russ.)

Mart’yanov V.S. and L.G.Fishman. (2021) “Sotsial’nye nauki i global’naja turbulentnost’: perezagruzka mejnstrima” [Social Sciences and Global Turbulence: Rebooting the Mainstream] // *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], vol. 65, no. 1: 100—113. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/01_2021/12-MARTYANOV.pdf (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

“Medvedev zachital direktoram zavodov OPK telegrammu Stalina” [Medvedev Read Stalin’s Telegram to the Directors of Defense Industry Plants]. (2023) // *RIA Novosti*, 23.03. URL: <https://ria.ru/20230323/zasedanie-1860172287.html> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Mokhov V.P. (2005) “Nomenklatura kak politicheskij institut v istorii sovetskogo obshchestva vtoroj poloviny 20 veka” [Nomenklatura as a Political Institution in the History of Soviet Society in the Second Half of the 20th Century] // *Upravlencheskoe konsul’tirovanie* [Management Consulting], no. 1: 94—111. (In Russ.)

Nisnevich Yu.A. (2015) *Regeneratsija nomenklatury kak pravjashchego sotsial'nogo sloja* [Regeneration of the Nomenclature as a Ruling Social Stratum]. Preprint WP14/2015/03. Moscow: Izdatel'skij dom Vysšej shkoly ekonomiki. URL: https://www.hse.ru/data/2015/07/20/1086195558/WP14_2015_03.pdf (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Nisnevich Yu.A. and A.V.Ryabov. (2016) “Sovremennyy avtoritarizm i politicheskaja ideologija” [Modern Authoritarianism and Political Ideology] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 4: 162—181. URL: https://www.politstudies.ru/files/File/2016/4/Polis_4_2016-Nisnevich_Ryabov.pdf (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Novikov D.V. (2020) “Rentnoe soznanie sovremennoj rossijskoj elity” [Rent Consciousness of the Modern Russian Elite] // *Nauki o cheloveke, obshchestve i kul'ture* [Sciences of Man, Society and Culture], no. IV-2 (44). URL: <https://www.uzknastu.ru/en/archnum/52-2020-/152--iii-44-2020-1-r.html> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Obolonsky A.V. (2019) “Chinovnik kak sotsial'noe zlo (patologii bjurokraticheskogo soznaniya)” [Public Official as a Social Evil (Pathologies of the Bureaucratic Consciousness)] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no. 1: 87—98. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/251444553.pdf> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Pastukhov V.B. (2011) “Predchuvstvie grazhdanskoj vojny. Ot „nomenklatury“ k „kleptoklature“: vzlet i padenie „vnutrennego gosudarstva“ v sovremennoj Rossii” [Prodrome of Civil War. From “Nomenclature” to “Kleptoclature”] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 6: 143—159. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2011/6/13.pdf> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

“Pozner o pravjashchem klasse v Rossii: „Putin okruzhil sebja ljud'mi, kotorye dumajut, kak skazat' to, chto emu ponravitsja“” [Posner on the Ruling Class in Russia: “Putin Has Surrounded Himself with People Who Think How to Say What He Likes”]. (2019) // *Business Online*, 28.12. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/452102> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Rakhmanov A.B. (2014) “Kapitalisticheskij klass sovremennoj Rossii i ego osnovnye kharakteristiki” [The Capitalist Class of Modern Russia and Its Main Characteristics] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18: Sotsiologija i politologija* [Moscow State University Bulletin. Series 18: Sociology and Political Science], no. 2: 37—58. (In Russ.)

Rogers A. (2019) *Tak kto pravjashchij klass v Rossii?* [So Who Is the Ruling Class in Russia?] URL: <https://alexandr-rogers.livejournal.com/1111346.html> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Semenov E.V. (2021) “Dolgoe ekho 1991 goda: sotsial'nyj smysl katastrofy” [A Long Echo of 1991: Social Meaning of Country's Disaster] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 8: 14—21. URL: <https://www.socis.isras.ru/files/File/2021/8/Semenov.pdf> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Shkaratan O.I. (2011) “Rossijskaja psevdodelita i ee identifikatsija v mirovom i natsional’nom kontekstakh” [The Russian Pseudo-Elite: Their Identity in the Global and National Context] // *Politicheskaja kontseptologija* [The Political Conceptology], no. 4: 130–140. URL: <https://politconcept.sfedu.ru/2011.4/07.pdf> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Simonyan R.Kh. (2009) “Elita ili vse-taki nomenklatura? (Razmyshlenija o rossijskom pravjashchem sloe)” [Elite or Nomenclature: Reflections on Russian Ruling Class] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost’* [Social Sciences and Contemporary World], no. 2: 114–124. (In Russ.)

Toshchenko Zh.T. (1999) “Elita? Klany? Kasty? Kliki? Kak nazvat’ tekh, kto pravit nami?” [Elite? Clans? Castes? Cliques? How to Name Those Who Rule Us?] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 11: 123–133. (In Russ.)

Tretyakov V. (2010) *Klass gospod i vladetelej* [Class of Lords and Rulers]. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Rus_Jornal/50/11.pdf (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Vol’chik V.V. (2009) “Evoljutsija rossijskogo instituta vlasti-sobstvennosti” [Evolution of the Russian Power-Property Institution] // *Politicheskaja kontseptologija* [The Political Conceptology], no. 1: 154–178. URL: <https://politconcept.sfedu.ru/2009.1/11.pdf> (accessed on 10.04.2023). (In Russ.)

Yurchak A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos’: Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Ю.А.Баландин, Ю.О.Гайворонский
ПАТРОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
И РОТАЦИЯ ГУБЕРНАТОРСКОГО
КОРПУСА В РОССИИ
Опыт сетевого анализа

Юлиан Андреевич Баландин — аспирант, преподаватель департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: balandin.yulian@gmail.com.

Юрий Олегович Гайворонский — кандидат политических наук, доцент департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: guyvoronskiy@hse.ru.

Аннотация. Статья посвящена тестированию различных подходов к объяснению ротаций глав российских регионов после возвращения прямых губернаторских выборов. Вплоть до недавнего времени среди российских политологов наибольшей популярностью пользовались две базовые объяснительные модели губернаторских ротаций — электоральная и социально-экономическая. Влияние на такие ротации неформальных институтов и практик, играющих существенную роль в российской политике, по большей части оставалось вне поля зрения исследователей, да и сегодня изучено довольно слабо. В связи с этим авторы концентрируют внимание на выявлении возможной роли данного фактора, задействуя в этих целях аппарат сетевого и регрессионного анализа.

Отталкиваясь от концепции патрональной политики Генри Хейла, авторы операционализируют неформальные практики как патрон-клиентские отношения, предполагающие объединение федеральных политических и экономических акторов (патронов) и глав регионов (клиентов) в патрональную сеть, позиция в которой потенциально способна влиять на политическую устойчивость. В качестве ключевого показателя, отражающего вес главы региона в патрональной сети, использован индекс центральности, рассчитанный на основе уникальной авторской базы данных, охватывающей всех занимавших пост губернатора в период с 2012 по 2021 г., а также связанных с ними федеральных деятелей.

Проведенный авторами регрессионный анализ факторов ротаций губернаторского корпуса свидетельствует о высокой объяснительной силе сетевой модели: вхождение губернатора в патрональную сеть и его близость к ключевым (центральным) акторам данной сети снижают вероятность отставки. При этом сохраняют свою значимость и альтернативные объяснительные модели (электоральная и социально-экономическая), а также персональные характеристики губернаторов (возраст, длительность пребывания в должности, завершение срока полномочий).

Ключевые слова: патрональная политика, патрональная сеть, губернаторы, федеральный центр, сетевой анализ

**Электоральная
эффективность
vs. социально-
экономическое
благополучие:
логика
губернаторских
ротаций
в современной
России**

Вопрос о ротации глав регионов как об элементе поддержания политической стабильности в России встал на повестку дня после отмены в 2004 г. прямых губернаторских выборов. Если раньше состав губернаторского корпуса менялся с их помощью, то после указанной реформы на первый план вышли кадровые решения федерального центра. До перехода к модели фактического назначения губернаторов президентом контроль центральной власти над регионами был ограничен, поскольку на выборах далеко не всегда побеждали ее ставленники. Так, даже во время первого президентского срока Владимира Путина (2000—2004 гг.) поддержанные центром политики добились успеха лишь в 60% губернаторских кампаний¹.

¹ *Goode 2007: 374.*

Получив полномочия по назначению губернаторов, федеральная власть, однако, не стала спешить с проведением полномасштабных ротаций, направив основные усилия на изменение системы подотчетности, переориентацию губернаторов на Москву. Поэтому в первые годы после отмены прямых выборов региональных руководителей чаще переназначали, чем отправляли в отставку².

² *Алябьева 2007: 14—18.*

Ключевым фактором ротаций в период назначаемых глав субъектов РФ (2005—2012 гг.) выступала электоральная эффективность. Способность губернатора обеспечить высокие результаты «Единой России» на выборах повышала его шансы на переназначение³. Что касается эффективности экономической, то ее роль здесь практически не просматривалась. По заключению Майкла Рохлица и его коллег, экономические показатели не оказывали значимого влияния на судьбу российских губернаторов, что отличало логику кадровой политики России от свойственной Китаю, где, как правило, поощряются главы тех провинций, в которых зафиксирован реальный экономический рост⁴.

³ *Reuter and Robertson 2012.*

⁴ *Rochlitz et al. 2015.*

Подобная ситуация отсылает к концепту «машинной политики» (*machine politics*) как совокупности инструментов электоральной мобилизации в целях удержания политического контроля⁵. В частности, это объясняет, почему главы республик намного чаще сохраняли свои посты, чем руководители других субъектов РФ. Именно в республиках региональные политические режимы демонстрировали максимальный

⁵ *Гельман 2009.*

уровень электоральной управляемости. Более того, это отвечало задаче поддержания институтов этнического федерализма как фактора политической стабильности⁶.

⁶ *Goode 2007: 391.*

Анализ ротаций 2005—2012 гг. выявляет также любопытную закономерность: при высоком уровне консолидации региональных элит в регион обычно назначался местный губернатор, при низком — «варяг»⁷. В связи с этим неудивительно, что мере укрепления политического контроля центра доля «варягов» в губернаторском корпусе увеличивалась, превысив в 2019 г. долю «местных». Одним из следствий такого развития событий стало повышение роли неформальных практик и связей новых глав регионов с федеральными элитными группами⁸.

⁷ *Torikai 2022.*

⁸ *Blakkisrud 2011: 377.*

К концу «нулевых» годов, когда в отставку был отправлен ряд губернаторов-«тяжеловесов», в том числе руководители двух республик с мощнейшими политическими машинами — Минтимер Шаймиев (Татарстан) и Муртаза Рахимов (Башкортостан), которые еще с ельцинских времен считались чуть ли не самыми автономными из региональных лидеров, логика ротаций стала менее очевидной. Закономерно (особенно с учетом возвращения в 2012 г. к прямым выборам глав регионов) встал вопрос: действительно ли электоральная эффективность остается тем предиктором, который способен объяснить все губернаторские ротации? В данном случае выводы исследователей в известной мере расходятся. Так, Руслан Мухаметов не находит связи между вероятностью отставок и электоральными показателями, в отличие от социально-экономических факторов⁹. Сходной точки зрения придерживаются Ростислав Туровский и Елизавета Луизидис. По их заключению, электоральные аргументы сейчас работают лишь применительно к отдельным кадровым решениям. При этом они тоже фиксируют значимость социально-экономической ситуации, отмечая, что «в периоды экономического роста центр обращает внимание на плохой инвестиционный климат и низкую эффективность управления в регионах, а в периоды спада и стагнации — на бедность населения»¹⁰.

⁹ *Мухаметов 2020.*

¹⁰ *Туровский и Луизидис 2022: 175.*

Все это может указывать на смещение фокуса федерального центра от электоральных к экономическим показателям после 2012 г. Но теряют ли полностью электоральные факторы свою значимость? Проведенное Ноем Бакли и Ора Джоном Ройтером исследование демонстрирует, что экономическая неэффективность повышает вероятность отставки скорее вице-губернаторов, курирующих хозяйственный блок, однако опять же в успешных в электоральном плане регионах¹¹. Иными словами, за провалы в экономике лишаются должностей ответственные чиновники регионов с отлаженными политическими машинами, чтобы экономическая нестабильность не подорвала электоральную эффективность на наиболее лояльных федеральному центру территориях. Более того, находятся эмпирические подтверждения тому, что электоральная эффективность (причем для выборов всех уровней — региональных, думских, президентских) и сегодня является значимым предиктором ротации губернаторов (наряду с такими экономически-

¹¹ *Buckley and Reuter 2019.*

¹² Reuter and Turovsky 2021.

ми показателями, как уровень безработицы, налоговые поступления и инвестиции)¹².

Тем самым дискуссия относительно ключевых механизмов отставок и назначений глав российских регионов сохраняет свою актуальность. Помимо методологических различий, расхождения в оценках могут объясняться несовпадением временных рамок анализа, из которого могут выпадать важные электоральные события (например, президентские выборы 2018 г.) и периоды социально-экономических флуктуаций.

При всем том нельзя отрицать, что кадровая политика в отношении глав регионов эволюционирует. Об этом свидетельствуют как волны ротаций, так и резкое увеличение в губернаторском корпусе доли «варягов». Но новые кадровые стратегии требуют и нового взгляда на проблему, поиска новой (дополнительной) объясняющей рамки губернаторских ротаций. Как представляется, ключ к решению этой задачи может лежать в плоскости неформальных институтов и практик, составляющих важную часть российской политики¹³.

¹³ Гельман 2009.

Патронаж как альтернативная объяснительная модель ротаций губернаторов после 2012 г.

¹⁴ Напомним, что, несмотря на выборность, отстранение губернаторов от должности осталось прерогативой президента.

После возвращения прямых выборов глав регионов основания кадровой политики федерального центра усложнились. Необходимость прохождения претендентов на губернаторский пост через электоральные процедуры потребовала учета не только особенностей регионального политического режима, но и предпочтений избирателей. Возникла ситуация двойной подотчетности, когда губернатор одновременно зависит и от Москвы¹⁴, и от поддержки граждан. Как ни парадоксально, но одним из ответов федерального центра на этот вызов оказалась все большая ставка на «варягов» даже в консолидированных региональных режимах. Так, в 2017 г. главой Дагестана стал Владимир Васильев, прежде никак не связанный с регионом. Впервые в истории «варяги» возглавили целый ряд крупных и стратегически значимых регионов, в том числе Новосибирскую, Омскую и Челябинскую области. Стремясь подчеркнуть меритократическую природу ротаций, федеральный центр даже ввел термин «губернатор-технократ», призванный акцентировать особый профессиональный бэкграунд новоиспеченных глав регионов, их нацеленность на деполитизированное решение социально-экономических задач¹⁵.

¹⁵ Кынев 2019.

Переход к данной стратегии рекрутинга во многом объяснялся необходимостью решения принципал-агентской проблемы. Губернаторы «варяги», как правило, связаны с различными федеральными группами влияния, что увеличивает их зависимость от покровительства со стороны таких групп, тем самым снижая стимулы к вступлению в коалицию с местными элитами¹⁶. Как следствие, губернаторы все чаще становятся de facto территориальными представителями федеральной власти¹⁷. Помимо прочего, это выражается в изменении карьерных траекторий глав регионов — после 2012 г. существенно выросло число перемещений

¹⁶ Klimovich 2023.

¹⁷ Starodubtsev 2020.

между федеральным и региональным уровнями власти как в плане рекрутинга губернаторов, так и с точки зрения их места работы после отставки, что повысило значимость политического патронажа¹⁸.

¹⁸ *Semenova 2022: 13–15.*

По мере интенсификации губернаторских замен после 2016 г., когда на должность куратора внутренней политики в Администрации президента (АП) был назначен Сергей Кириенко, дихотомия «местный — „варяг“» все больше утрачивает роль относительно точной шкалы для оценки ротаций. Во многих регионах одни «варяги» уже успели смениться другими. В такой ситуации простая дихотомизация происхождения региональных руководителей едва ли в состоянии объяснить всю сложность кадровой политики. В связи с этим и возникает потребность во включении в анализ губернаторских отставок неформальных факторов кадровых ротаций, что в свою очередь требует релевантных теоретических рамок.

Весьма полезной в этом плане представляется концепция Генри Хейла, который характеризует постсоветские политические режимы как патрональные, где неформальные связи между акторами составляют основу политического взаимодействия. В режимах такого типа социальное равновесие устанавливается не посредством абстрактных категорий вроде идеологии, а через эксклюзивные личные аффилиации, основанные на распределении политической ренты и санкциях. Конкуренция за влияние тут выражается в борьбе между патрональными сетями¹⁹, что превращает патронаж в необходимое условие достижения политического успеха²⁰.

¹⁹ *Hale 2014: 9–10.*

²⁰ *Hale 2017.*

Попытки использовать концепцию Хейла при изучении губернаторских отставок уже предпринимались. И здесь прежде всего стоит упомянуть исследование Евгения Иванова и Николая Петрова, предложивших рассматривать в качестве предиктора ротации региональных руководителей патронаж со стороны федеральных элит²¹. В своем анализе авторы опирались, в частности, на рейтинг губернаторов «Госссовет 2.0», где ключевым критерием устойчивости главы региона выступает встроенность в патрональные сети «Политбюро 2.0»²². Суть аналитической модели «Политбюро 2.0» — описание российской элиты как конгломерата групп влияния, ведущих борьбу за политические и экономические ресурсы²³. Понятно, что в подобных условиях губернаторы должны быть ставленниками какой-либо патрон-клиентской сети. Однако эмпирической проверки данной гипотезы в работе Иванова и Петрова представлено не было.

²¹ *Ivanov and Petrov 2021.*

²² *Рейтинг губернаторов «Госссовет 2.0» и аналитическая модель политической элиты России «Политбюро 2.0» разработаны Евгением Минченко и Кириллом Петровым.*

²³ *Большое правительство 2012.*

В дальнейшем методология рейтинга «Госссовет 2.0», включая адекватность экспертных оценок встроенности губернаторов в патрональные сети «Политбюро 2.0», была протестирована посредством регрессионного анализа. Его результаты говорят о том, что патронаж со стороны федеральных элит (входящих в состав «Политбюро 2.0») существенно повышает вероятность как переназначения/переизбрания главы региона, так и дальнейшего его продвижения по карьерной лестнице на федеральном уровне²⁴.

²⁴ *Баландин 2022.*

Альтернативная методика оценки включенности губернаторов в федеральные сети, задействованная в составляемом Агентством политических и экономических коммуникаций (АПЭК) рейтинге влияния глав регионов, была подвергнута эмпирической проверке Туровским и Луизидис, которым удалось установить, что влияние губернаторов на федеральном уровне является значимым предиктором ротации²⁵. Проблема, однако, в том, что и рейтинг «Госсовет 2.0», и рейтинг АПЭК базируются на экспертных заключениях. Отсюда — угроза смещения метрик патронажа в силу субъективных причин, тем более что влияние как таковое не всегда равно патронажу.

²⁵ Туровский и Луизидис 2022.

В связи с этим более перспективным с точки зрения операционализации патрон-клиентских отношений нам представляется сетевой анализ (Social Network Analysis — SNA), предполагающий измерение различных метрик центральности акторов, что открывает возможность количественной оценки их влияния в сети²⁶. Данный метод уже продемонстрировал свой высокий эвристический потенциал как в рамках изучения российской политической элиты в целом²⁷, так и при анализе особенностей взаимодействия групп влияния на субнациональном уровне²⁸. В свое время использование SNA позволило нам выявить возрастающую роль президента РФ в рекрутинге региональных элит, а также доминирующие патрон-клиентские сети, в которые вовлечены губернаторы²⁹. Тем не менее в качестве предиктора ротаций в статистических моделях метрики сетевого анализа еще не использовались. В настоящей статье мы попытаемся исправить это упущение, эмпирически протестировав возможную роль этих метрик как фактора отставок и переназначений российских губернаторов.

²⁶ Freeman 1978.

²⁷ Иванов, Мельников и Петров 2022.

²⁸ Garifullina, Kazantsev, and Yakovlev 2020.

²⁹ Гайворонский и Баландин 2022.

Дизайн сетевого анализа

Методика идентификации федерально-региональных патрональных сетей была подробно изложена нами в одной из предыдущих работ³⁰, поэтому ограничимся кратким ее описанием. Для операционализации патронажа в отношении губернаторов использовался сетевой анализ — SNA. Сама патрональная сеть (обозначаемая термином «граф») рассматривалась как состоящая из узлов (акторов — губернаторов и представителей федеральной элиты) и граней (связей между узлами).

³⁰ Там же.

Прежде чем приступить к выявлению аффилиаций глав регионов, требовалось определить круг лиц, способных выступать в роли патронов по отношению к региональным руководителям. При решении этой задачи мы ориентировались на формально-институциональные позиции акторов, используя в качестве источника информации биографические данные (почерпнутые из официальных биографий, опубликованных на сайтах органов власти и бизнес-компаний, базы данных Международного центра изучения институтов и развития НИУ ВШЭ и энциклопедии биографий «Персона ТАСС»), публикации в СМИ, аналитические доклады «Госсовет 2.0» и «Политбюро 2.0», а также — в отдельных случаях — монографию Виталия Иванова³¹.

³¹ Иванов 2023.

К позициям, потенциально позволяющим претендовать на роль патрона, были отнесены руководящие должности:

- в АП (не ниже главы управления);
- в правительстве, а также в подведомственных правительству или президенту федеральных органах исполнительной власти (ФОИВ) (не ниже заместителя федерального министра или руководителя ФОИВ);
- в Федеральном Собрании РФ (не ниже главы комитета);
- в государственных корпорациях (не ниже заместителя руководителя);
- в крупнейших частных компаниях (не ниже председателя совета директоров или правления);
- в парламентских партиях (лидер партии, а применительно к «Единой России» — и одна из высших партийных должностей).

Помимо деятелей федерального уровня, в число потенциальных патронов были включены губернаторы, занимающие свой пост не менее 10 лет. Вследствие длительного пребывания в должности у таких губернаторов вполне могут быть экс-заместители, достигшие губернаторских позиций. Весьма показателен в этом плане случай мэра Москвы Сергея Собянина, бывшие заместители которого возглавляли Пермский край (Максим Решетников) и Тюменскую область (Владимир Якушев).

³² Hale 2017.

В целях выявления патрон-клиентских связей была задействована классификация Хейла³², предполагающая следующие базовые основания для идентификации таковых:

- *общее место работы* (связь фиксировалась, если глава региона не менее года находился в непосредственном подчинении некоего высокопоставленного актора);
- *общее место рождения или карьеры*;
- *одновременное обучение в одном и том же университете*;
- *родственные отношения*;
- *дружба*.

При формировании базы аффилиаций применялся принцип снежного кома, когда включение в граф новых федеральных и региональных акторов подразумевало установление посреднических связей между новыми узлами сети. При этом в сеть включались только акторы, так или иначе связанные с главами регионов. Связи между деятелями федерального уровня, никак не аффилированными с губернаторами, не учитывались.

Для измерения влияния губернаторов и их аффилиаций использовалась одна из базовых для сетевого анализа метрик центральности — степень близости (closeness centrality), фиксирующая среднюю длину всех кратчайших расстояний от изучаемого узла до остальных узлов сети, что позволяет учитывать не только прямые, но и опосредованные связи между акторами. Данная метрика отражает коммуникативную мощность акторов, их способность быстро распространять

информацию и вести трансакции с иными участниками сети, а тем самым — их значимость при формировании патрон-клиентских сетей.

Подсчет метрик центральности осуществлялся на основе сформированной нами уникальной базы данных, охватывающей всех занимавших пост губернатора в период с 2012 по 2021 г., а также связанных с ними федеральных акторов. Ввиду динамичности ротации элит метрики рассчитывались для каждого года наблюдения. Учитывались также перемещения персоналий, причем не только отставки патронов, автоматически лишаящие их клиентов-губернаторов покровительства, но и продвижения по карьерной лестнице бывших подчиненных губернатора, что могло повысить его центральность. В целом патронаж крайне устойчив к эндогенным факторам, поскольку социальный капитал губернаторов имеет ретроспективную природу: прочные связи чаще всего формируются на начальном этапе карьеры, а значит, во многом экзогенны. Да, со временем связи могут ослабевать, превращаться из дружеских в конфронтационные, но данное обстоятельство следует рассматривать как естественное ограничение сетевого анализа. В измерениях всегда присутствуют погрешности, однако при существенных искажениях переменная просто окажется незначимой в рамках регрессионного анализа. Кроме того, полученные метрики можно валидировать с помощью расчета корреляций с другими индексами, например с индексом влияния по АПЭК, — в случае их адекватности эти корреляции должны быть средними по плотности (в понятие влияния эксперты могут вкладывать разные смыслы) и положительными (чем выше метрика центральности, тем выше влияние).

Все расчеты метрик центральности были выполнены в Gephi.

Патрональные сети и губернаторы

³³ Визуализацию двух из этих графов (за 2017 и 2021 гг.) см. Гайворонский и Баландин 2022: 163—164.

Разумеется, в рамках одной статьи невозможно отразить всю совокупность результатов сетевого анализа, в частности визуализировать все 10 графов федерально-региональных патрональных сетей за 2012—2021 гг.³³ Поэтому ограничимся описанием метрики центральности губернаторов, на которую, как уже отмечалось, был сделан упор в настоящем исследовании и которая в дальнейшем будет подвергнута регрессионному анализу.

Как видно из *табл. 1*, среднее значение индекса центральности губернаторов в рассматриваемый период постепенно возрастало: если в 2012 г. оно составляло 0,42, то к 2021 г. — уже 0,65. Вместе с тем необходимо учитывать, что после смены в АП в 2016 г. куратора внутренней политики (Кириенко вместо Вячеслава Володина) характер ротаций заметно изменился, одним из проявлений чего стало последовательное снижение числа губернаторов, не имеющих биографических пересечений с политическими и экономическими акторами федерального уровня (с 35 в 2017 г. до 11 в 2021 г.). При исключении из расчетов нулевых показателей центральности (то есть глав регионов, находящихся вне федерального патронажа) обнаруживается, что средний уровень значимо-

Таблица 1 Индекс центральности глав регионов

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Среднее значение индекса центральности губернаторов (max=1)	0,42	0,41	0,43	0,42	0,43	0,44	0,50	0,54	0,62	0,65
Число губернаторов с нулевой центральностью (вне федерального патронажа)	35	37	35	35	35	35	25	21	13	11
Среднее значение индекса центральности губернаторов без учета нулевых значений (max=1)	0,73	0,74	0,75	0,74	0,75	0,78	0,72	0,73	0,74	0,75
Корреляция между индексом центральности и рейтингом влияния АПЭК (ранговая по Спирмену)	0,22*	0,36*	0,25*	0,12	0,32*	0,28*	0,29*	0,45*	0,30*	0,44*

* — корреляция значима ($\alpha < 0,1$)

сти (центральности) губернаторов в анализируемых сетях остался практически прежним. Это может объясняться тем, что наиболее успешные в политическом отношении губернаторы поднимаются по карьерной лестнице, переходя на федеральный уровень (Алексей Гордеев, Александр Ткачев, Якушев и др.), тогда как слабые политически и управленчески становятся первыми кандидатами на смещение с должности. В результате губернаторский корпус представляет собой классическую «школу политика» со своими возможностями и рисками.

Проведенный анализ свидетельствует о наличии значимых корреляций между индексом центральности и рейтингом влияния АПЭК. Это дает основания утверждать, что построенные модели патрональных сетей отражают политическую реальность и в целом валидны с точки зрения поставленных задач измерения, что позволяет перейти к тестированию гипотезы о влиянии патронажа на ротации в губернаторском корпусе.

Дизайн тестирования

Проверка того, действительно ли включенность в федерально-региональную патрональную сеть, а также позиция в ней оказывают значимое влияние на вероятность отставки губернаторов, осуществлялась посредством регрессионного анализа. Ввиду дихотомичности зависимой переменной (либо отставка — «1», либо сохранение поста — «0») выбор был сделан в пользу логистической регрессии. В связи с тем что пространственно-временной характер собранных данных (регион-год) требует учета при моделировании соответствующих эффектов, рассчитывались кластеризованные стандартные ошибки при коэффициентах средних предельных эффектов, где набор данных по региону i представлял собой отдельный кластер. Для контроля темпорального аспекта использовались фиксированные эффекты по годам³⁴.

³⁴ Данные коэффициенты, выполняющие по большей части техническую функцию, в таблицы не включались.

При кодировании бинарной зависимой переменной принималась во внимание дальнейшая карьерная траектория бывших губернаторов. В случае если в течение года после отставки экс-глава региона получал руководящую должность в органах федеральной власти или в государственной корпорации (как, например, Андрей Турчак, после завершения губернаторской карьеры в Псковской области ставший заместителем, а затем первым заместителем председателя Совета Федерации и секретарем Генерального совета «Единой России»), переменная кодировалась как «0». Смерти действующих губернаторов в качестве ротаций не рассматривались.

Гипотеза тестировалась во временном интервале с 2012 по 2021 г. включительно. Таким образом, исследование охватывает все (на момент его проведения) губернаторские ротации после возвращения прямых выборов глав регионов.

Блок ключевых независимых переменных включал в себя два базовых показателя патронажа, что обусловлено той трансформацией, которую претерпели в исследуемое десятилетие патрональные сети, эво-

люционировавшие в сторону расширения. Если на первом этапе, когда около 40% губернаторов не имели федеральных патронов, оптимальной являлась бинарная переменная, то после 2017 г. все более релевантной становится индексная оценка (большинство глав регионов включены в патрональную сеть, но занимают в ней разные позиции). И поскольку деление на периоды сопряжено с серьезными проблемами (логистические модели требуют значительного количества наблюдений — сотен и даже тысяч), мы сочли рациональным использовать несколько индикаторов для проверки устойчивости получаемых результатов.

Первая переменная — «*патронаж*» — фиксирует сам факт включенности главы региона в федерально-региональную патрональную сеть («1» — включен, «0» — нет). Вторая — «*центральность в патрональной сети*» — отражает степень важности губернатора с точки зрения его «близости» к некоей ключевой фигуре в российской элите, что на практике определяется вхождением в наиболее влиятельные федеральные сети под патронажем политического «тяжеловеса».

В качестве дополнительного измерительного инструмента использовался комбинированный индекс «*центральность + влияние*», основанный на сочетании позиционного и репутационного подходов к определению властного ресурса политического актора³⁵. Репутационная составляющая измерялась с помощью рейтинга влияния глав регионов АПЭК (который тоже был включен в анализ в виде отдельной переменной). Так как ротации происходят в течение года, значения рейтинга брались по состоянию на январь. Индекс «*центральность + влияние*» рассчитывался как взвешенное среднее арифметическое индексов центральности и влияния по АПЭК. В целом функция комбинированного индекса состоит в компенсации повышенного числа нулей в выборке вследствие неприсоединения ряда губернаторов к федеральным патрональным сетям. И хотя для логистических моделей подобная ситуация не является критической, подключение индекса влияния глав регионов представляется полезным как минимум в том плане, что в некоторых исследованиях он рассматривается как своеобразный прокси патронажа, пусть и не измеряющий его напрямую³⁶.

Для удобства интерпретации в рамках регрессионного анализа индекс центральности, а также комбинированный индекс «*центральность + влияние*» были представлены в виде 10-балльных шкал (при увеличении индекса на 1 балл вероятность отставки снижается на N %).

В ходе исследования тестировались также две альтернативные гипотезы, связывающие ротации губернаторов с их способностью обеспечивать (а) электоральную лояльность населения и (б) социально-экономическое развитие подведомственных территорий. В первом случае в модели включались такие переменные, как доля голосов, полученных «Единой Россией» по спискам на выборах в Государственную Думу (% *ЕР, ГД*) и региональные законодательные собрания (% *ЕР, региональные*), а также результат Путина на президентских выборах (% *Путин*). Проблема, однако, в том, что, как справедливо отмечают Ройтер

³⁵ Ледаев 2010.

³⁶ Туровский и Луизидис 2022.

³⁷ Reuter and Turovsky 2021.

и Туровский, в зависимости от региона один и тот же электоральный результат может трактоваться федеральным центром и как успех, и как провал³⁷. Если, скажем, для Новосибирской области 55% голосов за «Единую Россию» — хороший результат, то для Татарстана — скорее неудовлетворительный. Для контроля указанной особенности нами использовались две переменные — «доля русского этноса (%)» и результат «Единой России» на выборах в Госдуму 2003 г. (% *ЕР 2003, ГД*). Первая переменная отражает специфику электорального поведения в республиках, вторая — базовый уровень лояльности, сложившийся до отмены выборов глав регионов, то есть до формирования практики оценивания губернаторов федеральным центром по электоральным показателям.

Ввиду отсутствия в научной литературе консенсуса относительно влияния на губернаторские ротации как социально-экономической ситуации в регионе в принципе, так и отдельных ее составляющих список социально-экономических переменных оказался довольно длинным. Чтобы охватить различные аспекты эволюции этой ситуации как сферы ответственности губернатора, были задействованы:

- базовые макроэкономические показатели — логарифм валового регионального продукта на душу населения (*ВРП на душу населения, log*) и его динамика (*динамика log ВРП на душу населения, в % к предыдущему году*); логарифм инвестиций в основной капитал без бюджетных инвестиций (*инвестиции, log*) и его динамика (*динамика log инвестиций*);
- базовые социальные показатели — уровень безработицы (*безработица, %*) и его динамика (*динамика безработицы*);
- показатели уровня жизни — уровень бедности (*бедность, %*) и его динамика (*динамика бедности*); среднемесячная начисленная заработная плата, нормированная по прожиточному минимуму в регионе (*зарплаты*), и ее динамика (*динамика зарплат*); средний размер назначенных пенсий, нормированный по прожиточному минимуму в регионе (*пенсии*), и его динамика (*динамика пенсий*).

С целью контроля инфляции в модели был также включен индекс потребительских цен (*инфляция, %*). Кроме того, учитывался такой показатель, как *доля городского населения*.

Практика губернаторских ротаций, а также уже проводившиеся исследования дают основания полагать, что вероятность ротации может зависеть от *возраста* главы региона, длительности его *пребывания в должности* и времени *окончания срока полномочий*. В связи с этим мы использовали соответствующие переменные в качестве контрольных. Длительность пребывания в должности главы региона измерялась в годах. Переменная «окончание срока полномочий» для наблюдения «регион-год» кодировалась как «1», если губернатор был переизбран либо решение о его отставке было принято менее чем за год до окончания полномочий.

Тестирование гипотезы проводилось в два этапа. На первом основные тестируемые переменные сравнивались с параметрами гипотезы об определяющей роли электоральной эффективности, на втором — с параметрами гипотезы о ключевом значении эффективности экономической.

Результаты анализа

Патронаж и электоральная эффективность. Регрессионные модели демонстрируют высокую значимость всех трех переменных, отражающих включенность губернатора в федерально-региональные патронажные сети и его положение в них (см. табл. 2). Например,

Таблица 2 Факторы ротации губернаторов: патронаж и электоральная эффективность³⁸

³⁸ Зависимая переменная — отставка главы региона в год *t*. Фиксированные эффекты по переменной «год» включены в модели.

Переменная	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Патронаж (дамми)	0,173*** (0,027)		
Центральность в патронажной сети		-0,020*** (0,003)	
Центральность + влияние			-0,040*** (0,005)
% ЕР, ГД	-0,003* (0,002)		
% Путин		-0,004* (0,002)	
% ЕР, региональные			-0,002** (0,001)
%ЕР 2003, ГД	0,002 (0,002)	0,002 (0,001)	0,001 (0,001)
Доля русского этноса	0,000 (0,001)	0,001 (0,001)	0,001 (0,001)
Возраст	0,004** (0,002)	0,001 (0,001)	0,003** (0,001)
Пребывание в должности, лет	0,006** (0,003)	0,006*** (0,002)	0,006** (0,002)
Окончание срока полномочий	0,202*** (0,024)	0,171*** (0,020)	0,168*** (0,019)
N	528	528	528

* — коэффициент значим на уровне $\alpha=0,1$; ** — коэффициент значим на уровне $\alpha=0,05$; *** — коэффициент значим на уровне $\alpha=0,01$

наличие у главы региона федерального патрона снижает вероятность отставки на 17,3% (модель 1). Схожий результат дает и показатель центральности губернатора в федеральной-региональной сети, причем здесь мы имеем возможность оценить градационный эффект влияния этого фактора. Так, при увеличении индекса на 1 балл вероятность ротации снижается на 2% (модель 2). Следовательно, у включенного в сеть губернатора даже со средними значениями индекса риск потери должности заметно ниже, чем у тех, кто находится вне системы федерального патронажа (что предполагает нулевую центральность).

Аналогичным образом обстоит дело и с комбинированным индексом центральности и влияния. В данном случае средний предельный эффект увеличения индекса на 1 пункт (при равном значении прочих переменных — электоральных и контрольных) составляет 4% (модель 3).

Находит подтверждение и альтернативная гипотеза, связывающая отставки / сохранение в должности глав регионов с их электоральной эффективностью: все три тестируемые электоральные переменные — поддержка «Единой России» на федеральных и региональных выборах и Путина на президентских — оказались значимыми. При этом бросается в глаза более высокий уровень значимости электорального результата «партии власти» на субнациональном уровне ($\alpha=0,1$ vs. $\alpha=0,05$) — на фоне меньшей выраженности влияния этой переменной. По-видимому, это объясняется повышенной межрегиональной волатильностью на федеральных выборах в сравнении с региональными. В известной мере это технический аспект, однако он важен при решении вопроса о том, какую из электоральных переменных задействовать в качестве контрольной на следующем этапе анализа.

В свою очередь различия в степени влияния на ротации выборов разного типа выглядят закономерными, отражая уровень внимания к этим выборам со стороны федерального центра. Так, наибольшее влияние в этом плане демонстрирует голосование за Путина на президентских выборах (-0,4% к вероятности отставки за каждый дополнительный процент голосов при прочих равных условиях), затем идут результаты «Единой России» на думских выборах (-0,3%) и только затем — поддержка «партии власти» на выборах в региональные ассамблеи (-0,2%).

Контрольные переменные, касающиеся персональных характеристик губернатора, тоже в целом подтвердили свою значимость. И длительность пребывания на посту, и близость окончания срока полномочий повышают вероятность отставки, что проявляется во всех трех моделях. Во многом это относится и к возрасту, хотя в одном случае (модель 2) данная переменная оказалась незначимой. Примечательно, что возраст утрачивает значимость именно при учете результатов президентских выборов как наиболее важного из показателей электоральной эффективности.

Патронаж и социально-экономическое благополучие. Как видно из *табл. 3*, где представлены результаты регрессионных моделей с различными комбинациями социально-экономических переменных, при включении в анализ таких переменных индикаторы патронажа по-прежнему ощутимо влияют на вероятность ротаций. При этом значения коэффициентов средних предельных эффектов существенно не меняются.

Наряду с показателем центральности губернаторов в федерально-региональной патронажной сети в этой части анализа в качестве отдельной переменной использовался индекс влияния АПЭК (модель 4). Как и в упоминавшемся выше исследовании Туровского и Луизидис³⁹, переменная подтвердила свою значимость. Более того, по степени влиятельности она даже несколько превосходит центральность (2,6% против 2,0% при увеличении индексов на 1 балл). В чем же тогда преимущество метрик сетевого анализа? Ответ на этот вопрос дает сопоставление уровней значимости (по *табл. 3*) и доверительных интервалов (см. *рис. 1*) соответствующих переменных: в случае центральности

³⁹ Туровский и Луизидис 2022.

⁴⁰ Вертикальные линии — 95% доверительный интервал.

Рисунок 1 Предельные эффекты факторов патронажа и влияния (на основе моделей 1–4 *табл. 3*)⁴⁰

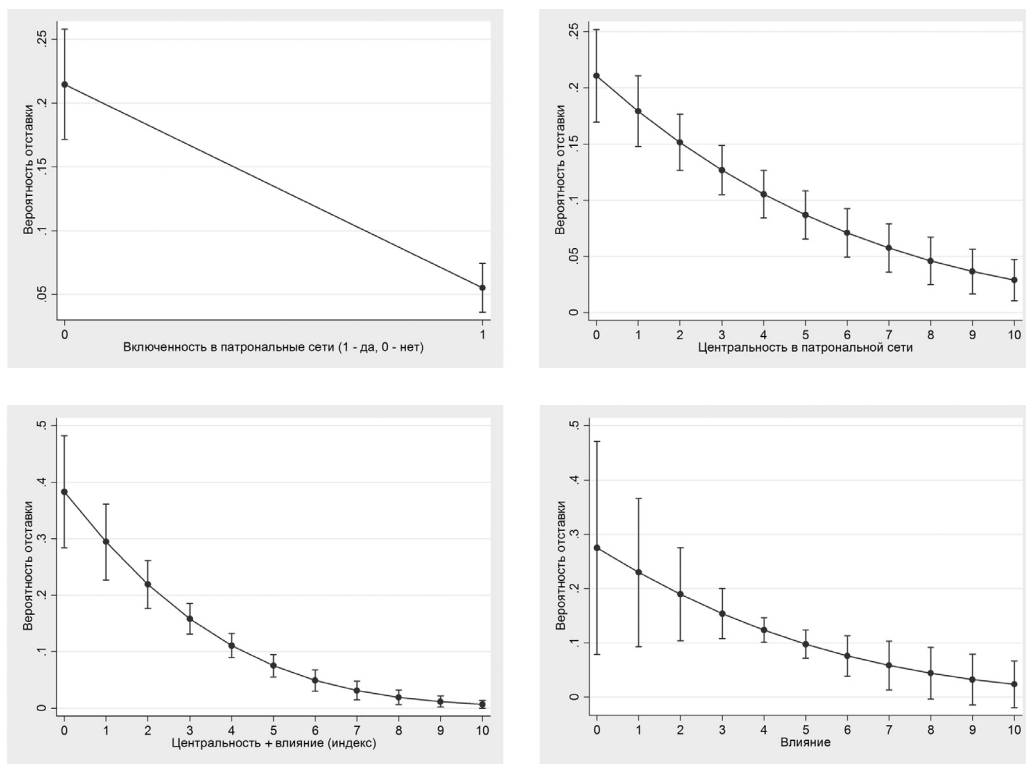

Таблица 3 Факторы ротаций губернаторов: патронаж и социально-экономическая ситуация в регионе⁴¹

⁴¹ Зависимая переменная — отставка главы региона в год *t*. Фиксированные эффекты по переменной «год» включены в модели. Социально-экономические показатели взяты с лагом в 1 год.

Переменная	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6
Патронаж (дамми)	-0,151*** (0,023)					
Центральность в патрональной сети		-0,020*** (0,003)		-0,020*** (0,003)		-0,021*** (0,003)
Центральность + влияние			-0,040*** (0,005)		-0,040*** (0,006)	
Влияние				-0,026** (0,012)		
ВРП на душу населения (<i>log</i>)	-0,019 (0,023)					
Динамика <i>log</i> ВРП на душу населения, в % к предыдущему году	0,000 (0,002)					
Бедность, %		0,002 (0,002)				
Динамика бедности (разность)		0,030** (0,014)				
Безработица, %			0,004 (0,003)			

Динамика безработицы (разность)					0,006 (0,011)				
Инвестиции, <i>log</i>								-0,011 (0,016)	
Динамика <i>log</i> инвестиций								-0,006 (0,009)	
Пенсии									-0,021 (0,090)
Динамика пенсий									-0,508** (0,211)
Зарплаты									-0,012 (0,020)
Динамика зарплат									-0,461* (0,264)
Инфляция, %									-0,006 (0,012)
Доля городского населения									0,001 (0,001)
% ЕР, региональные									-0,002** (0,001)
Возраст									0,003** (0,002)
Пребывание в должности, лет									0,006** (0,003)
Окончание срока полномочий									0,177*** (0,019)
N									631
									634
									632
									630
									558
									630
									634

* — коэффициент значим на уровне $\alpha=0,1$; ** — коэффициент значим на уровне $\alpha=0,05$; *** — коэффициент значим на уровне $\alpha=0,01$

сти значимость показателя выше, а доверительные интервалы меньше. Это говорит о том, что в прогностическом отношении показатель центральности более продуктивен. Обратим внимание, каким громадным может быть разброс оценок при низких значениях индекса влияния. Метрика сетевого анализа, как и базовый (по сути качественный) показатель включенности губернаторов в патрональную сеть, дает более стабильные результаты.

Что касается социально-экономических факторов, то, согласно анализу, на первый план здесь выходят показатели уровня жизни: уровень бедности, заработных плат и пенсий за год, предшествующий отставке. Значимыми оказались именно динамические версии, что в целом логично. При том что макроэкономические показатели не всегда напрямую зависят от деятельности губернатора и его команды, динамика социально-экономической ситуации в регионе все же более чувствительна к проводимому там экономическому курсу, чем «статика», то есть базовый уровень развития в сравнении с другими регионами. Значимость же показателей уровня жизни, по-видимому, объясняется тем пристальным вниманием, которое уделяет федеральный центр реализации государственной социальной политики, ставшей частью так называемых майских указов президента РФ.

* * *

Таким образом, анализ факторов ротаций губернаторского корпуса показывает, что сетевая логика патрональной политики обладает высокой объяснительной силой. При этом значимыми оказываются как сам факт вхождения губернатора в патрональную сеть, так и его позиция в системе патрон-клиентских отношений. Чем ближе глава региона к ключевым (центральным) акторам такой сети, тем ниже вероятность отставки.

Примечательно, что данная закономерность отнюдь не отрицает результатов предшествующих исследований: свою важность сохраняют как электоральные, так и часть социально-экономических факторов.

Безусловно, предложенный подход не лишен изъянов и может быть усовершенствован. Вместе с тем уже в своем нынешнем виде он позволяет верифицировать идеи и гипотезы, которые так или иначе находились в последние годы в центре научных и экспертных дискуссий. Представляется, что сетевой анализ российской элиты имеет значительный потенциал.

Библиография

Алябьева Е.С. (2007) «Реформа системы формирования корпуса глав регионов: первые итоги» // *Власть*, № 9: 14–18. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Vlast/2007/09/Reforma%20sistemi.pdf> (проверено 01.05.2023).

Баландин Ю.А. (2022) «Патронаж как ключевой предиктор ротации губернаторов: факторы устойчивости глав регионов России после возвращения губернаторских выборов в 2012 г.» // *Вестник Пермского университета. Политология*, т. 16, № 4: 73—84. URL: <https://press.psu.ru/index.php/polit/article/view/6014/4206> (проверено 01.05.2023).

«Большое правительство Владимира Путина и „Политбюро 2.0“». (2012) // *Минченко консалтинг*, 21.08. URL: https://minchenko.ru/analitika/analitika_27.html (проверено 01.05.2023).

Гайворонский Ю.О. и Ю.А.Баландин. (2022) «Рекрутирование губернаторского корпуса в современной России: эволюция патрональных сетей (2017—2021)» // *Полития*, № 4 (107): 146—167. URL: [http://polit-eia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-4\(107\)-Pages-001-208-146-167.pdf](http://polit-eia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-4(107)-Pages-001-208-146-167.pdf) (проверено 01.05.2023).

Гельман В.Я. (2009) «Динамика субнационального авторитаризма (Россия в сравнительной перспективе)» // *Общественные науки и современность*, № 3: 50—63.

Иванов Е.А., К.В.Мельников и Н.В.Петров. (2022) «Неформальная структура элитного пространства России (Опыт сетевого анализа)» // *Полития*, № 1 (104): 72—91. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-1\(104\)-72-91.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-1(104)-72-91.pdf) (проверено 01.05.2023).

Иванов В.В. (2023) *Глава субъекта Российской Федерации: Историческое, юридическое и политическое исследование (История губернаторов)*. М.: Гнозис.

Кынев А.В. (2019) «Феномен губернаторов-„варягов“ как индикатор рецентрализации (Опыт 1991—2018 гг.)» // *Полития*, № 2 (93): 125—150. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-2\(93\)-125-150.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-2(93)-125-150.pdf) (проверено 01.05.2023).

Ледяев В.Г. (2010) «Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования» // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, № 2: 23—51.

Мухаметов Р.С. (2020) «Кремль и переизбрание губернаторов: факторы поддержки» // *Полития*, № 4 (99): 137—152. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-4\(99\)-137-152.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-4(99)-137-152.pdf) (проверено 01.05.2023).

Туровский Р.Ф. и Е.М.Луизидис. (2022) «Факторы губернаторских отставок в России» // *Полис. Политические исследования*, № 4: 161—178. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2022/4/Polis-2022-4-Turovsky.pdf> (проверено 01.05.2023).

Blakkisrud H. (2011) «Medvedev's New Governors» // *Europe-Asia Studies*, vol. 63, no. 3: 367—395.

Buckley N. and O.Reuter. (2019) «Performance Incentives under Autocracy: Evidence from Russia's Regions» // *Comparative Politics*, vol. 51, no. 2: 239—266.

Freeman L. (1978) «Centrality in Social Networks: Conceptual Clarification» // *Social Networks*, vol. 1, no. 3: 215—239.

Garifullina G., K.Kazantcev, and A.Yakovlev. (2020) «United We Stand: the Effects of Subnational Elite Structure on Succession in Two Russian Regions» // *Post-Soviet Affairs*, vol. 36, no. 5–6: 475–494.

Goode J.P. (2007) «The Puzzle of Putin's Gubernatorial Appointments» // *Europe-Asia Studies*, vol. 59, no. 3: 365–399.

Hale H.E. (2014) *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. New York: Cambridge University Press.

Hale H.E. (2017) «Russian Patronal Politics Beyond Putin» // *Daedalus*, vol. 146, no. 2: 30–40. URL: https://www.amacad.org/sites/default/files/daedalus/downloads/17_Spring_Daedalus.pdf (accessed on 01.05.2023).

Ivanov Ye. and N.Petrov. (2021) «Transition to a New Model of Russian Governors' Appointments as a Reflection of Regime Transformation» // *Russian Politics*, vol. 6, no. 2: 153–184.

Klimovich S. (2023) «Mind the Gap between the Governor and the People: The Common Agency Problem in Russian Authoritarian Federalism» // *Publius: The Journal of Federalism*, vol. 53, no. 2: 301–324.

Reuter O. and R.Turovsky. (2021) «Vote Mobilization, Economic Performance and Gubernatorial Appointments in Russia» // *Russian Politics*, vol. 7, no. 2: 183–209.

Reuter O. and G.Robertson. (2012) «Subnational Appointments in Authoritarian Regimes: Evidence from Russian Gubernatorial Appointments» // *The Journal of Politics*, vol. 74, no. 4: 1023–1037.

Rochlitz M., V.Kulpina, T.Remington, and A.Yakovlev. (2015) «Performance Incentives and Economic Growth: Regional Officials in Russia and China» // *Eurasian Geography and Economics*, vol. 56, no. 4: 421–445.

Semenova E. (2022) «The Patterns of Political Career Movements in the Russian Federation: the Case of Regional Governors, 1991–2021» // *Regional and Federal Studies*, 1–37. URL: https://www.researchgate.net/publication/366848865_The_patterns_of_political_career_movements_in_the_Russian_Federation_the_case_of_regional_governors_1991-2021 (accessed on 01.05.2023).

Starodubtsev A. (2020) «Russia (Russian Federation) Autonomy for a Very Few Constituent Units» // Griffiths A., R.Chattopadhyay, J.Light, and C.Stieren, eds. *The Forum of Federations Handbook of Federal Countries*. London: Palgrave Macmillan: 287–299.

Torikai M. (2022) *Subnational Cadre Rotations for Centralization: Different Appointment Patterns of Outsider and Local Governors in Russia*. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4037903 (accessed on 01.05.2023).

Yu.A.Balandin, Yu.O.Gaivoronsky
PATRONAL POLITICS
AND TURNOVERS OF REGIONAL
GOVERNORS IN RUSSIA
EVIDENCE FROM SOCIAL
NETWORK ANALYSIS

Yulian A. Balandin — Ph.D. Student; Lecturer at the School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, HSE University. Email: balandin.yulian@gmail.com.

Yury O. Gaivoronsky — Ph.D. in Political Science; Associate Professor at the School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, HSE University. Email: guyvoronskiy@hse.ru.

Abstract. The article is devoted to testing different approaches to explaining the turnover of the heads of the Russian regions after the return of direct gubernatorial elections. Until recently, two basic explanatory models of gubernatorial turnovers — electoral and socio-economic — were the most popular among the Russian political scientists. The influence on such turnovers of informal institutions and practices, which play a significant role in Russian politics, largely remained outside of view of researchers, and even today it is rather understudied. Therefore, the authors focus on identifying the possible role of this factor, employing network and regression analysis for this purpose.

Based on the Henry Hale’s concept of patronal politics, the authors operationalize informal practices as patron-client relations, which implies unification of federal political and economic actors (patrons) and heads of regions (clients) into a patronal network, the position in which is potentially capable of influencing political stability. To measure a key indicator that reflects the weight of the head of the region in the patronal network, the authors make use of the centrality index that they calculated on the basis of their unique database, which covers all individuals who held the post of a governor from 2012 to 2021, as well as federal actors associated with them.

The authors’ regression analysis of the factors that influence governors’ turnover testifies to the high explanatory power of the network model: the governor’s presence within the patronal network and his proximity to the key (central) actors of this network reduce the likelihood of resignation. At the

same time, alternative explanatory models (electoral and socio-economic), as well as personal characteristics of governors (age, length of tenure, end of term at the office) retain their significance.

Keywords: patronal politics, patronal network, governors, federal center, Social Network Analysis

References

- Alyab'eva E.S. (2007) "Reforma sistemy formirovaniya korpusa glav regionov: pervye itogi" [Reform of the System of Formation of the Heads of Regions Corps: First Results] // *Vlast'* [The Authority], no. 9: 14–18. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Vlast/2007/09/Reforma%20sistemi.pdf> (accessed on 01.05.2023). (In Russ.)
- Balandin Yu.A. (2022) "Patronazh kak kljuchevoj prediktor rotatsii gubernatorov: faktory ustojchivosti glav regionov Rossii posle vozvrashchenija gubernatorskikh vyborov v 2012 g." [Patronage as a Key Predictor of Governor's Rotation: Factors of Stability of the Heads of Russian Regions after the Return of the Governor's Elections in 2012] // *Vestnik Permskogo universiteta. Politologija* [Perm University Herald. Political Science], vol. 16, no. 4: 73–84. URL: <https://press.psu.ru/index.php/polit/article/view/6014/4206> (accessed on 01.05.2023). (In Russ.)
- Blakkisrud H. (2011) "Medvedev's New Governors" // *Europe-Asia Studies*, vol. 63, no. 3: 367–395.
- "Bol'shoe pravitel'stvo Vladimira Putina i „Politburo 2.0“". (2012) // *Minchenko Consulting*, 21.08. URL: https://minchenko.ru/analitika/analitika_27.html (accessed on 01.05.2023). (In Russ.)
- Buckley N. and O.Reuter. (2019) "Performance Incentives under Autocracy: Evidence from Russia's Regions" // *Comparative Politics*, vol. 51, no. 2: 239–266.
- Freeman L. (1978) "Centrality in Social Networks: Conceptual Clarification" // *Social Networks*, vol. 1, no. 3: 215–239.
- Gaivoronsky Yu.O. and Yu.A.Balandin. (2022) "Rekrutirovanie gubernatorskogo korpusa v sovremennoj Rossii: evoljutsija patronal'nykh setej (2017–2021)" [Recruitment of the Governor's Corps in Contemporary Russia: Evolution of Patronal Networks (2017–2021)] // *Politeia*, no. 4 (107): 146–167. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-4\(107\)-Pages-001-208-146-167.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-4(107)-Pages-001-208-146-167.pdf) (accessed on 01.05.2023). (In Russ.)
- Garifullina G., K.Kazantcev, and A.Yakovlev. (2020) "United We Stand: the Effects of Subnational Elite Structure on Succession in Two Russian Regions" // *Post-Soviet Affairs*, vol. 36, no. 5–6: 475–494.
- Gel'man V.Ya. (2009) "Dinamika subnatsional'nogo avtoritarizma (Rossija v sravnitel'noj perspektive)" [The Dynamics of Subnational Authoritarianism (Russia in Comparative Perspective)] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no. 3: 50–63. (In Russ.)

Goode J.P. (2007) “The Puzzle of Putin’s Gubernatorial Appointments” // *Europe-Asia Studies*, vol. 59, no. 3: 365—399.

Hale H.E. (2014) *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. New York: Cambridge University Press.

Hale H.E. (2017) “Russian Patronal Politics Beyond Putin” // *Daedalus*, vol. 146, no. 2: 30—40. URL: https://www.amacad.org/sites/default/files/daedalus/downloads/17_Spring_Daedalus.pdf (accessed on 01.05.2023).

Ivanov E.A., K.V.Melnikov, and N.V.Petrov. (2022) “Neformal’naja struktura elitnogo prostranstva Rossii (Opyt setevogo analiza)” [Informal Structure of Elite Space in Russia (Evidence from Network Analysis)] // *Politeia*, no. 1 (104): 72—91. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-1\(104\)-72-91.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-1(104)-72-91.pdf) (accessed on 01.05.2023). (In Russ.)

Ivanov V.V. (2023) *Glava sub’ekta Rossijskoj Federatsii: Istoricheskoe, juridicheskoe i politicheskoe issledovanie (Istorija gubernatorov)* [Head of the Subject of the Russian Federation: Historical, Legal, and Political Study (History of Governors)]. Moscow: Gnozis. (In Russ.)

Ivanov Ye. and N.Petrov. (2021) “Transition to a New Model of Russian Governors’ Appointments as a Reflection of Regime Transformation” // *Russian Politics*, vol. 6, no. 2: 153—184.

Klimovich S. (2023) “Mind the Gap between the Governor and the People: The Common Agency Problem in Russian Authoritarian Federalism” // *Publius: The Journal of Federalism*, vol. 53, no. 2: 301—324.

Kynev A.V. (2019) “Fenomen gubernatorov-„varjagov“ kak indikator retsentralizatsii (Opyt 1991—2018 gg.)” [Phenomenon of Governors-“Outsiders” as Indicator of Recentralization (Experience of 1991—2018 Years)] // *Politeia*, no. 2 (93): 125—150. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-2\(93\)-125-150.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-2(93)-125-150.pdf) (accessed on 01.05.2023). (In Russ.)

Ledyayev V.G. (2010) “Izuchenie vlasti v gorodskikh soobshchestvakh: osnovnye etapy i modeli issledovaniya” [The Study of Power in Urban Communities: The Main Stages and Models of Research] // *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul’ture* [NZ: Debates on Politics and Culture], no. 2: 23—51. (In Russ.)

Mukhametov R.S. (2020) “Kreml’ i pereizbranie gubernatorov: faktory podderzhki” [Kremlin and Governors’ Re-election: Support Factors] // *Politeia*, no. 4 (99): 137—152. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-4\(99\)-137-152.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-4(99)-137-152.pdf) (accessed on 01.05.2023). (In Russ.)

Reuter O. and G.Robertson. (2012) “Subnational Appointments in Authoritarian Regimes: Evidence from Russian Gubernatorial Appointments” // *The Journal of Politics*, vol. 74, no. 4: 1023—1037.

Reuter O. and R.Turovsky. (2021) “Vote Mobilization, Economic Performance and Gubernatorial Appointments in Russia” // *Russian Politics*, vol. 7, no. 2: 183—209.

Rochlitz M., V.Kulpina, T.Remington, and A.Yakovlev. (2015) “Performance Incentives and Economic Growth: Regional Officials in Russia and China” // *Eurasian Geography and Economics*, vol. 56, no. 4: 421—445.

Semenova E. (2022) “The Patterns of Political Career Movements in the Russian Federation: the Case of Regional Governors, 1991–2021” // *Regional and Federal Studies*, 1–37. URL: https://www.researchgate.net/publication/366848865_The_patterns_of_political_career_movements_in_the_Russian_Federation_the_case_of_regional_governors_1991-2021 (accessed on 01.05.2023).

Starodubtsev A. (2020) “Russia (Russian Federation) Autonomy for a Very Few Constituent Units” // Griffiths A., R.Chattopadhyay, J.Light, and C.Stieren, eds. *The Forum of Federations Handbook of Federal Countries*. London: Palgrave Macmillan: 287–299.

Torikai M. (2022) *Subnational Cadre Rotations for Centralization: Different Appointment Patterns of Outsider and Local Governors in Russia*. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4037903 (accessed on 01.05.2023).

Turovsky R.F. and E.M.Luizidis. (2022) “Faktory gubernatorskikh otstavok v Rossii” [Exploring the Causes of Gubernatorial Resignations in Russia] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 4: 161–178. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2022/4/Polis-2022-4-Turovsky.pdf> (accessed on 01.05.2023). (In Russ.)

полития

¹ Исследование проводится при поддержке факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

О.Ю.Малинова
ПАМЯТЬ О 90-х
КАК РЕСУРС АДАПТАЦИИ
К НОВОМУ КРИЗИСУ:
АНАЛИЗ ДИСКУРСОВ
РОССИЙСКИХ СМИ¹

Ольга Юрьевна Малинова — доктор философских наук, профессор департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник ИНИОН РАН. Для связи с автором: omalinova@hse.ru.

Аннотация. Статья посвящена проблеме функционирования памяти в качестве символического ресурса для адаптации к кризису как ситуации повышенной неопределенности. Предметом анализа являются публичные практики артикуляции памяти о начальном периоде постсоветской трансформации в контексте обсуждения социальных и экономических проблем, возникших в России в связи с началом специальной военной операции, объявленной президентом Владимиром Путиным 24 февраля 2022 г., и последовавшим беспрецедентным расширением международных санкций. Исследование опирается на теорию фреймов памяти Ивоны Ирвин-Зарецки. Через выделение типичных способов фреймирования опыта 90-х в медийном дискурсе в первые шесть месяцев после 24 февраля 2022 г. автор пытается определить, каким образом этот опыт связывался с текущими проблемами, и тем самым выявить роль памяти в адаптации к новому кризису. Материалом для анализа служат публикации печатных и электронных медиа, ориентирующихся на разные читательские аудитории. Для выявления способов фреймирования упоминаний о 90-х использован качественный контент-анализ с применением приложения MAXQDA.

Результаты исследования подтверждают, что в ситуации неопределенности, обусловленной вынужденной перестройкой экономических отношений, социальных ожиданий и политического целеполагания, память о коллективном травматическом опыте выступает в качестве ресурса адаптации, что сопряжено с частичной трансформацией поддерживающего ее смыслового каркаса. При этом идеологические расколы, связанные с памятью о 90-х, сохраняются и продолжают определять структуру публичного дискурса о прошлом.

Ключевые слова: фреймы памяти, фреймирование, девяностые, адаптация к кризису, публичный дискурс

Хотя кризисы различной природы и длительности не редкость в жизни современных обществ, их наступление всякий раз вызывает социальный шок. Ведь кризис — это состояние высокой неопределенности, когда привычные средства достижения целей становятся неадекватными и люди вынуждены искать новые стратегии, не имея надежных ориентиров. Может ли память о прошлых кризисах служить ресурсом для адаптации к последующим? И в какой мере актуализация такой памяти в новом контексте сопряжена с ее трансформацией? В настоящей статье я пытаюсь ответить на эти вопросы, исследуя публичные практики обращения к памяти о начальном периоде постсоветской трансформации в 1990-х годах в контексте обсуждения социальных и экономических проблем, возникших в России в первые месяцы специальной военной операции (СВО), объявленной президентом Владимиром Путиным 24 февраля 2022 г. Хотя экономисты и социологи отсчитывают текущий кризис с 2014 г.², в российском публичном дискурсе именно начало СВО, обусловленные ею беспрецедентные международные санкции, уход с российского рынка ряда глобальных компаний, нарушение налаженных технологических и логистических связей, рост эмиграции и т.п. стали интерпретироваться как обстоятельства, создающие уровень неопределенности, сопоставимый с той, что старшим поколениям россиян довелось пережить в 1990-е годы.

² Радаев (ред.)
2023: 5—7.

Говоря об этом времени, часто используют клише «лихие девяностые». Эта речевая привычка указывает на то, что данный период ассоциируется преимущественно с экономическими и социальными трудностями, туманностью жизненных перспектив, ростом насилия, развалом государства и иными негативными явлениями. Опрос Левада-Центра*, проведенный в марте 2020 г., демонстрирует, что 30 лет спустя 62% опрошенных полагают, что 90-е годы принесли стране больше плохого, чем хорошего. Иначе считают 19%, столько же затрудняются с ответом. Правда, результаты заметно варьируют в зависимости от возраста: если среди респондентов в возрасте 18—36 лет ответ «больше плохого» выбрали 53%, «больше хорошего» — 24%, затруднились с ответом 23%, то среди участников старше 60 лет — 70, 16 и 15% соответственно³. Несомненно, такое восприятие 90-х годов отражает жизненный опыт миллионов людей. Однако наряду с тяготами реформ были и новые возможности, которыми так или иначе смогли воспользоваться многие: в 90-х годах кардинально изменилась ситуация на потребительском рынке, открылись перспективы для предпринимательства в коммерческой и некоммерческой сферах, высшее образование стало массовым, появились не только новые стимулы, но и условия для внутренней и внешней мобильности, происходила революция в области средств коммуникации и др. Результаты упомянутого опроса Левада-Центра*, в ко-

³ Гребень
и Агеева 2020.

тором были и открытые вопросы, предлагавшие вспомнить хорошее и плохое, свидетельствуют о том, что негативные аспекты начального периода постсоветской трансформации закрепились в общественном сознании более прочно, нежели позитивные.

Согласно теориям социальной памяти, объяснение подобной избирательности следует искать в том, как опыт 90-х описывался и трактовался в медиа, политической риторике, кинематографе, массовой культуре и других сферах производства смыслов. Память и забвение имеют не только физиологические, но и социальные основания. Личный опыт, откладываясь в воспоминаниях, вписывается в смысловые конструкции, усваиваемые индивидами через дискурсы, которые они потребляют и производят⁴. Применительно к памяти о начальном периоде постсоветской трансформации это предположение подкрепляется исследованиями различных дискурсов и коммуникативных практик. Анализ риторики преемников Бориса Ельцина на посту президента России показывает, что противопоставление «лихих 90-х» «стабильности» путинского периода стало фундаментальным компонентом официального легитимирующего нарратива⁵. Критика политики 90-х играет важную роль в репрезентации политических идентичностей коммунистов и национал-патриотов⁶, а обсуждение того, что тогда было сделано правильно и что неправильно, — предмет непрекращающихся споров в лагере либералов⁷. Негативный образ 90-х активно конструировался художественными и документальными фильмами, телевизионными ток-шоу⁸ и распространялся в социальных медиа⁹. Все это указывает на то, что личные воспоминания россиян, связанные с негативными аспектами опыта 90-х, находили более весомую поддержку в публичном дискурсе.

Однако память живет в постоянно меняющемся контексте, и правомерно предположить, что в ситуации неопределенности, обусловленной вынужденной перестройкой экономических отношений, социальных ожиданий и политического целеполагания, она будет выступать в качестве источника возможных стратегий преодоления кризиса, что может быть сопряжено с трансформацией сложившегося смыслового каркаса. Цель настоящей статьи — проверить справедливость этого предположения путем анализа практик использования памяти о 90-х в медийном дискурсе.

⁴ Halbwachs 1992; Irwin-Zarecka 1994; Olick 2007; Ассман 2014 и др.

⁵ Малинова 2018; Sharafutdinova 2020, 2022; Malinova 2021.

⁶ Малинова 2020.

⁷ Малинова 2019.

⁸ Sharafutdinova 2020.

⁹ Мерзлякова 2019; Утехин 2021; Makhortukh 2021.

**Теоретическая
рамка
и методология
исследования**

В основу исследования положена теория фреймов памяти (frames of remembrance). По мысли ее автора, социолога культуры Ивонны Ирвин-Зарецкой, «чтобы понимать, как работает коллективная память, мы не должны ограничиваться изучением превратностей исторического знания или нарративов. В первую очередь нужно изучать конструирование нашей эмоциональной и моральной вовлеченности в прошлое. Применительно к публичному дискурсу это означает задаваться вопросами о том, каким образом прошлое имеет значение»¹⁰. В качестве ин-

¹⁰ Irwin-Zarecka 1994: 7.

¹¹ Goffman 1974.

струмента такого анализа Ирвин-Зарецка предлагает понятие фреймов, введенное Ирвингом Гофманом¹¹. Коль скоро практики интерпретации задаются шаблонами, на основе которых мы определяем конкретную ситуацию (фреймами), изучение способов фреймирования определенных аспектов прошлого в публичных дискурсах открывает путь к постижению того, *каким образом это прошлое имеет значение* в настоящем. Через выявление меняющихся конфигураций фреймов, используемых участниками публичного дискурса, этот подход дает возможность проследить динамику коллективной памяти.

Материалом для изучения фреймирования опыта 90-х в новом контексте послужили публикации печатных и электронных медиа, ориентированных на разные читательские аудитории. В условиях кризиса традиционные медиа не только информируют о текущих событиях, формируя общественное мнение, но и выступают в качестве арен, на которых уточняется образ вероятного будущего и рассматриваются возможные стратегии поведения в новых обстоятельствах. Анализ публикаций, авторы которых, рассуждая о настоящем и будущем, вспоминают опыт 90-х, позволяет выявить, *каким образом он имеет значение* в новом контексте. Разумеется, наблюдения, полученные в результате анализа традиционных медиа, будет полезно в дальнейшем проверить и дополнить исследованиями других арен публичного дискурса, в частности социальных сетей.

Поиск текстов производился в коллекции «Центральная пресса России» на платформе EastView и в базе данных Integrum по ключевым словам «девяност*», «90*», «199*». Хронологические рамки анализа ограничены первыми шестью месяцами после 24 февраля 2022 г., когда было непонятно, сможет ли российская экономика удержаться на плаву под напором международных санкций, и страх перед предполагаемым экономическим коллапсом усугублял ситуацию неопределенности. Для исследования были отобраны публикации федеральных изданий, которые условно можно разделить на четыре группы: 1) издания без однозначного идеологического профиля, адресованные массовой аудитории («Московский комсомолец» (МК), «Аргументы и факты» (АиФ), «Комсомольская правда» (КП), «Труд»); 2) издания без однозначного идеологического профиля, адресованные образованной аудитории («Коммерсантъ», Независимая газета (НГ), «Известия», «Эксперт», «Профиль»); 3) издания, имеющие выраженный антилиберальный/антизападнический профиль («Литературная газета» (ЛГ), «Завтра», «Советская Россия»); 4) издания, имеющие выраженный либеральный/западнический профиль («Republic/Slon»**, Новая газета)¹². Такая композиция выборки позволила проследить не только общие паттерны актуализации памяти о 90-х, но и специфические тенденции, характерные для идеологических полюсов, которые применительно к изучаемому дискурсу определяются водоразделом «западничество — антизападничество». После 24 февраля 2022 г. большинство изданий, относящихся к четвертой группе, оказались заблокированы по распоряжению Рос-

¹² Группировка изданий опирается на результаты настоящего исследования и является типологией *ad hoc*.

¹³ Песков сообщил
2022.

комнадзора, однако некоторые из них продолжили работу и доступны с использованием VPN (что, по признанию представителей власти, на сегодняшний день не является нелегальной практикой¹³). Для получения более полной картины в выборку были включены два издания этой группы, представленные в базах данных, в которых осуществлялся поиск материалов (в случае Новой газеты публикации доступны по 28 марта 2022 г., когда по решению редакции выпуск газеты был приостановлен). Этого, конечно, мало для полноценного анализа соответствующего идеологического сегмента, но вполне достаточно для фиксации некоторых специфических для него сюжетов, что важно с точки зрения общей оценки трансформации памяти о 90-х. Подавляющую часть выборки, сформированной на основе поиска по указанным выше ключевым словам, составили публикации изданий из двух первых групп (218 из 305). Изученные материалы относятся к разным жанрам: среди них есть и оперативно-информационные тексты, и тексты, сосредоточенные на комментариях и анализе текущих событий (авторская публицистика, редакционные колонки, интервью с экспертами). Многочисленные обращения к памяти о 90-х в текстах разных жанров, адресованных разным аудиториям, могут рассматриваться как подтверждение общего тренда на ее *актуализацию*, то есть артикуляцию и потенциальное переосмысление в новом контексте.

Для выявления способов фреймирования упоминаний о 90-х был проведен качественный контент-анализ с применением приложения MAXQDA. Кодирование проходило в два этапа. На первом этапе индуктивным путем определялись основные способы репрезентации связей между *тогда* и *теперь*, что дало возможность выделить наиболее популярные способы фреймирования памяти о 90-х при обсуждении проблем, сопряженных с новым кризисом. Они составили итоговый список кодов (см. *табл. 1 Приложения*), который на втором этапе был использован для повторного кодирования всего массива текстов. Анализ употребления выделенных фреймов позволяет понять, *каким образом память о 90-х имеет значение* для адаптации к новому кризису, а также обнаружить некоторые изменения в способах ее репрезентации в публичных дискурсах. В следующих разделах статьи обсуждаются наблюдения, касающиеся наиболее распространенных способов фреймирования и их представленности в выделенных группах изданий.

Назад, в 90-е?

Проблемы, обусловленные беспрецедентным расширением международных санкций после 24 февраля 2022 г., у многих участников публичного дискурса вызывали аналогии с экономическими трудностями, связанными с реформами правительства Егора Гайдара. Как писала газета «Труд», «похоже, гоголевская птица-тройка не несется в неведомую даль, а бежит по кругу. И сейчас она прискакала в те самые 90-е, от которых мы так долго и старательно отгребали»¹⁴. Пер-

¹⁴ Соболев и Журин
2022.

спектива «возвращения в 90-е» активно обсуждалась в медиа. Эксперты утверждали, что кризис 2022 г. «по своей сути... ближе всего к трансформационному кризису, пережитому российской экономикой в 90-е годы, когда речь шла не только о макроэкономических шоках, но прежде всего о тотальном разрыве экономических связей»¹⁵. Журналисты сопоставляли уровень инфляции и спад ВВП с показателями 90-х. А интервьюируемые ими граждане рассуждали, удастся ли превратить закрывающиеся кинотеатры в мебельные салоны, как в 90-х¹⁶, стоит ли планировать бизнес на пиратском контенте¹⁷ и возродится ли практика кражи автомобилей на запчасти¹⁸. Память о кризисе 90-х насыщала конкретными образами ожидания, отсылающие к наихудшим сценариям.

Вместе с тем в опыте прошлых кризисов искали рецепты решения нынешних проблем. Эксперты строили прогнозы, основываясь на паттернах экономического поведения, сформировавшихся в 90-х¹⁹. Полосы газет, рассчитанных на массовую аудиторию, заполняли статьи, напоминавшие, как со схожими проблемами справлялись *тогда*. МК и «Труд» систематически публиковали очерки про возвращение былых практик и интервью с представителями «забытых профессий», делившимися опытом выживания в 90-х, — бывшими челноками, уличными торговцами, перегонщиками автомобилей, контрабандистами, мастерами по ремонту, специализировавшимися на восстановлении подержанных запчастей и т.п. Особенно бурно обсуждалось возобновление челночного бизнеса, который был массовым занятием в 90-х, а позже, с развитием торговых сетей, сошел на нет. В нем усматривали аналог «параллельного импорта», который власти вынуждены были частично разрешить в качестве меры по обходу санкций. Необходимость «вынимать из кладовок клетчатые баулы необъятных размеров, этот символ 90-х» не вызывала большого энтузиазма, ведь «эпоха клетчатых сумок, казалось, закончилась навсегда»²⁰. «В Благовещенске и Екатеринбурге даже поставили памятники челнокам. Поторопились»²¹, — с грустью констатировал «Труд». Очерки и интервью, напоминавшие о прошлой жизни, воспроизводили стереотипный образ 90-х как экстремально трудного времени, в которое не хотелось возвращаться, но при этом наполняли его живыми деталями, делая менее негативным. Воспоминания о некогда пережитых и преодоленных трудностях помогали сформировать горизонт ожиданий для планирования будущего.

Фрейм воспоминания 90-х по принципу дежавю мог использоваться как в пессимистической (*неужели снова?*), так и в оптимистической (*справились тогда — справимся и сейчас*) модальности. Полученные в прошлом навыки «решения проблем», ведения бизнеса в условиях высокой инфляции, восстановления нарушенных производственных цепочек, «изобретения схем» для оптимизации банковских операций придавали уверенность в своих силах. Воспоминания о былом нередко завершались чем-то вроде: «Ничего, пережили девяностые — переживем

¹⁵ Озерова 2022, высказывание принадлежит Ростиславу Капелюшникову. Ср. Радаев (ред.) 2023: 5—7.

¹⁶ Павлючик 2022.

¹⁷ Киденис 2022.

¹⁸ В очереди 2022.

¹⁹ Озерова 2022; Гринкевич 2022; Туева 2022; Прокофьев 2022.

²⁰ Хмара 2022.

²¹ Там же.

- ²² Чуйкин 2022. и двадцатые»²². Как выразился собеседник журнала «Эксперт», «один из факторов, почему мы победим к 2030 году: мы все равно пересидим. Одна удивительная особенность у людей, которые проживают на территории Российской Федерации, — это какой-то фатализм и терпимость.
- ²³ Скоробогатый 2022. *Мы пережили девяностые*²³. В оптимистическом варианте рассуждений о «возвращении в 90-е» акцент делался не на былых трудностях и лишениях, а на том, что с ними удалось справиться. В условиях новой нестабильности смысловой конструкт «лихих 90-х», поддерживающий память о коллективной травме²⁴, превращался в элемент обнадеживающего нарратива о преодолении смутного времени.
- ²⁴ Sharafutdinova 2020: 109; Malinova 2022. Впрочем, напоминания об «ужасах 90-х» могли быть и просто эффективным риторическим приемом. Характерный пример — открытое письмо садоводов Владимиру Путину, опубликованное в марте АиФ. Выражая поддержку политике президента, его составители обращали внимание властей на значимость труда «садоводов, цветоводов и владельцев личных подсобных хозяйств» в условиях «западных санкций, направленных на подрыв экономики и сельского хозяйства страны». Символически возвышая трудности постсоветских реформ, авторы письма ставили «сады и огороды, выручавшие нас в лихолетье 90-х годов XX века», в один ряд с «блокадными огородами прямо на Исаакиевской площади». Вместе с тем, заявляя о готовности и дальше вносить свою лепту в национальную продовольственную безопасность, садоводы не стеснялись напомнить о «проблемах, не решаемых годами»²⁵. Таким образом, трудный опыт 90-х служил аргументом, обосновывающим запрос на государственную поддержку в обмен на патриотическую лояльность.
- ²⁵ Открытое письмо 2022. О «возвращении в 90-е» (как правило, с вопросительным знаком) особенно много писали издания, ориентирующиеся на массовую аудиторию. Попавшие в выборку издания коммунистов и национал-патриотов эту тему не педалировали, хотя в отдельных материалах (преимущественно в интервью с читателями) она всплывала. Издания, отнесенные ко второй и четвертой группе, обсуждали перспективу «возвращения в 90-е» главным образом в контексте экспертных прогнозов.
- ²⁶ Malinova 2023. Очевидно, что в условиях кризиса, обозначившегося после 24 февраля 2022 г., легитимирующий нарратив, противопоставлявший «лихие 90-е» «стабильности» путинского периода, оказывался не вполне релевантным. Не случайно в первые месяцы СВО в выступлениях президента РФ было непривычно мало упоминаний о 90-х²⁶. В медиа, относящихся к двум первым из выделенных выше групп, причину утраты «стабильности» единодушно связывали с «западными санкциями». И лишь либеральные/западнические оппозиционные медиа писали о непоследовательности властей, своими действиями обрушивших «стабильность», которую прежде всячески подчеркивали²⁷. Однако и в дискурсах лояльных медиа, особенно в изданиях, ориентированных на массового читателя, подспудно происходило переформатирование памяти об этом периоде. По мере того как утрата «стабильности» становилась
- ²⁷ Карасюк 2022.

осязаемым фактом, память о трудных 90-х превращалась в источник полезного опыта, помогающего адаптироваться к вновь возникающей неопределенности, и даже в основание для оптимизма.

**Сейчас
уже не 90-е...**

Конечно, за годы, прошедшие после распада Советского Союза, многое изменилось. Поэтому при сравнении *тогда* и *теперь* нередко всплывало то обстоятельство, что «вернуться в 90-е», к счастью или к сожалению, невозможно. Так, при обсуждении перспектив возрождения челночного бизнеса выяснялось, что в 90-х он был выгодным из-за слабости государственного контроля. Выражая готовность повторить, бывшие челночники задавали резонный вопрос: «а законы они „откатят“ обратно в девяностые? Потому что если нет — никому возить неинтересно, с пошлинами, налогами и еще чтобы без контрафакта»²⁸. Обнаруживалось, что практики государственного регулирования, введенные в «стабильные» 2000—2010-е годы, препятствуют использованию рецептов, помогавших выживать в 90-х. Неудивительно, что в контексте обсуждения таких рецептов нередко звучали призывы к дерегулированию. Так, в статье, посвященной вызванным санкциями проблемам с оборудованием и реактивами для научных лабораторий, МК приводил слова вице-президента РАН Алексея Хохлова, наминавшего: «Мы проходили это все еще в 90-х годах... У нас тогда вообще не было финансирования, но не было и ограничений». В качестве решения проблемы академик предлагал снять «бюрократические препоны» для взаимодействия с компаниями, показавшими себя с хорошей стороны в предыдущие годы, в частности отменить запрет на 100-процентную предоплату поставок²⁹. О том, что сейчас не может быть как в 90-х, поскольку тогда «государство было очень слабым», «а сейчас оно скорее излишне сильное, и экономика явно страдает от избыточного контроля»³⁰, писали многие.

²⁸ Размахнин 2022.

²⁹ Веденеева 2022.

³⁰ Озерова 2022.
Ср. Киденис 2022.

Фрейм воспоминания 90-х по принципу противопоставления *тогда* и *теперь* использовался в двух модальностях: констатация различий могла вызывать как удовлетворение (*к счастью, уже не 90-е*), так и сожаление (*уввы, уже не 90-е*). Обе модальности данного фрейма можно обнаружить в изданиях всех четырех групп.

Главное позитивное отличие нынешней ситуации от той справедливо усматривали в наличии опыта жизни в условиях рынка. Благодаря ему казалось бы возрождающиеся старые практики выглядели иначе. Так, развивая популярную тему челночной торговли, АиФ уточняли, что параллельный импорт разрешен в отношении товаров, перечисленных в приказе Минпромторга, и завоз товаров, «которые производители отказываются продавать нам напрямую», скорее всего, не будет напоминать былую историю с клетчатými баулами³¹. А МК в репортаже с «оживившихся» стамбульских рынков дезавуировал мнимое дежавю, рассказывая, что «теперь тут почти все профессионалы — владельцы площадей на вещевом рынке на МКАД, закупщики от мага-

³¹ Дуэль 2022.

- ³² Голубицкая 2022. зинов... самоучкам конкурировать с такими невозможно»³². Экономисты утверждали, что ввиду наличия рыночных институтов нынешний кризис должен оказаться «гораздо менее продолжительным и гораздо менее глубоким, чем трансформационный кризис 90-х»³³. Многие надеялись, что «обрушение экономики в сопоставимый по глубине кризис происходит совсем с другой высоты по сравнению с тем, как это было в самом начале 90-х годов прошлого века»³⁴. Впрочем, использование фрейма «сейчас не 90-е» в такой модальности не предполагало распространения позитивной оценки («значит, все было не зря!») на прошлое.

Фреймирование опыта 90-х в логике коллективной травмы оказалось весьма устойчивым. Альтернативный способ фреймирования, о возможности которого Гульназ Шарафутдинова писала применительно к 2000-м годам, — рассматривать наступавшее «экономическое чудо» как закономерный результат преодоленных трудностей³⁵ — так и не сложился. В отобранном для этого исследования массиве текстов нашелся лишь один, где поднималась эта тема, — редакционная статья в НГ, обсуждавшая результаты опроса ВЦИОМ о неравенстве доходов. В статье констатировалось, что спустя 30 лет после начала рыночных реформ россияне «рост благосостояния скорее связывают с интервенциями государства, а не с тем, что механизмы, запущенные в начале 1990-х в экстренном режиме, со временем заработали». Согласно НГ, такое положение вещей объясняется тем, что «доминирующий политический дискурс последних десятилетий и не способствовал второму типу интерпретации: 90-е демонизировались, особенно в том, что касалось социально-экономической сферы»³⁶. Исследования памяти о 90-х подтверждают адекватность этого объяснения.

³⁶ О возвращении социологов 2022.

В тех случаях, когда сравнение *тогда* и *теперь* было в пользу 90-х, различия выделялись по-разному. Эксперты указывали на то, что «кризис 90-х годов шел все-таки в направлении модернизации экономики, устранения структурных дисбалансов и повышения эффективности. А нынешний кризис наверняка будет сопровождаться примитивизацией и архаизацией экономики»³⁷. Обозреватель АиФ Вячеслав Костиков, интерпретируя данные социологических опросов ФОМ, подчеркивал, что «в лихие 90-е агрессии и страхов, несмотря на все материальные трудности, было меньше. Причина в том, что те годы были отмечены и огромным всплеском надежд, позитивных ожиданий»³⁸. В интервью деятелей культуры 90-е нередко характеризовались как время свободы и творческих возможностей. Тему свободы поддерживали и журналисты. В апреле, на фоне волны обусловленных СВО ограничений СМИ, МК опубликовал статью Саида Бицоева в защиту свободы прессы. Доказывая, что «пресса является помощником власти», Бицоев апеллировал к 90-м, «когда газеты выходили миллионными тиражами и назывались уважительно четвертой властью»³⁹. Он вспоминал, как однажды в редакцию «Известий» трижды за день приезжал Борис Березовский, пытаясь отговорить главного редактора Игоря Голембиовского от публикации

³⁷ Озерова 2022.

³⁸ Костиков 2022.

³⁹ Бицоев 2022.

критического в отношении него материала. Но Голембиовский отказался встречаться с могущественным олигархом, и на следующий день статья вышла в свет, вызвав сенсацию. По-видимому, пример для демонстрации эффекта «четвертой власти» был выбран не случайно: борьба с олигархами была в свое время (в 2000-е годы) частью путинского политического курса.

Таким образом, фрейм «сейчас не 90-е» в одних случаях служил основанием для оптимизма в отношении перспектив нынешнего кризиса (если хотели подчеркнуть преимущества «сейчас»), а в других — отражал ностальгию по былым временам. Любопытно, что ностальгическую версию данного фрейма можно обнаружить даже в изданиях, имеющих выраженный антилиберальный/антизападнический профиль. Довольно показательна в этом плане рецензия Алексея Шорохова на российские фильмы о Донбассе в газете «Завтра». Сетую на отсутствие у этих фильмов широкой аудитории, Шорохов проводил параллель с малобюджетной картиной Алексея Балабанова «Брат», которая «становится классикой и воистину народным фильмом еще при жизни создателя». Если с нынешними фильмами получилось иначе, полагал он, то именно потому, что, «в отличие от 90-х, которые постсоветским обществом в целом воспринимались как одна большая и непрекращающаяся беда, сегодня мы живем во времена окончательного расщепляющего всесмешения». Вина за сложившуюся ситуацию возлагалась им на «госпропаганду», которая лукавила, утверждая, что «их там нет»: с его точки зрения, это делало события на Донбассе «войной категории Б» (по аналогии с голливудским обозначением фильмов, не предназначенных для массового зрителя)⁴⁰. Это наблюдение не только косвенно подтверждает, что конструирование представления о 90-х как об общей «беде» оказалось успешным благодаря эффектам массовой коммуникации, но и выявляет интегрирующую функцию памяти о разделяемом травматическом опыте, о которой ностальгирует автор рецензии.

⁴⁰ Шорохов 2022.

Конец «длинных 90-х»

Если фреймы, проанализированные выше, предполагали сравнение *теперь* и *тогда* с оценкой обнаруженных сходств и/или различий, то рассматриваемый в данном разделе фрейм заключается в констатации завершения чего-то, связанного с 90-ми, и интерпретации 24 февраля 2022 г. как начала принципиально нового этапа.

Типичный вариант такого фреймирования — публикации, приветствовавшие СВО, которых было особенно много в конце февраля — начале марта. В отсутствие ясности в официальных декларациях о целях начатой военной кампании авторы таких публикаций осмысливали ее в логике привычных нарративов о постсоветском транзите: СВО интерпретировалась как знак того, что «времена национального унижения и позора в девяностых» остались в прошлом, поскольку «Россия, которая десятилетиями отступала и в прямом, и в переносном смысле, снова пе-

⁴¹ *Что может дать Россия 2022.*

реходит в наступление»⁴¹. «Наступление» виделось в бескомпромиссном разрыве с Западом, причем военно-политическая составляющая этого процесса, действительно инициированная Россией, смешивалась с экономической, обусловленной ответными санкциями.

⁴² *См. Малинова 2020.*

Нарратив об отказе от капитуляции перед Западом, якобы имевшей место в 90-х, и прежде был неотъемлемой частью дискурсов коммунистов и национал-патриотов, и рубеж, символизирующий начало «наступления», назначался не раз⁴². Но после 24 февраля 2022 г. рассуждения о «конце капитуляции» получили широкое распространение и в изданиях, ориентирующихся на массовую аудиторию. В закрытии ресторанов «Макдональдс», отъезде за границу Анатолия Чубайса и даже в череде смертей политических деятелей 90-х усматривали свидетельства завершения «длинных 90-х, начавшихся в 1987 г.»⁴³. Как писал МК, комментируя закрытие «Макдональдсов», «наш 35-летний поход по экономической пустыне заканчивается. Некогда... коллективный Гайдар, получив одобрение Ельцина, повел советско-российский народ, ориентируясь на указующий перст невидимой руки рынка, на которой были вытатуированы три буквы — МВФ. Нельзя сказать, что ведомых заранее не предупредили, что не все дойдут до обещанного светлого будущего. Было честно сказано, что по дороге многие „не впишутся в рынок“. Но все решили, что это касается не их, и услышали только то, что хотели услышать: лучше станет уже к осени или весне... Вот мы и приплыли... Пока неизвестно, будет ли лучше нам в новом историческом периоде... Но точно будет иначе»⁴⁴. Примечательно, что в этом нарративе в эпоху экономической зависимости от Запада включался и путинский период. Еще более явственно это следует из другой публикации в той же газете: «Власть... сначала, лет двадцать назад, обменяла у населения гражданские свободы на хоть какую-то стабильность (и сограждан, переживших 90-е, можно понять). Затем, чтобы быстро обеспечить подъем уровня жизни, обменяла технологический суверенитет страны на западные достижения: станки, самолеты, машины, одежду, еду»⁴⁵.

⁴³ *Кротов 2022.*

⁴⁴ *Там же.*

⁴⁵ *Попов 2022.*

В логике нарратива о «конце капитуляции перед Западом» уход с российского рынка зарубежных компаний и вынужденное импортозамещение представлялись несомненным благом.

⁴⁶ *Воронин 2022.*

Издания с выраженной антизападнической и антилиберальной направленностью обсуждали «конец длинных 90-х» с особым восторгом. Международные санкции, ожидаемые последствия которых в других дискурсах питали рассуждения о «возвращении в 90-е», в этом идеологическом сегменте приветствовались как возможность встать наконец на правильный путь. «Эта изоляция, если ее использовать разумно, может реально помочь России отойти от той ущербной монетаристской либеральной модели „роста“, которую ей навязали в 90-е годы»⁴⁶, — утверждалось в «Советской России». В свою очередь передовая газеты «Завтра» спешила выдать желаемое за действительное: «Наши экономисты готовы к созданию новой русской экономики, восстанавливают разгромленные Гайдаром отрасли индустрии»⁴⁷.

⁴⁷ *Проханов 2022.*

В изданиях, отнесенных в настоящем исследовании к другим группам, перспективы, связанные с уходом западных компаний и импортозамещением, оценивались более сдержанно. Память о 90-х, в данном случае — о кризисе 1998 г., актуализировалась в них скорее в логике сравнительных фреймов, обсуждавшихся выше. С одной стороны, комментаторы отмечали, что уход иностранных компаний открывает ниши для российского бизнеса и остается надеяться, что последний воспользуется этой возможностью лучше, чем в конце 1990-х — начале 2000-х годов⁴⁸. С другой — признавали, что «в России просто нет компаний уровня ИКЕА, McDonald's, Volkswagen, Microsoft и т.д. За этими названиями — огромный опыт, специалисты мирового уровня и уникальные разработки, которых у наших компаний пока нет»⁴⁹.

⁴⁸ Поповичев 2022.

⁴⁹ Мазенко 2022.

Фреймирование в логике «конца длинных 90-х» использовалось не только при обсуждении экономики и геополитики. Об «отказе от навязанных стандартов» говорили применительно к сфере образования, деятельности правоохранительных органов, журналистским практикам и др. Не случайно редакция НГ увидела в «ревизии недавнего прошлого» «тренд, который постепенно становится доминирующим»⁵⁰. Как подчеркивалось в редакционной статье, опубликованной в июне 2022 г., «нет ничего утвержденного в постсоветское время, особенно в 90-е годы, что нельзя было бы пересмотреть. Если раньше — и на уровне политического популизма — это касалось пересмотра итогов приватизации, то сейчас это может коснуться и базовых гарантий прав и свобод, и социально-политического устройства, и идеологизации общества, и отмены смертной казни, и принципов внешней политики. Ничто из этого в нынешнее сложное время уже не воспринимается как неприкасаемая ценность, как завоевание страны и ее граждан»⁵¹. Действительно, публикации, рассуждавшие о 90-х в логике перевернутой страницы, встречались во всех выделенных группах изданий. Правда, их тональность зависела от идеологической направленности медиа: если газета «Завтра» приветствовала «конец 90-х», усматривая в событиях, последовавших за началом СВО, окончательную победу антизападничества, то издания из противоположного сегмента с грустью констатировали крах надежд, связанных с демократическим транзитом.

⁵⁰ О репутационных последствиях 2022.

⁵¹ Там же.

Наследие 90-х как проблема

Будучи отправной точкой многих процессов, запущенных распадом СССР и рыночными реформами, 90-е часто всплывают в российском публичном дискурсе в контексте неудовлетворительного состояния тех или иных общественных сфер. Фрейм, рассматриваемый в этом разделе, нельзя назвать специфичным для обсуждения нового кризиса. Однако в ситуации разрыва экономических отношений с западными странами к нему стали прибегать особенно часто.

Расширяющиеся санкции наглядно продемонстрировали отличие российской экономики, встроившейся в глобальный рынок, от советской, где было «все свое — от винтика до гусеничного трактора ДТ-75»⁵². Экс-

⁵² Чуприн 2022.

портные ограничения в отношении российских авиакомпаний заставили вспомнить Гайдара, который, по словам главного конструктора ТУ-204 Олега Алашеева, «тогда сказал, что своя авиация — это дело дорогое и ненужное. Деньги и ресурсы пригодятся для другого, а самолеты мы у „Боинга“ купим»⁵³. Обсуждая трудности вынужденного импортозамещения, припоминали, как в 90-х по тому же принципу разрушили отечественное станкостроение, уничтожили собственный торговый флот, отдали на откуп зарубежным компаниям табачную отрасль, развалили семеноводство и т.п. И даже низкое качество российского телевидения объясняли тем, что «у руля редакций и продюсерских центров стоят люди, пришедшие... в 90-е годы», которые «были одержимы одной задачей: сломать богадельню советского ЦТ и построить машину, приносящую бабло». В итоге, «когда интересы Отечества потребовали от публичных фигур обозначить свою гражданскую позицию, попса дала слабинку»⁵⁴. Атрибуция современных проблем наследию 90-х — прием настолько стереотипный, что его задействовали для критики даже тех явлений, которые в действительности возникли позже, — например, присоединения к Болонской системе, случившегося в 2003 г. Такой способ фреймирования памяти о 90-х использовался во всех выделенных группах изданий.

⁵³ Угланов и Алашеев 2022.

⁵⁴ Беднов 2022.

**Искоренение
«пятой колонны»
как наследия
90-х**

С точки зрения репрезентации связи между *тогда* и *теперь* тема борьбы с либеральной «пятой колонной», которая традиционно играет важную роль в дискурсах коммунистов и национал-патриотов⁵⁵, может быть выделена в самостоятельный способ фреймирования 90-х. В логике фреймов, проанализированных в предыдущих разделах, рассуждения о пагубном наследии 90-х ограничиваются атрибуцией вины за нынешние проблемы политикам, принимавшим неверные решения *тогда*. В случае же высказываний о «пятой колонне» ответственность возлагается на современников, объявляемых продолжателями «дела 90-х». Тем самым 90-е как бы продолжаются, поскольку длится начавшийся тогда конфликт. Единственным способом его завершения и изменения ситуации к лучшему провозглашается искоренение «пятой колонны».

⁵⁵ Малинова 2020.

После 24 февраля идея реванша в отношении «прозападных элементов», занимающих ведущие позиции в самых разных сферах общественной жизни, распространилась далеко за рамки того идеологического сегмента, в котором тема «пятой колонны» традиционно была популярной. О том, что «война выявляет роль элит и приведет к неминуемому их очищению» и санации «предателей, засевших в банках, корпорациях, государственных учреждениях, в шоу-бизнесе, в театрах»⁵⁶, писала не только газета «Завтра». МК предлагал «вымести из университетских коридоров и аудиторий» «всю эту заразу, вечно призывающую извиняться, насаждающую комплекс вины и неполноценности»⁵⁷. ЛГ уверяла, что «глубоко внедренные агенты влияния — либералы»,

⁵⁶ Проханов 2022.

⁵⁷ Попов 2022.

⁵⁸ Орлов 2022. контролирующие культуру, образование и экономику, мешают нам «отстаивать свои нравственные и культурные ценности»⁵⁸. Материалы, призывавшие к чистке не только политической, но и экономической, образовательной, культурной элиты от «прозападных» элементов, можно обнаружить во всех изданиях — естественно, кроме либеральных/западнических.

Помимо людей в министерских креслах или на университетских кафедрах, объектами подобных инвектив становились и немногочисленные институции, поддерживающие позитивную память о 90-х. Так, комментируя закрытие «Мемориала», Андрей Фурсов призывал сделать то же самое с «Горбачев-фондом» и «Ельцин-центром»: «Вот когда эти фонд и центр будут закрыты, когда перестанут проводить форум имени человека, угробившего в 1990-е нашу экономику, а институт его имени — Гайдара — закроют, вот тогда для меня это будет знак реального поворота к возрождению исторической России»⁵⁹. В том же духе ЛГ предлагала создать в «Ельцин-центре» Музей предательства России и «разместить там документы, рассказывающие о том, как „прогрессивные“ деятели предавали и продавали нашу страну на протяжении нескольких веков»⁶⁰.

⁵⁹ Титов 2022.

⁶⁰ Орлов 2022.

⁶¹ Kubik and Bernhard 2014: 12.

Таким образом, фрейм «искоренения пятой колонны» относится не только к политике, но и к памяти. Приверженцы этой идеи выступают как мнемонические воители, стремящиеся любой ценой «заставить других принять отстаиваемое ими „истинное“ видение прошлого»⁶¹. Для антизападнического/антилиберального идеологического сегмента подобная позиция была характерна и прежде, однако в условиях беспрецедентного ухудшения отношений с «коллективным Западом» шансы на воплощение в жизнь связанных с нею планов очевидно возросли.

Заключение

Анализ материалов печатных и электронных медиа показал, что в контексте обсуждения развертывавшегося в первые месяцы после 24 февраля 2022 г. кризиса действительно наблюдалась актуализация памяти о 90-х: травматический опыт начального периода постсоветских реформ много вспоминали. Он *имел значение* при рассмотрении широкого круга проблем — от экономических стратегий на макро- и микроуровнях до геополитики. При этом репрезентация памяти о 90-х в основном опиралась на сложившиеся ранее стереотипы. В зависимости от того, какие стереотипы были задействованы, сравнение *теперь* и *тогда* вело к неодинаковым выводам.

В медиа, отнесенных к разным группам, трансформация прежних дискурсов о 90-х заметна в разной степени и коррелирует с представленностью в них выделенных фреймов (см. *табл. 2 Приложения*). Вновь переживаемый кризис делал очевидно нерелевантным нарратив об эре стабильности, положившей конец «лихим 90-м», который ранее активно использовался властью. Хотя эксплицитно тема краха легитимирующего нарратива обсуждалась только в либеральных/западни-

ческих изданиях, в медиа, ориентированных на массовую аудиторию, тоже происходили определенные смысловые сдвиги. Это выразилось, в частности, в обильном использовании фреймов, предполагающих сравнение *тогда* и *сейчас* с оценкой обнаруженных сходств и различий. Если пессимистическая версия фрейма «назад, в 90-е?», как правило, воспроизводила негативные стереотипы, насыщая конкретными образами ожидания, связанные с наихудшими сценариями развития кризиса, то оптимистическая включала память о 90-х в нарратив о преодолении Смутного времени, превращая ее в источник надежд. Медиа для массовой аудитории в первые месяцы после начала СВО много писали про опыт выживания в 90-х. И хотя по большей части оказывалось, что старые рецепты уже не годятся («сейчас не 90-е»), прежде всего по причине более строгого регулирования экономической деятельности государством, обращение к ним очевидно выполняло терапевтическую функцию, помогая адаптации к новой неопределенности. Вместе с тем актуализация памяти о 90-х в публичном дискурсе сопровождалась припоминанием множества деталей, что способствовало размыванию негативного образа этого периода и в некоторых случаях подпитывало ностальгию по тем его аспектам, которые оценивались положительно.

Однако не все из выделенных фреймов подразумевали изменение смысловых конструкций памяти о 90-х: рассуждения о проблемном наследии этого периода или дискурс о «пятой колонне» в основном репродуцировали уже сформировавшиеся представления и оценки. Соответственно, в медиа антилиберального/антизападнического сегмента, использовавших эти фреймы наиболее активно, артикуляция памяти о 90-х преимущественно следовала ранее сложившимся паттернам.

Анализируя типичные способы фреймирования опыта 90-х в публикациях печатных и электронных медиа, нетрудно заметить несовпадение хронологических векторов: если для одних участников публичного дискурса этот период давно закончился и предметом дискуссии является возможность «возвращения» в него (фреймы «назад, в 90-е?» и «сейчас не 90-е»), то для других он продолжается, поскольку порожденные им обстоятельства остаются существенной частью настоящего (фреймы «наследие 90-х как проблема» и «искоренение „пятой колонны“»). В то же время новые обстоятельства, обусловленные СВО и ее последствиями, могут рассматриваться как рубеж, завершающий этап развития, начатый в 90-х. Такая интерпретация особенно характерна для антизападнического/антилиберального сегмента, где она практиковалась и прежде. Однако она встречается и в других группах медиа, что, возможно, свидетельствует о формировании нового хронологического шаблона, в котором 24 февраля 2022 г. оказывается символическим рубежом эпох и путинский период до СВО включается в «длинные 90-е». Насколько можно судить по задействованным в настоящем исследовании материалам, этот шаблон служит основанием для разных наррати-

вов, зависящих от трактовки постсоветского транзита. Хотя актуализация памяти о 90-х в качестве символического ресурса для адаптации к новому кризису влечет за собой частичную трансформацию поддерживающих ее смысловых конструкций, связанные с нею идеологические расколы сохраняются и продолжают определять структуру публичного дискурса о прошлом.

Библиография

- Ассман А. (2014) *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение.
- Беднов С. (2022) «Свято место пока пусто» // *Труд*, 13.05.
- Бицоев С. (2022) «Руки прочь от журналистов!» // *Московский комсомолец*, 20.04.
- «В очереди за сейфами». (2022) // *Труд*, 25.03.
- Веденева Н. (2022) «Нам бы госзадания взять и отменить» // *Московский комсомолец*, 17.03.
- Воронин Ю. (2022) «Мобэкономика против санкций как выход из жестких вызовов Запада» // *Советская Россия*, 19.03.
- Голубицкая Ж. (2022) «Русские челноки возвращаются» // *Московский комсомолец*, 24.05.
- Гребень О. и К.Агеева. (2020) «Восприятие „девяностых“» // *Левада-Центр**, 6.04. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/06/vospriyat-je-devyanostyh/> (проверено 22.04.2023).
- Гринкевич В. (2022) «Не умрет, но откатится: Эксперты рассказали, как глубоко может упасть российская экономика в этом году» // *Профиль*, № 19: 6–8.
- Дуэль А. (2022) «Караван пойдет в обход» // *Аргументы и факты*, 13.05.
- Карасюк Е. (2022) «„Чтобы Россия больше никогда в такую засаду не попала“. Хроники госкапитализма» // *Republic / Slon***, 21.03.
- Киденис А. (2022) «Назад, в будущее!» // *Труд*, 29.04.
- Костиков В. (2022) «Берегите в себе человека» // *Аргументы и факты*, 6.07.
- Кротов Н. (2022) «Обратная сторона нерусской души» // *Московский комсомолец*, 18.03.
- Мазенко В. (2022) «Чем нынешний кризис отличается от 1998 года» // *Комсомольская правда*, 17.08.
- Малинова О.Ю. (2018) «Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В.В.Путина и формирование мифа о „лихих девяностых“» // *Политическая наука*, № 3: 45–69.
- Малинова О.Ю. (2019) «Конструирование смысловых рамок памяти о реформах 1990-х гг. в либеральном дискурсе 2000-х гг.» // *Южно-российский журнал социальных наук*, № 3: 91–105.
- Малинова О.Ю. (2020) «Тема „лихих девяностых“ в дискурсах российских коммунистов и национал-патриотов» // *Вестник Пермского университета. Политология*, т. 14, № 2: 53–63.

- Мерзлякова В.Н. (2019) «Медиатизация коллективной памяти о 1990-х гг. в Рунете» // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языковедение. Культурология»*, № 8: 289—302.
- Николаев И. (2022) «Экономика России: есть ли свет в конце туннеля» // *Московский комсомолец*, 11.04.
- «О возвращении социологов к проекту 90-х». (2022) // *Независимая газета*, 23.06.
- «О репутационных последствиях призывов к ревизии постсоветских решений». (2022) // *Независимая газета*, 16.06.
- Озерова М. (2022) «Кризис „как в 90-е“» // *Московский комсомолец*, 4.05.
- Орлов Б. (2022) «Очистительный огонь СВО» // *Литературная газета*, 1.06.
- «Открытое письмо президенту РФ В.В.Путину». (2022) // *Аргументы и факты*, 16.03.
- Павлючик Л. (2022) «Голливуд уходит из России» // *Труд*, 4.03.
- «Песков сообщил, что установил VPN». (2022) // *РИА Новости*, 2.04. URL: <https://ria.ru/20220402/peskov-1781488588.html> (проверено 29.04.2023).
- Попов Д. (2022) «Путин не оставил выхода» // *Московский комсомолец*, 14.03.
- Поповичев А. (2022) «Брендовые идеи» // *Известия*, 25.07.
- Прокофьев Д. (2022) «Что хуже — „рост цен“ или „отсутствие товаров“?» // *Новая газета*, 16.03.
- Проханов А. (2022) «За нашу Родину!» // *Завтра*, 9.03.
- Радаев В.В., ред. (2023) *Как россияне справляются с новым кризисом: социально-экономические практики населения*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Размахнин А. (2022) «Челнокам везде у нас дорога» // *Московский комсомолец*, 20.04.
- Скоробогатый П. (2022) «15 интервью о судьбах России» // *Эксперт*, № 30—33 (1262): 6—13.
- Соболев В. и А.Журин. (2022) «Если нельзя, но очень хочется» // *Труд*, 29.04.
- Титов И. (2022) «В котлах гибридных войн» // *Завтра*, 11.05.
- Туева Е. (2022) «Что будет с российским рынком труда в условиях санкций. Интервью с В.Гимпельсоном» // *Коммерсантъ*, 12.06.
- Угланов А. и О.Алашеев. (2022) «Спасение авиапрома — бравадные рапорты или реальная программа?» // *Аргументы недели*, 22—28.06.
- Утехин И.В. (2021) «Визуальные образы 1990-х в Инстаграме: коммерциализация ностальгии» // *Tempus et Memoria*, т. 2, № 3: 60—72.
- Хмара И. (2022) «Выручайте, челноки!» // *Труд*, 6.05.
- «Что может дать Россия» (2022) // *Культура*, 24.02.
- Чуйкин А. (2022) «Автопром уходит в крутой вираж» // *Профиль*, № 9: 32—34.

- Чуприн В. (2022) «Возвращение в колхозный строй» // *Московский комсомолец*, 4.04.
- Шорохов А. (2022) «Важнейшее из искусств» // *Завтра*, 2.03.
- Goffman I. (1974) *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. New York: Harper and Row.
- Halbwachs M. (1992) *On Collective Memory*. Chicago: University of Chicago Press.
- Irwin-Zarecka I. (1994) *Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory*. New Brunswick: Transaction Publishers.
- Kubik J. and M. Bernhard. (2014) «A Theory of the Politics of Memory» // Bernhard M. and J. Kubik, eds. *Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford: Oxford University Press: 7–30.
- Makhortykh M. (2021) «#givemebackmy90s: Memories of the First Post-Soviet Decade in Russia on Instagram and TikTok» // *Cultures on History Forum*, 28.06. URL: <https://www.cultures-of-history.uni-jena.de/exhibitions/givemebackmy90s-memories-of-the-first-post-soviet-decade> (assessed on 3.05.2023).
- Malinova O. (2021) «Framing the Collective Memory of the 1990s as a Legitimation Tool for Putin's Regime» // *Problems of Post-Communism*, vol. 68, no. 5: 429–441.
- Malinova O. (2022) «Constructing the Collective Trauma of „The Hard 1990s“ as a Disregarded Tool of Legitimation for Putin's Authority» // *Nationalities Papers*, vol. 50, no. 3: 619–623.
- Malinova O. (2023) *Memories about «The Hard 1990s» as a Resource for Adaptation to the New Turbulence: The Analysis of the Russian Media*. HSE Basic Research Program Working Papers. Series: Political Science. WP BRP 90/PS/2023. URL: <https://www.hse.ru/data/2023/04/26/2028052861/90PS2023.pdf> (assessed on 3.05.2023).
- Olick J.K. (2007) *The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility*. London: Routledge.
- Sharafutdinova G. (2020) *The Red Mirror: Putin's Leadership and Russia's Insecure Identity*. Oxford: Oxford University Press.
- Sharafutdinova G. (2022) «Public Opinion Formation and Group Identity: The Politics of National Identity Salience in Post-Crimea Russia» // *Problems of Post-Communism*, vol. 69, no. 3: 219–231.

* Внесен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

** Внесено в реестр СМИ — иностранных агентов; с 6 марта 2022 г. по решению Роскомнадзора сайт издания заблокирован.

Таблица 1 Типичные способы фреймирования опыта 90-х

Фрейм	Связь между «тогда» и «теперь»	Вариации
Назад, в 90-е?	90-е закончились, но есть опасение, что <i>теперь</i> будет как <i>тогда</i>	Пессимистическая (<i>неужели снова?</i>) и оптимистическая (<i>справились тогда — справимся теперь</i>)
Сейчас не 90-е	90-е закончились; <i>теперь</i> — не как <i>тогда</i>	Оптимистическая (<i>теперь стало лучше</i>) и ностальгическая (<i>тогда было лучше</i>)
Конец «длинных 90-х»	Конец 90-х наступает лишь <i>теперь</i>	В зависимости от идеологической установки
Наследие 90-х как проблема	90-е являются частью настоящего, даже если хронологически они в прошлом	По контексту обсуждаемой темы
Искоренение «пятой колонны»	90-е не закончились, начавшийся тогда конфликт остается центральным	Нет

Таблица 2 Фреймирование опыта 90-х в российских медиа (24.02.2022 – 24.08.2022)

Группы изданий	Фреймы				
	Назад, в 90-е?	Сейчас не 90-е	Конец «длинных 90-х»	Наследие 90-х как проблема	Искоренение «пятой колонны»
Издания для массовой аудитории без однозначного идеологического профиля	++	++	+	++	++
Издания для образованной аудитории без однозначного идеологического профиля	++	++	+	++	+
Издания, имеющие выраженный антилиберальный / антизападнический профиль	+	+	++	++	++
Издания, имеющие выраженный либеральный / западнический профиль	++	++	+	+	—

(++) — случаи использования фрейма множественны (N > 10)

(+) — случаи использования фрейма единичны (N < 10)

(—) — случаи использования фрейма не выявлены

O.Yu.Malinova
**MEMORY OF THE 1990s
 AS RESOURCE OF ADAPTATION
 TO NEW CRISIS:
 ANALYSIS OF RUSSIAN
 MEDIA DISCOURSES**

Olga Yu. Malinova — Doctor of Philosophy; Professor at the School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, HSE University; Chief Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Email: omalinova@mail.ru.

Abstract. The article is devoted to the problem of memory functioning as a symbolic resource for adaptation to a crisis as a situation of high uncertainty. The author analyzes public practices of articulating memory about the early period of the post-Soviet transformation when discussing social and economic problems associated with the special military operation in Ukraine, that was declared by president Vladimir Putin on 24 February, 2022, and subsequent unprecedented extension of international sanctions. The study is based on Iwona Irwin-Zarecka's theory of frames of remembrance. By revealing typical ways of framing the experience of the 1990s in media discourse during the first six months after 24 February, 2022, the author attempts to identify how this experience was tied to the current problems and thus determine the role of memory as a resource for adaptation to the new crisis. The analysis is based on publications in printed and online media that target different audiences. In order to reveal ways of framing statements about the 1990s, the author utilized the method of qualitative content analysis using the MAXQDA application

The results of the study confirm that in a situation of uncertainty caused by the forced restructuring of economic relations, social expectations and political goal-setting, the memory of a collective traumatic experience acts as an adaptation resource, which is associated with a partial transformation of its semantic framework. At the same time, the ideological splits tied to the memory of the 1990s persist and continue to determine the structure of the public discourse about the past.

Keywords: frames of remembering, framing, the 1990s, adaptation to crisis, public discourse

References

- Assman A. (2014) *Dlinnaja ten' proshlogo: Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika* [Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Bednov S. (2022) "Svjato mesto poka pusto" [A Sacred Place Is Still Vacant] // *Trud*, 13.05. (In Russ.)
- Bitsoev S. (2022) "Ruki proch of zhurnalistov" [Hands off Journalists] // *Moskovsky Komsomolets*, 20.04. (In Russ.)
- "Chto mozhet dat' Rossija" [What Russia Can Provide]. (2022) // *Kut'tura* [Culture], 24.02. (In Russ.)
- Chuihin A. (2022) "Avtoprom ukhodit v krutoj virazh" [The Auto Industry Is Going into a Steep Turn] // *Profil'* [Profile], no. 9: 32–34. (In Russ.)
- Chuprin V. (2022) "Vozvrashchenie v kolkhoznyj stroj" [Return to the Collective Farm System] // *Moskovsky Komsomolets*, 4.04. (In Russ.)
- Duel A. (2022) "Karavan pojdet v obkhod" [The Caravan Will Go Around] // *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts], 13.05. (In Russ.)
- Goffman I. (1974) *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. New York: Harper and Row.
- Golubitskaya Zh. (2022) "Russkie chelnoki vozvrashchajutsja" [Russian Shuttle Traders Are Returning] // *Moskovsky Komsomolets*, 24.05. (In Russ.)
- Greben' O. and K.Agepeeva. (2020) "Vosprijatie devjanostykh" [Perceptions of the 1990s] // *Levada-Tsentr* [Levada-Center], 6.04. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/06/vospriyatie-devyanostykh/> (accessed on 22.04.2023). (In Russ.)
- Grinkevich V. (2022) "Ne umret, no otkatitsja: Eksperty rasskazali, kak gluboko mozhet upast' rossijskaja ekonomika v etom godu" [It Won't Die but Roll Back: Experts Have Told How Deeply the Russian Economy May Fall This Year] // *Profil'* [Profile], no 19: 6–8. (In Russ.)
- Halbwachs M. (1992) *On Collective Memory*. Chicago: University of Chicago Press.
- Irwin-Zarecka I. (1994) *Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory*. New Brunswick: Transaction Publishers.
- Karasyuk E. (2022) "„Chtoby Rossija bol'she nikogda v takuju zasadu ne popala“. Khroniki goskapitalizma" ["Let Russia Never Fall into Such an Ambush Again". Chronicles of State Capitalism] // *Republic / Slon*, 21.03. (In Russ.)
- Khmara I. (2022) "Vyruchajte, chelnoki!" [Shuttle Traders, Help Us] // *Trud*, 6.05. (In Russ.)
- Kidenis A. (2022) "Nazad, v budushchee!" [Back to the Future!] // *Trud*, 29.04. (In Russ.)
- Kostikov V. (2022) "Beregite v sebe cheloveka" [Take Care of the Person in Yourself] // *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts], 6.07. (In Russ.)
- Krotov N. (2022) "Obratnaja storona nerusskoj dushi" [The Reverse Side of the Non-Russian Soul] // *Moskovsky Komsomolets*, 18.03. (In Russ.)

Kubik J. and M. Bernhard. (2014) “A Theory of the Politics of Memory” // Bernhard M. and J. Kubik, eds. *Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford: Oxford University Press: 7–30.

Makhortykh M. (2021) “#givemebackmy90s: Memories of the First Post-Soviet Decade in Russia on Instagram and TikTok” // *Cultures on History Forum*, 28.06. URL: <https://www.cultures-of-history.uni-jena.de/exhibitions/givemebackmy90s-memories-of-the-first-post-soviet-decade> (assessed on 3.05.2023).

Malinova O. (2018) “Obosnovanie politiki 2000-kh godov v diskurse V.V.Putina i formirovanie mifa o „likhikh devjanostykh“” [Justifying the Political Course of the 2000s and Constructing the Myth about “The Hard Nineties” in the Vladimir Putin’s Discourse] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 3: 45–69. (In Russ.)

Malinova O. (2019) “Konstruirovanie smyslovykh ramok pamjati o reformakh 1990-kh gg. v liberal’nom diskurse 2000-kh gg.” [Framing Memory about the Reforms of the 1990s in the Liberal Discourse in the 2000s] // *Juzhno-rossijskij zhurnal sotsial’nykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], no. 3: 91–105. (In Russ.)

Malinova O. (2020) “Tema „likhikh devjanostykh“ v diskursakh rossijskikh kommunistov i natsional-patriotov” [The Issue of “The Turbulent 1990s” in Discourses of Russian Communists and National-Patriots] // *Vestnik Permskogo universiteta. Politologija* [Bulletin of Perm University. Political Science], vol. 14, no. 2: 53–63. (In Russ.)

Malinova O. (2021) “Framing the Collective Memory of the 1990s as a Legitimation Tool for Putin’s Regime” // *Problems of Post-Communism*, vol. 68, no. 5: 429–441.

Malinova O. (2022) “Constructing the Collective Trauma of „The Hard 1990s“ as a Disregarded Tool of Legitimation for Putin’s Authority” // *Nationalities Papers*, vol. 50, no. 3: 619–623.

Malinova O. (2023) *Memories about “The Hard 1990s” as a Resource for Adaptation to the New Turbulence: The Analysis of the Russian Media*. HSE Basic Research Program Working Papers. Series: Political Science. WP BRP 90/PS/2023. URL: <https://www.hse.ru/data/2023/04/26/2028052861/90PS2023.pdf> (assessed on 3.05.2023).

Mazenko V. (2022) “Chem nyneshnij krizis otlichaetsja ot 1998 goda” [How Does the Current Crisis Differ from That of 1998] // *Komsomolskaya Pravda*, 17.08. (In Russ.)

Merzlyakova V.N. (2019) “Mediatizatsija kollektivnoj pamjati o 1990-kh gg. v Runete” [Mediatization of the Collective Memory of the 1990s in RuNet] // *Vestnik RGGU. Serija “Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul’turologija”* [RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series, no. 8: 289–302. (In Russ.)

Nikolaev I. (2022) “Ekonomika Rossii: est’ li svet v kontse tunnelja” [Russia’s Economy: Is There Light at the End of the Tunnel] // *Moskovsky Komsomolets*, 11.04. (In Russ.)

“O reputatsionnykh posledstviyakh prizyvov k revizii postsovetских reshenij” [On the Reputational Consequences of Calls for Revision of Post-Soviet Decisions]. (2022) // *Nezavisimaya Gazeta*, 16.06. (In Russ.)

“O vozvrashchenii sotsiologov k proektu 90-kh” [On the Return of Sociologists to the Project of the 1990s]. (2022) // *Nezavisimaya Gazeta*, 23.06. (In Russ.)

Olick J.K. (2007) *The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility*. London: Routledge.

Orlov B. (2022) “Ochistitel’nyj ogon’ SVO” [Cleansing Fire of the Special Military Operation] // *Literaturnaya Gazeta*, 1.06. (In Russ.)

“Otkrytoe pis’mo prezidentu RF V.V.Putinu” [The Open Letter to the President of the Russian Federation V.V.Putin]. (2022) // *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts], 16.03. (In Russ.)

Ozerova M. (2022) “Krizis „kak v 90-e“” [Crisis “Like in the 1990s”] // *Moskovsky Komsomolets*, 4.05. (In Russ.)

Pavlyuchik L. (2022) “Gollivud ukhodit iz Rossii” [Hollywood Leaves Russia] // *Trud*, 4.03. (In Russ.)

“Peskov soobshchil, chto ustanovil VPN” [Peskov Said That He Had Installed a VPN]. (2022) // *RIA Novosti*, 2.04. URL: <https://ria.ru/20220402/peskov-1781488588.html> (accessed on 29.04.2023). (In Russ.)

Popov D. (2022) “Putin ne ostavil vykhoda” [“Putin Left No Way out”] // *Moskovsky Komsomolets*, 14.03. (In Russ.)

Popovichev A. (2022) “Brendovye idei” [Reflections on Brands] // *Izvestia*, 25.07. (In Russ.)

Prokhanov A. (2022) “Za nashu Rodinu!” [For Our Motherland!] // *Zavtra*, 9.03. (In Russ.)

Prokofiev D. (2022) “Chto khuzhe — „rost tsen“ ili „otsutstvie tovarov“?” [What Is Worse — “Rising Prices” or “Lack of Goods”?] // *Novaya Gazeta*, 16.03. (In Russ.)

Radaev V., ed. (2023) *Kak rossijane spravljajutsja s novym krizisom: sotsial’no-ekonomicheskie praktiki naselenija* [How Russians Cope with the New Crisis: Socio-Economic Practices of the Population]. Moscow: Izdatel’skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Razmakhnin A. (2022) “Chelnokam vezde u nas doroga” [We Have a Road for Shuttle Traders Everywhere] // *Moskovsky Komsomolets*, 20.04. (In Russ.)

Sharafutdinova G. (2020) *The Red Mirror: Putin’s Leadership and Russia’s Insecure Identity*. Oxford: Oxford University Press.

Sharafutdinova G. (2022) “Public Opinion Formation and Group Identity: The Politics of National Identity Salience in Post-Crimea Russia” // *Problems of Post-Communism*, vol. 69, no. 3: 219–231.

Shorokhov A. (2022) “Vazhnejshee iz iskusstv” [The Most Important of the Arts] // *Zavtra*, 2.03. (In Russ.)

Skorobagatyi P. (2022) “15 interv’ju o sud’bakh Rossii” [15 Interviews about the Fate of Russia] // *Ekspert* [Expert], no. 30–33 (1262): 6–13. (In Russ.)

- Sobolev V. and A.Zhurin. (2022) “Esli nel’zja, no otchen’ khotchetsja” [If You Can’t, but Really Want to] // *Trud*, 29.04. (In Russ.)
- Titov I. (2022) “V kotlakh gibridnykh vojn” [In the Cauldrons of Hybrid Wars] // *Zavtra*, 11.05. (In Russ.)
- Tueva E. (2022) “Chto budet s rossijskim rynkom truda v usloviyakh sanktsij. Interv’ju s V.Gimpel’sonom” [What Will Happen to the Russian Labor Market in the Conditions of Sanctions. Interview with Vladimir Gimpelson] // *Kommersant*, 12.06. (In Russ.)
- Uglanov A. and O.Alashev. (2022) “Spasenie aviaproma — brave raporty ili real’naja programma?” [Saving the Aviation Industry — Brave Reports or a Real Program?] // *Argumenty nedeli* [Arguments of the Week], 22—28.06. (In Russ.)
- Utekhin I.V. (2021) “Vizual’nye obrazy 1990-kh v Instagrame: komertsializatsija nostal’gii” [The Visual Images of the 1990s in Instagram: A Commercialization of Nostalgia] // *Tempus et Memoria*, vol. 2, no. 3: 60—72. (In Russ.)
- “V ocheredi za sejfami” [Queuing for Safes]. (2022) // *Trud*, 25.03. (In Russ.)
- Vedeneeva N. (2022) “Nam by goszadaniya vzjat’ i otmenit’” [We Would Like to Take the State Tasks and Cancel] // *Moskovsky Komsomolets*, 17.03. (In Russ.)
- Voronin Yu. (2022) “Mobekonomika protiv sanktsij kak vykhod iz zhestkikh vyzovov Zapada” [Mob-Economy against Sanctions as a Way out of the Tough Challenges of the West] // *Sovetskaja Rossija* [Soviet Russia], 19.03. (In Russ.)

Е.Б.Шестопал

ВОСПРИЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ИХ ЛИДЕРОВ НА ФОНЕ АКТУАЛЬНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Елена Борисовна Шестопал — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова. Для связи с автором: shestop0505@ Rambler.ru.

Аннотация. Статья посвящена образам российских партий и их лидеров на фоне изменений психологического состояния нашего общества в современных условиях. В ее основу легло качественно-количественное исследование, проведенное в конце 2022 — начале 2023 г. в 22 регионах. В качестве объекта исследования выступали пять представленных в Государственной Думе партий («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия — За правду», «Новые люди») и их лидеры (А.Турчак, Г.Зюганов, В.Жириновский, Л.Слуцкий, С.Миронов и А.Нечаев). Методология исследования включала в себя опрос, глубинное интервью, семантический дифференциал, проективный тест, метод направленных ассоциаций. Исследование не было репрезентативным для страны в целом, однако выборка была сбалансирована по параметрам пола, возраста и образования.

Исследование показало, что высокий уровень тревожности и озабоченность граждан военными действиями не повлияли на ряд параметров восприятия. Среди таких параметров отношение к партиям как к необходимой части демократического процесса, отсутствие четкой идеологической идентификации партий, персонифицированность партийных образов. Вместе с тем по некоторым направлениям зафиксирована существенная трансформация. Во-первых, изменилось представление о месте партий в рамках дихотомии «власть — оппозиция». КПРФ, «Справедливая Россия — За правду» и ЛДПР утратили в восприятии граждан значительную часть своей оппозиционности, одновременно выросла поддержка «Единой России», четко ассоциирующейся с властью. Во-вторых, популярность эпатажного стиля осталась в прошлом, и сегодня наиболее привлекательным для избирателей является образ центристской партии. Новая политическая реальность требует от партий не столько демонстрации своей независимости от власти и дистанцирования от нее, сколько работы по консолидации общества перед

лицом внешней угрозы. В-третьих, если до начала 2020-х в обществе доминировал запрос на консерватизм, то в нынешней ситуации более востребованы социал-демократические и либеральные ценности.

Ключевые слова: образ партии, образ партийного лидера, политическое восприятие, психологическое состояние общества, новая политическая реальность

Проблемное поле исследования

В сентябре 2023 г. в России пройдут выборы различного уровня; в 2024 г. ожидаются президентские выборы. Очевидно, что в роли важного политического инструмента в предстоящих кампаниях будут выступать политические партии и их лидеры. От восприятия их избирателями напрямую зависит и результат выборов. Поэтому вопрос о том, какие образы этих акторов сложились в сознании электората, приобретает особую актуальность.

¹ См. Шестопал
2022а.

Как показывают исследования политического восприятия¹, всякая партия и ее лидер рассматриваются людьми не сами по себе, но всегда в контексте, как своего рода портрет на фоне. Этот фон не является абсолютно инертным и оказывает на образ существенное воздействие. Фон, который создает нынешняя политическая реальность, кардинально отличается от того, что мы видели на всех предыдущих выборах.

Первое отличие — быстро меняющийся в связи с начавшейся в феврале 2022 г. специальной военной операцией (СВО) внутри- и внешнеполитический контекст. Новая политическая ситуация требует от партий и предъявления электорату новых смысловых акцентов, и новых стилистических очертаний их программ. Вероятно также появление запроса со стороны электората на более четкий и точный понятийный аппарат, более определенный ценностный выбор, лишенный прежних полутонов. Можно предположить, что текущая ситуация найдет отражение в образах партий в виде изменившихся представлений о них.

Второе отличие касается расстановки сил на партийно-политической сцене. И хотя партийная система остается одним из наиболее стабильных и значимых элементов гражданского общества, что помогает политической самоидентификации избирателей, некоторые подвижки в партийной конфигурации вполне возможны. При этом ключевым фактором, определяющим отношение избирателей к той или иной партии, выступает соотношение ее с властью. Если до событий февраля 2022 г., как, впрочем, и на протяжении всего постсоветского периода, отношение к власти в российском обществе было достаточно критичным и, чтобы заслужить доверие электората, партиям нужно было дистанцироваться от нее, то с началом СВО ситуация принципиально изменилась: необходимость консолидации общества резко снизила запрос на оппозицию. Среди парламентских партий в качестве оппозиционной сейчас позиционирует себя только КПРФ, да и то скорее фор-

мально. В сложившейся на сегодняшний день в Государственной Думе партийной конфигурации на одном полюсе находятся «Единая Россия» с примкнувшими к ней ЛДПР и «Справедливой Россией — За правду» (СРЗП), на другом — их оппонент в лице КРПФ. Независимость от власти декларируют и «Новые люди», но позиция этой партии пока выглядит слишком невнятной. Правомерно ожидать, что ко времени проведения выборов такая расстановка сил сохранится.

Третье отличие — это изменение запросов электората и новая конфигурация психологического состояния общества (ПСО) в целом. В настоящей статье мы сфокусируемся именно на этом факторе восприятия партий и их лидеров.

Согласно нашей гипотезе, появившиеся в новой политической реальности сдвиги в ПСО могут отразиться на образах партий и лидеров. Для проверки этой гипотезы в конце 2022 — начале 2023 г. было проведено эмпирическое исследование.

Описание исследования

Цель исследования заключалась в том, чтобы выявить и описать образы парламентских партий и их лидеров, а также проанализировать отражение в этих образах основных политических установок, ценностей и представлений, определяющих актуальное психологическое состояние российского общества. В качестве объекта исследования выступали пять представленных в Государственной Думе партий («Единая Россия», КРПФ, ЛДПР, СРЗП, «Новые люди») и их лидеры (Андрей Турчак, Геннадий Зюганов, Леонид Слуцкий, Сергей Миронов и Алексей Нечаев). В случае ЛДПР в анализ был включен и ее бывший лидер — Владимир Жириновский.

Поскольку в нашу задачу входило изучение образов как партий, так и лидеров, в ходе исследования были задействованы две группы методов. Применительно к образам партий использовались: (а) анкетный опрос, включавший закрытые и открытые вопросы, (б) семантический дифференциал и (в) проективный тест. В случае образов партийных лидеров: (а) глубинное интервью, (б) метод направленных ассоциаций и (в) контент-анализ.

Исследование носило качественно-количественный характер и не было репрезентативным для страны в целом. При этом, как принято в качественных исследованиях, выборка была сбалансирована по параметрам пола, возраста и образования. Для того чтобы учесть возможные региональные различия в образах и представлениях сбор данных осуществлялся в 22 регионах: Москве, Санкт-Петербурге, Московской, Вологодской, Калужской, Курганской, Мурманской, Ростовской, Самарской, Саратовской, Свердловской, Тверской, Челябинской, Ярославской областях, Бурятии, Ингушетии, Калмыкии, Коми, Якутии, Удмуртии, Краснодарском и Хабаровском краях.

Общая выборка составила 562 респондента, чего более чем достаточно для качественного исследования. Вместе с тем такой размер по-

зволил применить ряд методов количественного анализа, в частности методы кодирования и шкалирования. Для количественной обработки данных использовался пакет SPSS.

Концептуальная модель и ее теоретические основания

При построении концептуальной модели мы опирались на три группы теоретических работ. К первой группе относятся исследования, посвященные становлению постсоветской российской партийно-политической системы, ее институциональным, правовым и политическим характеристикам². Работы этой группы обозначают политико-правовую рамку, позволяющую вписать полученные данные в общую картину развития российских партий на современном этапе.

Вторая группа — работы по политическому восприятию³, обращение к которым дает возможность соотнести данные по образам партий и их лидеров с уже зафиксированными тенденциями изменения восприятия в контексте отечественного политического процесса и политической культуры.

Третья группа — исследования ПСО, которые стали появляться в связи с пандемией⁴, приведшей к резким изменениям в массовом сознании и поведении, и приобрели особую актуальность с началом СВО. Однако пока такие исследования остаются единичными. Мы полагаем, что ПСО не столько оказывает прямое влияние на образы партий и лидеров, сколько выступает в качестве психологического фона, или контекста, высвечивающего сдвиги в их восприятии.

Разрабатывая концептуальную модель исследования, мы исходили из того, что восприятие партий и их лидеров носит не только рациональный, но и неосознанный характер. Как показывают проводившиеся ранее исследования⁵, в структуре политических образов, в том числе образов партий и их лидеров, есть эмоциональные, когнитивные и поведенческие компоненты, требующие особого учета. Кроме того, применительно к партиям нами учитывались такие параметры их образов, как привлекательность, сила (влиятельность), активность, место в политическом спектре, потенциал развития в будущем, идеологическая направленность и др. Чтобы оценить изменения в восприятии партий и лидеров, мы использовали данные, полученные нами в 2014 г.⁶

Следует отметить, что при формировании изучаемых нами образов задействован целый комплекс факторов, влияющих на политическое восприятие⁷. Важнейшими из них являются:

- объектные факторы (решения партии и действия ее лидера, а также внешне- и внутриполитический контекст, в котором разворачивается процесс восприятия);
- субъектные факторы (психологическое состояние общества в целом и конкретные психологические характеристики воспринимающего субъекта, особенно его ценностные ориентации и символические репрезентации);

² Гельман 2008; Авакьян 2011; Коргунок 2018; Берлявский и Махова 2022.

³ Букреева 2011; Пищева 2011; Шестопал (ред) 2012, 2019; Психология 2013; Зверев и др. 2016; Аль-Дайни 2018; Усманова 2021.

⁴ См., напр. Макушева и Нестик 2020; Daniele et al. 2020.

⁵ См. Шестопал (ред.) 2019: 40—44.

⁶ Палитай и Шестопал 2014.

⁷ Там же: 44—76.

- коммуникативные факторы (то, как данные образы подаются в различных СМИ);
- темпоральные факторы, связанные с изменением восприятия под влиянием времени;
- пространственные факторы.

Из перечисленных выше факторов нас прежде всего интересовал субъектный, а именно воздействие на образы партий и их лидеров психологического состояния общества как совокупности коллективных настроений, представлений, образов, ценностей и установок, влияющих на публичную политику⁸. Такое состояние находит отражение в эмоционально-оценочных компонентах политических образов, формирующихся в массовом сознании. В постсоветской России ПСО всегда отличалось нелинейностью и изменчивостью. Но если до недавнего времени соответствующие процессы развивались более или менее постепенно, то начиная с 24 февраля 2022 г. они приобрели экстраординарный и ускоренный характер.

⁸ Юревич 2019; Лебедев и Гордякова 2019; Нестик и др. 2021.

Результаты и их обсуждение

Прошлый опыт голосования. Прежде чем приступать к анализу образов партий и лидеров, посмотрим, как вели себя наши респонденты на последних выборах в Государственную Думу.

Как видно из *табл. 1*, чуть ли не половина участников опроса, по их утверждению, не голосовала вообще, что почти совпадает с данными ЦИК, согласно которым явка на выборы составила 51,72%. Представляется, что столь низкая электоральная активность была связана с депрес-

Таблица 1 Голосование на думских выборах 2021 г.

Варианты ответа	Распределение ответов на вопросы «Голосовали ли вы на последних парламентских выборах? Если да, то за какую партию?»		Данные ЦИК
	% от общего числа респондентов	% от голосовавших	% от голосовавших
«Единая Россия»	22,8	40,2	49,82
КПРФ	11,4	20,1	18,93
ЛДПР	10,3	18,2	7,55
СРЗП	4,6	8,1	7,46
«Новые люди»	5,3	9,4	5,32
Другая	2,1	3,8	
Не голосовал	43,4		48,3

⁹ Шестопал 2022b.

сивным психологическим состоянием российского общества, его политической демобилизованностью, характерной для периода пандемии⁹. Пока неясно, каким будет уровень активности в условиях СВО. С одной стороны, на ее фоне выборы кажутся людям не слишком важными, что может снизить электоральную активность. С другой стороны, присутствует и иной тренд, который пока слабо проявляется на поведенческом уровне, но ярко заявлен на уровне ценностей, а именно политический активизм. Граждане начинают понимать, что пассивность себя исчерпала и ожидать от власти решения всех проблем — бессмысленно и бесполезно. Это, собственно, и есть гражданская мобилизация, которая явно запаздывает в нынешней ситуации. И эта тенденция может положительно сказаться на электоральной активности.

Доли голосов, отданных, по словам респондентов, за конкретные партии, не вполне соответствуют официальным результатам выборов, однако распределение партийных предпочтений практически то же: «Единая Россия» с существенным разрывом опережает другие партии, на втором месте — КПРФ, на третьем — ЛДПР, далее идут СРЗП и «Новые люди».

Некоторые отличия декларированных респондентами партийных предпочтений от зафиксированных на выборах, помимо всего прочего, могут объясняться сдвигами в установках избирателей, произошедшими за минувшее с кампании 2021 г. время.

От прошлого к будущему. В отличие от прошлого опыта голосования, намерение голосовать за ту или иную партию в будущем носит «заявительный» характер: обещать — не значит проголосовать в действительности. Однако само это намерение свидетельствует о наличии у респондента сформированной электоральной установки.

Приведенное в *табл. 2* распределение ответов на вопросы «Голосовали ли вы на прошлых выборах? За какую партию вы обираетесь голосовать в будущем? За какую партию вы не проголосуете ни при каких обстоятельствах?» говорит о заметных расхождениях между прошлыми и текущими электоральными установками, отражающих изменение ПСО. Прежде всего бросается в глаза увеличение декларируемой готовности голосовать в принципе, распространяющейся на все партии, что указывает на повышение роли последних. Налицо также определенные изменения в расстановке сил на электоральном поле. Наконец, у трех из четырех партий число противников превышает число сторонников. Только у ЛДПР, несмотря на смерть Жириновского (а может быть, и благодаря смене лидера), сторонников больше, чем противников.

Вместе с тем, как показывают ответы на уточняющие вопросы о будущем партий, больше всего респонденты верят в успех «Единой России» (37%) и меньше всего — в успех «Новых людей» (7%). При этом возможность того, что эта партия прекратит свое существование, допускают 22% опрошенных.

Таблица 2 Распределение ответов на вопросы «Голосовали ли вы на прошлых выборах? За какую партию вы собираетесь голосовать в будущем? За какую партию вы не проголосуете ни при каких обстоятельствах?» (в %)

	Голо- совал	Собираюсь проголосо- вать	Не проголосую ни при каких обстоятельствах
«Единая Россия»	23	27	29
КПРФ	11	15	24
ЛДПР	10	15	8
СРЗП	5	9	9
«Новые люди»	5	12	15
Затрудняюсь ответить	2	22	15
Не участвовал в голосовании	44		

Оценка влиятельности партий. Согласно полученным нами данным, 82% респондентов считают «Единую Россию» самой влиятельной из всех партий. Это резко контрастирует с оценками других партий: первенство КПРФ в этом плане отдают 5% опрошенных, ЛДПР — 7%, СРЗП и «Новым людям» — по 3%. Однако это не означает ни отказа от идеи многопартийности, ни того, что респондентов полностью устраивает правящая партия. По мнению почти трети из них, «Единая Россия» нуждается в обновлении (30%), как, впрочем, и КПРФ (32%).

Партийная идеология. Начнем с общей картины. По параметру идеологической близости с заметным отрывом лидирует «Единая Россия», но даже ее идеи кажутся близкими лишь 28% опрошенных (см. табл. 3). В принципе ценностно-идеологические установки довольно слабо сказываются на поддержке партий и оценке их влияния.

Таблица 3 Распределение ответов на вопрос «Идеи какой партии вам близки?» (в %)

«Единая Россия»	28
КПРФ	15
ЛДПР	14
СРЗП	8
«Новые люди»	10
Затрудняюсь ответить	25

Это подтверждают и ответы на вопрос об идеальной партии, за которую респонденты хотели бы проголосовать (см. табл. 4). Примечательно, что 39% готовы поддержать любую правящую партию, какой бы ни была ее идеология.

Таблица 4 Распределение ответов на вопрос: «Какой должна быть политическая партия, чтобы вы захотели за нее проголосовать?» (в %)

<i>1 группа характеристик</i>	
Партия с ярким и авторитетным лидером	54
Партия с коллективным руководством	29
Партия без лидеров	7
Затрудняюсь ответить	10
<i>2 группа характеристик</i>	
Консервативная	19
Либеральная	26
Социал-демократическая	25
Коммунистическая	13
Анархистская	4
Националистическая	3
Затрудняюсь ответить	10
<i>3 группа характеристик</i>	
Правящая партия	39
Партия системной оппозиции	22
Партия несистемной оппозиции	14
Затрудняюсь ответить	25
<i>4 группа характеристик</i>	
Левая	19
Правая	18
Центристская	31
Затрудняюсь ответить	32

Если говорить об идеологических предпочтениях, то из всего многообразия идеологий на данный момент выделяются либеральная и социал-демократическая, которые в чистом виде не отражает ни одна из парламентских партий. Консерватизм, заявленный в программе «Еди-

ной России» в качестве ведущего идеологического принципа, привлекает лишь 19% респондентов (что на треть меньше доли собирающихся голосовать за нее в будущем). Можно отметить снижение влияния коммунистических идей, которые уступают место социал-демократическим.

Примечательны установки в отношении «партии власти» и различных типов оппозиции. Так, несмотря на преобладающую поддержку «Единой России» как в рядах ее идейных сторонников, так и среди «конформистов», склонных поддерживать любую власть просто потому, что она власть, опрошенные не готовы отказаться от партий оппозиционного спектра, включая несистемную оппозицию. За 30 постсоветских лет наше общество впитало и приняло идею межпартийной конкуренции.

Что касается право-левого континуума партийных идей, то здесь ничего не изменилось по сравнению с более ранними периодами. Опрос показал, во-первых, их относительный паритет, во-вторых, склонность к уходу от крайностей и предпочтение центристской модели, что мы наблюдаем на протяжении практически всех постсоветских лет.

Расстановка сил на партийном поле. Для выявления такой расстановки мы прибегли к сравнению партий с помощью метода семантического дифференциала по ряду политико-психологических шкал: сильная—слабая, активная—пассивная, левая—правая, недемократическая—демократическая, оппозиционная—провластная, безответственная—ответственная. Респонденты оценивали партии, приписывая им те или иные характеристики. В *табл. 5* приведены суммарные показатели по двум первым и двум последним рангам на пятибалльной шкале оценок.

Параметр силы является ключевым для прогнозирования перспектив той или иной партии. Как видно из таблицы, с точки зрения восприятия в качестве сильной «Единая Россия» существенно превосходит другие партии. Ближайшая к ней ЛДПР оказывается вдвое слабее. Будущее же «Новых людей» с учетом низкого значения показателя силы в их образе вообще вызывает вопросы.

Другой важнейший параметр — активность. Здесь тоже выделяются «Единая Россия» и ЛДПР. Остальные партии воспринимаются скорее как пассивные.

Интересные результаты дала оценка партий по шкале «левые—правые». То, что в глазах респондентов «Единая Россия» и ЛДПР выглядят скорее правыми, чем левыми, вполне понятно. А вот то, что солидная доля респондентов считает КПРФ и СРЗП правыми, довольно неожиданно — как и преобладание левых оттенков в образе «Новых людей». Эти идеологические aberrации в сознании граждан говорят о противоречивости идущих от указанных партий посылов, что затрудняет партийную идентификацию избирателей.

Поскольку на протяжении всего постсоветского периода, за исключением начала 1990-х годов, отношение к ценности демократии

Таблица 5 Дихотомии образов партий

Характеристики образов	Партии				
	«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	СРЗП	«Новые люди»
Сильная	80	35	44	14	11
Слабая	5	33	21	55	63
Активная	75	32	53	20	20
Пассивная	7	35	19	50	49
Левая	11	50	21	31	31
Правая	54	22	37	24	27
Недемократическая	39	37	19	25	19
Демократическая	33	27	35	36	50
Оппозиционная	7	26	22	22	39
Провластная	87	37	45	43	29
Безответственная	29	23	27	38	33
Ответственная	45	38	37	27	26

было в нашем обществе исключительно позитивным, оценка той или иной партии как недемократической просто говорит о ее непривлекательности. Удивительно, что наиболее демократической партией респондентам кажутся «Новые люди», а самой недемократической — «Единая Россия», что не мешает им поддерживать ее и оценивать как наиболее влиятельную. Как видим, налицо серьезное противоречие между эмоциональной оценкой привлекательности и признанием силы: сегодня люди готовы голосовать за менее привлекательную, но влиятельную «партию власти», а не за признанных ими «демократическими» «Новых людей», подозревая их в безответственности.

Расположение партий на шкале «власть — оппозиция» сейчас во многом определяется событийным контекстом. Если на протяжении предшествующих 30 лет власть вызывала исключительно негативные ассоциации, то в условиях СВО отношение к ней, равно как и к оппозиции, заметно изменилось. Хотя оппозиционные партии рассматриваются респондентами как необходимый элемент демократии, налицо отчетливая тенденция к консолидации вокруг власти. Интересно, что, наряду с «Единой Россией», чья связь с властью полностью очевидна, в качестве скорее провластных, нежели оппозиционных, воспринимаются КПРФ, ЛДПР и СРЗП. По сути, единственной партией, которую опрошенные считают оппозицией, оказываются «Новые люди», да и то условно.

Образы партийных лидеров. Для нашей политической культуры всегда была характерна высокая степень персонификации власти,

¹⁰ Затонских 2014.

институтов, государства. Это в известной мере относится и к партиям. Существенное влияние образов лидеров на восприятие партий уже зафиксировано исследователями¹⁰. Помимо всего прочего, партии, во главе которых стоят незаурядные фигуры, имеют гораздо больше шансов на привлечение сторонников. Однако после смерти харизматичного Жириновского на российском партийном поле осталось не так много ярких лидеров. Лидеры КПРФ и СРЗП постарели и настолько долго находятся на политической сцене, что способствуют не росту, а снижению влияния своих партий. А в случае «Единой России» гражданам в принципе трудно определить, кто же ей управляет: Владимир Путин, который даже не является ее членом, формально возглавляющий партию Дмитрий Медведев или не слишком раскрученный секретарь Генерального совета ЕР Турчак, фактически руководящий ее повседневной работой.

Как видно из *табл. 6*, доля заведомых противников у всех партийных лидеров заметно превышает долю сторонников, что свидетельствует о серьезных проблемах с партийным лидерством в целом. При этом восприятие этих лидеров порою полностью оторвано от реальности. Так, покойный Жириновский вызывает у респондентов больше надежд, чем исправно функционирующие Зюганов и Миронов (см. *табл. 7*).

Таблица 6 Распределение ответов на вопрос «Если этот человек будет участвовать в выборах, будете ли вы за него голосовать?» (в %)

	Слуцкий	Зюганов	Миронов	Нечасев	Турчак
Точно буду	5	5	4	6	6
Скорее буду	5	15	15	19	14
Скорее не буду	15	11	21	14	10
Точно не буду	43	65	41	38	40
Затрудняюсь ответить	32	4	19	23	30

Примечательно, что для более чем половины опрошенных наличие яркого и авторитетного лидера — важная характеристика идеальной партии, и только 7% готовы проголосовать за партию без лидера (см. *табл. 4*). Это подтверждает высокую персонифицированность нашего политического восприятия вообще и партий в частности.

Посмотрим теперь, лидеров каких действующих партий опрошенные считают успешными.

Приведенные в *табл. 8* данные показывают, что при всех претензиях к «Единой России» деятельность ее руководства оценивается пози-

Таблица 7 Распределение ответов на вопрос «В отношении кого из политиков у вас больше всего надежд?» (в %)

Жириновский	15
Слуцкий	22
Зюганов	10
Миронов	14
Нечаев	16
Турчак	31
Никто из них	33
Затрудняюсь ответить	10

Таблица 8 Распределение ответов на вопрос «Лидер этой партии успешно справляется со своими обязанностями?» (в %)

«Единая Россия»	36
КПРФ	14
ЛДПР	9
СРЗП	6
«Новые люди»	7
Затрудняюсь ответить	28

тивнее других. Хуже всего в этом плане обстоит дело у СРЗП. Вместе с тем стоит отметить высокую долю затруднившихся с оценкой партийных лидеров, что является барьером для создания образов всех партий.

Обращает на себя внимание высокая узнаваемость партийных лидеров. Например, лидера КПРФ знают 80% респондентов. Более того, в ответах на открытый вопрос о лидерах этой партии были упомянуты еще 20 имен.

Более сложная ситуация с «Единой Россией». С одной стороны, в числе ее лидеров, наряду с Путиным, опрошенные назвали Медведева (53%) и еще порядка 40 деятелей, что говорит о широкой известности представителей этой партии. С другой стороны, такая известность отнюдь не всегда равнозначна привлекательности.

Довольно хорошо осведомлены респонденты и о лидерском составе СРЗП: в списке перечисленных ими лидеров этой партии, помимо Миронова (53%), фигурируют более 20 других фамилий. Однако удерживают партию на плаву не столько достоинства ее лидеров, сколько близкие людям идеи социальной справедливости, с которыми она ассоциируется.

ЛДПР является второй по привлекательности партией во многом благодаря тому, что при Жириновском она была партией лидерско-

го типа. Теперь перед ней стоит задача сохранить свой образ. И хотя, кроме Слуцкого, опрошенные вспомнили еще 20 партийных лидеров, ЛДПР предстоит сформулировать адекватные новой ситуации идеи, структурные и ценностные принципы своей работы.

Руководителя «Новых людей» Нечаева назвали 28,9% респондентов, добавив к нему еще около 20 имен, что совсем неплохо для молодой политической организации. Но сама партия от этого не перестает восприниматься как слабая и безответственная, а ее лидер Нечаев — как неэффективный.

Заключение

Суммируя полученные в ходе исследования результаты, можно констатировать, что в восприятии российских политических партий и их лидеров есть как вполне устоявшиеся тенденции, не подвергшиеся воздействию ПСО, так и существенные сдвиги.

Применительно к устоявшимся тенденциям следует отметить три важных параметра восприятия, оставшихся неизменными.

1. Несмотря на озабоченность граждан военными действиями и порождаемый ими высокий уровень тревожности, партии не потеряли своего значения для избирателей. Вместе с тем растет запрос на серьезный пересмотр привычных форм партийной деятельности, а также тех ценностей и смыслов, с которыми партии обращаются к обществу.

2. У российских партий по-прежнему отсутствует четкая идеологическая идентификация. Чаще всего граждане определяют идеологию партии по ее названию (особенно в случае ЛДПР и КПРФ). Сегодня всем партиям, как никогда раньше, важно определиться с ключевыми содержательными акцентами в идеологических компонентах своих образов.

3. Восприятие политических партий все еще во многом остается персонафицированным.

Что касается сдвигов в содержании образов партий, то здесь тоже заслуживают внимания три момента. Во-первых, изменилось то место, которое занимает та или иная партия в рамках дихотомии «власть — оппозиция». В восприятии граждан снизилась привлекательность оппозиционности и одновременно выросла поддержка провластного подхода. Новая политическая реальность требует от партий не столько демонстрации своей независимости от власти и дистанцирования от нее, что встречало понимание у электората раньше, сколько работы по сплочению общества в условиях внешней угрозы.

Во-вторых, сегодня востребован образ не радикальной (левой или правой), а скорее центристской партии. Популярность эпатажного стиля тоже осталась в прошлом. Многим партиям предстоит выстраивание образа «серьезного» политического игрока, предлагающего пути консолидации страны.

В-третьих, если до начала 2020-х годов доминирующим был консервативный тренд, то в нынешней ситуации более востребованы со-

циал-демократические и либеральные ценности. При этом в обществе есть запрос на ряд идеологических дискурсов, явно недостаточно представленных в программных документах партий: это экологическая повестка, темы защиты прав человека, борьбы с коррупцией и т.п.

В целом обнаружилось, что прежние образы и формы деятельности всех партий уже не полностью отвечают ожиданиям граждан. Все российские партии, включая те, что имеют солидную электоральную поддержку, нуждаются в серьезном ребрендинге, если хотят сохранить своих последователей.

В этой работе по приведению своих образов в соответствие с новой политической реальностью партии столкнутся с нешуточной проблемой. Чтобы привлечь внимание избирателей, им надо отстроиться от других партий, но решение текущих и перспективных задач, стоящих перед страной, требует объединения усилий всех партий. Это означает, что партиям придется искать формы совместной деятельности, которая в нынешних условиях становится более важной, чем конкуренция.

Библиография

Авакьян С.А. (2011) *Конституционно-правовой статус политических партий в России*. М.: Норма.

Аль-Дайни М.А. (2018) «Специфика формирования типов электорального поведения в современной России: политико-психологический анализ» // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Общественные науки*, № 2 (800): 9–26.

Берлявский Л.Г. и А.В.Махова. (2022) «Характер современной партийной системы и конституционно-правовой статус политических партий в России» // *Политическая концептология*, № 1: 162–173. URL: <https://politconcept.sfedu.ru/2022.1/12.pdf> (проверено 29.06.2023).

Букреева О.В. (2011) «Образ российской власти и политических лидеров в концептуальном пространстве демотивационных постеров» // *Полис. Политические исследования*, № 5: 117–122. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2011/5/10.pdf> (проверено 29.06.2023).

Гельман В.Я. (2008) «Политические партии в России: от конкуренции — к иерархии» // *Полис. Политические исследования*, № 5: 135–152. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2008/5/12.pdf> (проверено 29.06.2023).

Затонских А.В. (2014) *Влияние образов лидеров на восприятие политических партий в современной России*. Дисс. ... канд. полит. наук. М.: МГУ им. М.В.Ломоносова.

Зверев А.А., И.С.Палитай, Н.В.Смулькина и А.И.Рогозарь. (2016) «Особенности политического восприятия в современных российских условиях» // *Полис. Политические исследования*, № 3: 40–54. URL: https://www.politstudies.ru/files/File/2016/3/Polis_3_2016-Zverev.pdf (проверено 29.06.2023).

Коргунюк Ю.Г. (2018) «Партийная система современной России: Основной вектор развития» // *Актуальные проблемы Европы*, № 2: 202—224.

Лебедев А.Н. и О.В.Гордякова. (2019) «Психологическое состояние общества и феномен психологической поляризации» // *Социальная и экономическая психология*, № 3: 22—45.

Макушева М.О. и Т.А.Нестик. (2020) «Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии» // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 6: 427—447.

Нестик Т.А., А.В.Селезнева, Е.Б.Шестопап и А.В.Юревич. (2021) «Проблема психологического состояния общества и политических процессов в современной России» // *Вопросы психологии*, т. 67, № 5: 3—14.

Палитай И.С. и Е.Б.Шестопап. (2014) «Психологические особенности восприятия политических партий в современной России» // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*, № 4: 28—51.

Пищева Т.Н. (2011) «Политические образы: проблемы исследования и интерпретации» // *Полит. Политические исследования*, № 2: 47—52. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2011/2/5.pdf> (проверено 29.06.2023).

«Психология политического восприятия в современной России: материалы круглого стола». (2013) // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*, № 6: 106—126.

Усманова З.Р. (2021) «Образы идеальных парламента и политической партии в сознании российских граждан: результаты политико-психологического исследования» // *Власть*, т. 29, № 4: 187—192.

Шестопап Е.Б. (2022а) «Психологическое самочувствие российского общества на фоне стремительных политических перемен» // Горшков М.К., ред. *Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения)*. М.: Весь Мир: 216—230.

Шестопап Е.Б. (2022б) «Влияние психологического состояния российского общества на публичную политику» // *Политическая наука*, № 3: 181—203. URL: http://inion.ru/site/assets/files/7077/09_shestopal.pdf (проверено 29.06.2023).

Шестопап Е.Б., ред. (2012) *Психология политического восприятия*. М.: РОССПЭН.

Шестопап Е.Б., ред. (2019) *Власть и лидеры в восприятии российских граждан: Четверть века наблюдений (1993—2018)*. М.: Весь Мир.

Юревич А.В. (2019) «Психологическое состояние современного российского общества: новые тенденции» // Журавлев А.Л., Е.А.Сергиенко и Г.А.Виленская, ред. *Разработка понятий в современной психологии*. Т. 2. М.: Институт психологии РАН: 709—729.

Daniele G., A.F.M.Martinangeli, F.Passarelli, W.Sas, and L.Windsteiger. (2020) *Wind of Change? Experimental Survey Evidence on the COVID-19 Shock and Socio-Political Attitudes in Europe*. CESifo Working Paper № 8517. Munich: Center for Economic Studies and Ifo Institute. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/223589/1/cesifo1_wp8517.pdf (accessed on 29.06.2023).

E.B.Shestopal

POLITICAL PARTIES AND THEIR LEADERS' PUBLIC PERCEPTION AGAINST BACKGROUND OF CURRENT PSYCHOLOGICAL STATE OF RUSSIAN SOCIETY

Elena B. Shestopal — Doctor of Philosophy; Professor; Chair of the Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. E-mail: shestop0505@rambler.ru.

Abstract. The article is devoted to the images of the Russian parties and their leaders against the background of the changes in the psychological state of our society in the modern conditions. The study was based on qualitative and quantitative research conducted in late 2022 — early 2023 in 22 regions. The object of the study were five parties represented in the State Duma (United Russia, The Communist Party of the Russian Federation, The Liberal Democratic Party, A Just Russia — For Truth, New People) and their leaders (A.Turchak, G.Zyuganov, V.Zhirinovskiy, L.Slutskiy, S.Mironov, and A.Nechaev). The research methodology included a survey, an in-depth interview, a semantic differential, a projective test, and a directed associations method. The study was not representative of the country as a whole, but the sample was balanced in terms of gender, age and education.

The study demonstrated that the high level of anxiety and concerns of citizens about military actions did not affect a number of perception parameters, such as the attitude towards parties as a necessary part of the democratic process, the lack of a clear ideological identification of parties, and the personification of party images. At the same time, some parameters have undergone a significant transformation. First, the perception of a position of parties

within the framework of the dichotomy “power — opposition” has changed. The Communist Party of the Russian Federation, A Just Russia — For Truth and The Liberal Democratic Party have lost a significant part of their image as opposition in the perception of citizens, while support for United Russia, which is clearly associated with the authorities, has increased. Second, the popularity of a flamboyant style has become a thing of the past, and today the image of the centrist party is the most attractive for voters. The new political reality requires that parties work to consolidate the society in the face of an external threat rather than demonstrate their independence and distance themselves from the authorities. Third, if before the beginning of the 2020s the demand for conservatism prevailed in the society, in the current situation social democratic and liberal values are more in demand.

Keywords: party image, party leader’s image, political perception, psychological state of society, new political reality

References

Al-Dainy M.A. (2018) “Spetsifika formirovaniya tipov electoral’nogo povedeniya v sovremennoj Rossii: politiko-psikhologicheskij analiz” [Specifics of Types Formation of Electoral Behavior in Modern Russia: Political-Psychological Analysis] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta. Serija: Obščestvennye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences], no. 2 (800): 9—26. (In Russ.)

Avakyan S.A. (2011) *Konstitucionno-pravovoj status političeskikh partij v Rossii* [Constitutional and Legal Status of Political Parties in Russia]. Moscow: Norma. (In Russ.)

Berlyavsky L.G. and A.V.Makhova. (2022) “Kharakter sovremennoj partijnoj sistemy i konstitucionno-pravovoj status političeskikh partij v Rossii” [Nature of Modern Party System and Constitutional Legal Status of Political Parties in Russia] // *Političeskaja kontseptologija* [The Political Conceptology], no. 1: 162—173. URL: <https://politconcept.sfedu.ru/2022.1/12.pdf> (accessed on 29.06.2023). (In Russ.)

Bukreyeva O.V. (2011) “Obraz rossijskoj vlasti i političeskikh liderov v kontseptual’nom prostranstve demotivatsionnykh posterov” [Image of the Russian Power and of Political Leaders in the Conceptual Space of Demotivation Posters] // *Polis. Političeskie issledovanija* [Polis Political Studies], no. 5: 117—122. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2011/5/10.pdf> (accessed on 29.06.2023). (In Russ.)

Daniele G., A.F.M.Martinangeli, F.Passarelli, W.Sas, and L.Windsteiger. (2020) *Wind of Change? Experimental Survey Evidence on the COVID-19 Shock and Socio-Political Attitudes in Europe*. CESifo Working Paper № 8517. Munich: Center for Economic Studies and Ifo Institute. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/223589/1/cesifo1_wp8517.pdf (accessed on 29.06.2023).

Gelman V.Ya. (2008) “Političeskie partii v Rossii: ot konkurentsii k ierarkhii” [Political Parties in Russia: from Competition to Hierarchy] //

Polis. Politicheskie issledovanija [Polis Political Studies], no. 5: 135—152. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2008/5/12.pdf> (accessed on 29.06.2023). (In Russ.)

Korgunyk Yu.G. (2018) “Partijnaja sistema sovremennoj Rossii: Osnovnoj vector razvitija” [Party System in Modern Russia: Main Vector of Development] // *Aktual'nye problemy Evropy* [Current Problems of Europe], no. 2: 202—224. (In Russ.)

Lebedev A.N. and O.V.Gordyakova. (2019) “Psikhologicheskoe sostojanie obshchestva i fenomen psikhologicheskoy poljarizatsii” [Psychological State of Society and Phenomenon of Psychological Polarization] // *Sotsial'naja i ekonomicheskaja psikhologija* [Social and Economic Psychology], no. 3: 22—45. (In Russ.)

Makusheva M.O. and T.A.Nestik. (2020) “Sotsial'no-psikhologicheskie predposylki i efekty doverija sotsial'nym institutam v uslovijakh pandemii” [Socio-Psychological Preconditions and Effects of Trust in Social Institutions in a Pandemic] // *Monitoring obshchestvennogo mnenija: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], no. 6: 427—447. (In Russ.)

Nestik T.A., A.V.Selezneva, E.B.Shestopal, and A.V.Yurevich. (2021) “Problema psikhologicheskogo sostojanija obshchestva i politicheskikh protsessov v sovremennoj Rossii” [The Problem of the Psychological State of Society and Political Processes in Modern Russia] // *Voprosy psikhologii* [Psychology Issues], vol. 67, no. 5: 3—14. (In Russ.)

Palitai I.S. and E.B.Shestopal. (2014) “Psikhologicheskie osobennosti vosprijatija politicheskikh partij v sovremennoj Rossii” [Psychological Features of Perception of Political Parties in Modern Russia] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12: Political Science], no. 4: 28—51. (In Russ.)

Pishcheva T.N. (2011) “Politicheskie obrazy: problemy issledovanija i interpretatsii” [Political Images: Problems of Investigation and of Interpretation] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis Political Studies], no. 2: 47—52. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2011/2/5.pdf> (accessed on 29.06.2023). (In Russ.)

“Psikhologija politicheskogo vosprijatija v sovremennoj Rossii: materialy kruglogo stola” [Psychology of Political Perception in Modern Russia: A Round Table] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12: Political Science], no. 6: 106—126. (In Russ.)

Shestopal E.B. (2022a) “Psikhologicheskoe samochuvstvie rossijskogo obshchestva na fone stremitel'nykh peremen” [Psychological Well-Being of Russian Society against the Background of Rapid Political Changes] // Gorskov M.K., ed. *Istoricheskoe soznanie rossijan: otsenki proshlogo, pamjat', simvoly (opyt sotsiologicheskogo izmerenija)* [Historical Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Memory, Symbols (An Experience of Sociological Measurement)]. Moscow: Ves' Mir: 216—230. (In Russ.)

Shestopal E.B. (2022b) “Vlijanie psikhologicheskogo sostojanija rossijskogo obshchestva na publichnuju politiku” [The Psychological Influence of Russian Society on Public Policy] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 3: 181–203. URL: http://inion.ru/site/assets/files/7077/09_shestopal.pdf (accessed on 29.06.2023). (In Russ.)

Shestopal E.B., ed. (2012) *Psikhologija politicheskogo vosprijatija* [Psychology of Political Perception]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Shestopal E.B., ed. (2019) *Vlast' i lidery v vosprijatii rossijskikh grazhdan: Chetvert' veka nabljudenij (1993–2018)* [Authorities and Leaders in Perception of Russian Citizens (1993–2018)]. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)

Usmanova Z.R. (2021) “Obrazy ideal'nykh parlamenta i politicheskoy partii v soznanii grazhdan: rezul'taty politiko-psikhologicheskogo issledovanija” [Images of Ideal Parliament and Political Party in the Consciousness of Russian Citizens: Results of Political and Psychological Research] // *Vlast'* [The Authority], vol. 29, no. 4: 187–192. (In Russ.)

Yurevich A.V. (2019) “Psikhologicheskoe sostojanie sovremennogo rossijskogo obshchestva: novye tendentsii” [Psychological State of Contemporary Russian Society: New Trends] // Zhuravlev A.L., E.A.Sergienko, and G.A.Vilenskaya, eds. *Razrabotka ponjatij v sovremennoj psikhologii* [Concept Development in Modern Psychology]. Vol. 2. Moscow: Institut psikhologii RAN: 709–729. (In Russ.)

Zatonskikh A.V. (2014) *Vlijanie obrazov liderov na vosprijatie politicheskikh partij v sovremennoj Rossii* [Leaders' Images Impact on Perception of Political Parties in Modern Russia]. Ph.D. diss. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)

Zverev A.L., I.S.Palitay, N.V.Smulkina, and A.I.Rogozar. (2016) “Osobennosti politicheskogo vosprijatija v sovremennykh rossijskikh usloviyakh” [Specifics of Political Perception in Contemporary Russia] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis Political Studies], no. 3: 40–54. URL: https://www.politstudies.ru/files/File/2016/3/Polis_3_2016-Zverev.pdf (accessed on 29.06.2023). (In Russ.)

К. В. Душенко
«ТЮРЬМА НАРОДОВ»:
РОЖДЕНИЕ МЕТАФОРЫ

Константин Васильевич Душенко — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела культурологии Института научной информации по общественным наукам Российской Академии наук. Для связи с автором: kdushenko@nlm.ru.

Аннотация. В статье рассматривается возникновение образа «тюрьма народов» в европейской культуре. Чаще всего этот образ возводят к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». Однако де Кюстин, в сущности, замечает в Российской империи лишь один поработанный народ, а именно польский. Представление о «тюрьме народов» укоренилось лишь после выхода на политическую сцену «неисторических» народов Центральной и Восточной Европы. Образ России как тюрьмы народов восходит к польской и в еще большей степени к украинской литературе и публицистике. В украинской печати именование России тюрьмой народов становится обычным в 1900-е годы. В наиболее развернутом виде эта метафора представлена в статье «Единство или распадение?» Михаила Грушевского. Важную роль образ тюрьмы народов играл в программных документах австрофильских украинских организаций эпохи Первой мировой войны. При этом украинские деятели не забывали и о польском национализме, который «хотел бы построить новую „тюрьму народов“» в возрожденной Польше. В польской печати 1900—1917 гг. о тюрьме народов упоминалось реже, и не в документах программного характера. Ленин, по-видимому, заимствовал формулу «тюрьма народов» из украинской либо польской печати. Из ленинской публицистики она перешла в советский политический язык. Вплоть до Первой мировой войны тюрьмой народов именовалась почти исключительно Россия; затем эта метафора стала применяться и к другим странам, прежде всего к Австро-Венгрии.

Ключевые слова: политический язык, национализм, империя, русско-украинские отношения, Астольф де Кюстин, Юзеф Игнацы Крашевский, Михаил Грушевский, Владимир Ленин

Существуют два устойчивых представления о происхождении метафоры «тюрьма народов». Согласно первому, метафора считается ленинской; согласно второму, ныне преобладающему в России, она по-

явилась в Западной Европе в середине XIX в. Первое неверно, а второе сомнительно — во всяком случае, если речь идет о России как «тюрьме народов».

* * *

Чаще всего образ тюрьмы народов возводят к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» (1843), самому известному зарубежному сочинению о России. «Империя эта, — писал де Кюстин, — при всей своей необъятности — не что иное, как тюрьма, ключ от которой в руках у императора», а Николай I — «тюремщик третьей части земного шара»¹.

¹ Кюстин 2008: 225, 357.

Из этих цитат (в другом переводе) в справочнике по крылатым словам следует вывод: «Образ, созданный де Кюстином, не был забыт и вошел в нашу речь в лаконичной формулировке „тюрьма народов“².

² Ашукин и Ашукина 1960: 613.

Действительно, образ николаевской России как огромной тюрьмы проходит лейтмотивом через всю книгу де Кюстина; в этой тюрьме все узники, сверху донизу. Однако Кюстин, в сущности, замечает в Российской империи лишь один порабощенный народ, а именно польский. «Средства, способствующие прогрессу у калмыков, — полагает он, — являются преступлением по отношению к народу, далеко ушедшему по пути цивилизации»³. И даже тут де Кюстин делает оговорку: «китайская стена», разделяющая Россию и Францию как представительницу Европы, — «славянский характер и язык», а в этом отношении поляки оказываются в одном ряду с русскими: «за Вислой начинается Сибирь»⁴.

³ Кюстин 2008: 349.

⁴ Там же: 159.

И далее: «Власть над народами более дикими и рабскими, нежели она сама, принадлежит России по праву; эта власть — ее удел, она, простите мне это выражение, начертана в книге ее будущего; что же до влияния России на народы более просвещенные, оно весьма сомнительно»⁵. «Более просвещенными» во времена де Кюстина считались, кроме поляков, прибалтийские немцы и шведы Финляндии; но те и другие едва ли могли рассматриваться как особые народы, тем более — как народы порабощенные.

⁵ Там же: 496.

Тем не менее в первом русском переводе (а не пересказе) книги Кюстина (1996) мы находим выражение «тюрьма народов»: «...Тюрьма, дворец, святилище; крепостной вал для защиты от иноземцев, укрепленный замок для защиты от черни, оплот тиранов, тюрьма народов — вот что такое Кремль!»⁶.

⁶ Там же: 404.

⁷ *Cachot — тюремная камера без окон, каземат, а также карцер; русскому слову «тюрьма» обычно соответствует «prison».*

В оригинале: «geôle, palais, sanctuaire; boulevard contre l'étranger, bastille contre la nation, appui des tyrans, cachots⁷ des peuples»⁸. Автор английского перевода, вышедшего почти одновременно с французским изданием, не обнаружил в этом пассаже «народов» и перевел: «a bulwark against the nation's foes, a bastille against the nation, a prop of tyrants, a prison of people» («бастион против врагов нации, крепость против нации, оплот тиранов, тюрьма народа») ⁹.

⁸ Custine 1843a: 288.

⁹ Custine 1843b: 304.

В самом деле: контекст высказывания не позволяет увидеть тут народы во множественном числе. Кремль для Кюстина — резиденция

Ивана Грозного, а не российских императоров. Мысль о Московском государстве XVI в. как о тюрьме народов была совершенно чужда образованному европейцу 1840-х годов. К тому же Кремль, вполне конкретное сооружение, едва ли годился на роль метафорической «тюрьмы народов». Нам не известен ни один случай подобного словоупотребления: «тюрьма народов» неизменно предполагает некое географическое пространство.

В этом фрагменте «la nation» — не чернь, а народ как нация. «Peuples» обычно означает «народы», но встречается также в значении «народ», «население». Это значение к середине XIX в. воспринималось, по видимому, как устаревшее, однако в процитированном фрагменте речь идет о глубоком прошлом; именно поэтому Кюстин пользуется словом «geôle» (темница). Возможный перевод процитированного фрагмента: «...Темница, дворец, святилище; бастион для защиты от чужеземцев, крепость для защиты от соотечественников, оплот тиранов, казематы для народа».

Первое известное нам упоминание о тюрьме народов в западной печати появилось уже после Весны народов (1848—1849) и принадлежало Лайошу Кошуту, вождю Венгерской революции. В речи, прочитанной им в Плимутской церкви Нью-Йорка 18 декабря 1851 г., говорилось о «миролюбцах», которые желали бы сохранить спокойное положение дел в Европе; но «спокойное положение дел — это просто тюрьма народов (the prison of nations)¹⁰. Здесь метафора относится к Европе в целом, причем Кошут, конечно, имел в виду только «исторические народы», отнюдь не включая в их число славян Австрийской империи (кроме поляков).

¹⁰ *The Life 1852:*
122—123.

Пять лет спустя французский историк Ипполит Кастий писал о политике Австрии после Весны народов: «...Скорее тюремщица народов, чем тюремщица нации (geolière de peuples plutôt que nation), она трудилась ради демократических идей, потому что именно в тюрьмах подобные мысли ценятся выше всего; <...> в конечном итоге она становится всего лишь полицией (la gendarmerie) Центральной Европы на благо России¹¹. Здесь, как мы полагаем, нет речи специально о национальном угнетении; автор скорее хотел подчеркнуть, что Австрия не нация, а конгломерат различных этносов (peuples).

¹¹ *Castille 1856:*
141.

Образ Австрии как «тюремщицы народов» не получил развития во французской печати XIX в.; то же относится к обороту «the prison of nations» в англоязычной печати. Кюстиновский оборот «cachots des peuples» также никогда не использовался в значении «тюрьма народов».

В статье немецкого востоковеда и дипломата Георга Розена «Русский экспансионизм» читаем: «Мы еще не утратили надежду на то, что царская империя когда-нибудь окончательно перестанет быть огромной тюрьмой народа (VölkerGefängnis)¹². В публицистике XX в. «Völkergefängnis» — «тюрьма народов», но контекст статьи Розена исключает такое понимание; «Völker» здесь буквально означает «людей». Национальный вопрос в статье не затрагивается, речь идет лишь о русском народе, он

¹² *Rosen 1887:* 299.

же «московитский народ» (Moskowiter-Volke), состоящий, по мнению автора, «из множества разных племен (Stämmen), имеющих мало общего с настоящим славянством»¹³.

¹³ *Ibidem.*

* * *

Образ России как тюрьмы народов восходит к польской и, вероятно, в еще большей степени к украинской литературе и публицистике.

В 1832 г. увидел свет цикл стихотворений Адама Мицкевича о России, помещенный в поэме «Дзяды. Часть третья» под общим заглавием «Отрывок» («Ustęp»)¹⁴. В предисловии к поэме Мицкевич пишет о территориях Речи Посполитой, отошедших к России: «...Вся страна, от Просны до самого Днепра и от Галиции до Балтийского моря, была изолирована и превращена в громадную тюрьму. Весь административный аппарат превращен был в одно гигантское орудие пытки для поляков»¹⁵. Уточнение «для поляков» лишний раз свидетельствует о том, что для Мицкевича население Речи Посполитой составляет одну нацию с общей историей и культурой: в «громадной тюрьме от Галиции до Балтийского моря» содержался, в представлении автора «Дзядов», только один народ.

¹⁴ *Образ России в этом цикле см. Душенко 2019а.*

¹⁵ *Мицкевич 1952: 125.*

Пожалуй, ближе к образу российской тюрьмы народов подошел Тарас Шевченко, представитель нации «неисторической», с точки зрения тогдашнего европейца:

А тюрем! а люду!.. Що й лічить!
Од молдованина до фінна
На всіх языках все мовчить...
[А тюрем! а народу!.. Не сосчитать!
От молдаванина до финна
На всех языках всё молчит...]
(Поэма «Кавказ», 1845)¹⁶.

¹⁶ *Шевченко 1957: 280.*

Самым популярным польским прозаиком до Генрика Сенкевича был Юзеф Игнацы Крашевский (1812—1887). Попыткой осмыслить поражение Польского восстания 1863—1864 гг. стала его повесть «Мы и Они» (1865). Описание России дается здесь в духе III части «Дзядов» Мицкевича:

«Кто видел, кто описал эту страну — закрытую, замкнутую, закланную, усыпленную, зажатую в железных тисках деспотизма, эту огромную тюрьму народов (więzienie ludów)? Если и вырвется из нее охваченный ужасом невольник, губы его дрожат, он не смеет сказать, что видел, чтобы голос его не достиг ушей мучителей, чтобы незримые руки не схватили его опять и не затворили навеки в этой гробнице живых. <...>

Над тысячемильной пустыней, где человек проходит редко и боязливо, царит гробовая тишь — ни отрадного гомона жизни, ни раскованности свободы; беспокойно пробегает просторы испуганный раб,

¹⁷ Kraszewski 1865: 237—238.

только цепи гремят да стон раздается — в назидание прочим, и команда перекатывается из уст в уста: молчать и повиноваться!»¹⁷

Но и тут контекст заставляет усомниться в том, что речь идет о порабощенных народах во множественном числе. Кроме поляков («Мы») и «москалей» («Они»), никаких других народов в повести нет; и едва ли Крашевский — как и Мицкевич — считал отдельными народами непольскоязычное население Речи Посполитой. Заметим также, что во времена Крашевского русскому слову «народ» в значении «нация» соответствовало слово «naród», тогда как слово «lud» относилось к этническим общностям более низкого порядка. В сетевом словаре Польского научного издательства дается следующее определение «lud» в этом (этническом) значении: «Люди, проживающие на одной территории, имеющие общую культуру и язык, но не обладающие национальным самосознанием и традицией государственности»¹⁸.

¹⁸ Lud s.a.

Несмотря на огромную популярность Крашевского-романиста, выражение «więzienie ludów», по-видимому, не получило заметного отклика в польской печати XIX в.; художественная метафора еще не вошла в политический язык. Оборот «więzienie narodów» (то есть собственно наций) встречается у львовского католического проповедника Блажея Яшовского, но в совершенно другом контексте: «...Ложное просвещение... провозгласило его (Христа. — К.Д.) царство, то есть святую католическую церковь, делом рук человеческих, узилищем народов, порабощением свободы человека»¹⁹.

¹⁹ Jaszowski 1895: 69.

* * *

Политическое развитие Европы с середины XIX в. шло под знаком «принципа национальностей» (*фр.* principe des nationalités). Долгое время и в либеральных, и в революционных кругах этот принцип применялся лишь к «историческим нациям». «...Принцип национальностей, — писал польский католический публицист граф Эдуард Лубеньский, — <...> требует, чтобы народы, имеющие свой язык и свою историю, не находились под чужеземной властью. Чем более цивилизован народ, чем отчетливее его индивидуальный характер, чем больше его слава в прошлом, тем больше несправедливости в угнетении столь развитой нации»²⁰.

²⁰ Lubiński 1852: 15.

Фридрих Энгельс в 1866 г. разъяснял: «...Мы видим различие между „принципом национальностей“ и старым положением демократии и рабочего класса о праве крупных европейских наций на отдельное и независимое существование». «Право на национальное существование», по Энгельсу, принадлежит «историческим народам Европы». В Восточной Европе он видит лишь «груды перемешанных обломков наций, которые даже и теперь этнолог едва может различить, и где в полном беспорядке перемешаны турки, финские мадьяры, румыны, евреи и около дюжины славянских племен»²¹.

²¹ Энгельс 1960: 161, 162.

²² Наименование это условно; как правило, национальные идеологи обращались к прерванной традиции собственной государственности — реальной или заново конституируемой.

«Неисторические» народы²² вышли на политическую сцену сперва в Австрийской и Османской империях, а в Российской — лишь на рубе-

же XIX—XX вв. Новые национальные движения опирались по преимуществу на непривилегированные слои, а их политические организации с конца XIX в. тяготели к лагерю социал-демократии. Именно поэтому в 1896 г. Лондонский конгресс II Интернационала провозгласил «право всех наций на самоопределение» (курсив наш. — К.Д.). Тогда же, на рубеже XIX—XX вв., выражение «тюрьма народов» входит в политический язык — и почти всегда речь идет о России, в которой положение национальных меньшинств было, вообще говоря, гораздо хуже, чем в соседней Австро-Венгрии.

* * *

В 1899 г. в Галиции была основана Украинская социал-демократическая партия (УСДП), а в 1900 г. — ее филиальная студенческая организация «Молодая Украина». Осенью 1900 г. член УСДП Евгений Косевич поместил в журнале «Молодая Украина» некролог Вильгельму Либкнехту. Одну из главных заслуг Либкнехта Косевич видел в том, что «Россия, эта „тюрьма народов“ (тюрма народів), была для него олицетворением тирании, а борьба против России — отправной точкой его взглядов на внешнюю политику»²³.

²³ Косевич 1900: 341.

Тут следует заметить, что Либкнехт действительно считал самодержавную Россию главной угрозой европейской демократии и даже европейской цивилизации, но вместе с тем, как и Энгельс, отвергал «принцип национальностей» — «наиболее удобный для деспотов способ разъединения народов согласно правилу *divide et impera* (разделяй и властвуй!)»²⁴. Как и Энгельс, он говорил лишь о необходимости восстановления Польши. Национальный вопрос на перифериях Западной Европы был для Либкнехта инструментальным; именно поэтому во время Восточного кризиса 1870-х годов он отрицал национальное угнетение славян в Османской империи.

²⁴ Liebknecht 1878: 43.

В 1900-е годы именование России тюрьмой народов становится обычным в украинской публицистике. С 1903 г. группа украинских депутатов австрийского рейхсрата издавала в Вене журнал «Украинское обозрение» на немецком языке²⁵. Студент-юрист Мелетий Кичура писал в одном из его номеров: «...Украинцы у себя дома, будь то в дорогой Австрии, будь то в русской тюрьме народов (Völkerkerker²⁶), лишены как своих национальных, так и гражданских прав»²⁷.

²⁵ *Ruthenische Revue*, с 1906 г. *Ukrainische Rundschau*.

²⁶ *Kerker* — крепкая (подземная) тюрьма, в отличие от просто тюрьмы — *Gefängnis*.

В июне 1906 г. историк Михаил Грушевский, профессор Львовского университета и один из главных идеологов украинского национального движения, опубликовал в Петербурге статью «Единство или распадение?». Здесь метафора «тюрьма народов» дана в наиболее развернутом виде:

²⁷ Kiczura 1903: 137.

«„Княжения и народы“ влеклись, как закованные невольники, за триумфальной колесницей правящей бюрократии <...> Тюрьма народов разрасталась и распространяла свои помещения, увеличивала свои штаты и оклады и умножала армию на вербованных из отбросов тех же

народов опричников, охранявших камеры арестованных и разработавших все новые и новые способы предупреждения и пресечения.

Теперь, когда восставший народ разбивает стены всероссийской бастилии, тюремщики поднимают крик, пугая народ тем, что в случае ее разрушения готовы разбежаться все эти заключенные „княжения и царства“, „покоренные народы“ <...> Представители „покоренных народов“ отвечают уверениями, что они вовсе не замышляют удирать из дома предварительного заключения, в котором содержались до сих пор, и останутся верными единству и нераздельности России». Но, продолжает Грушевский, «уверения, хотя бы и клятвы на кандалах, которые даются невольниками пред выпуском их на свободу, не внушают никогда особого доверия». «Тюрьма народов может сохранить своих жильцов, лишь пока заперта и охраняется, в ней нет добровольных жителей». Поэтому «нужно немедля вступить на путь создания таких условий... которые превратили бы камеры предварительного заключения в свободные квартиры, в которых члены государственного союза чувствовали бы себя полноправными и свободными жильцами, а не подневольными узниками»²⁸.

²⁸ Грушевский 1906: 143—144, 148, 150—151.

Значение этой статьи специально отметил Иван Франко: «Проф. Грушевский в ответ на крики русских бюрократов и централистов, что современное освободительное движение грозит распадом единства России, в превосходном историческом очерке показывает, что такого единства нет и никогда не было, что Россия скорее тюрьма народов, чем единое государство»²⁹.

²⁹ Франко 1906: 338.

В апреле 1912 г. украинские партии Галиции выступили с воззванием о создании во Львове украинского университета. Риторика этого документа предвосхищала стиль воззваний Союза освобождения Украины в годы Первой мировой войны. Вопрос об украинском университете, утверждалось в нем, затрагивает всю Украину «от Карпат до Дона». «Вся Европа, весь цивилизованный мир не будут в безопасности, пока не будет построена плотина против хищнического наступления царизма на Запад, пока народы, закованные царизмом в цепи рабства, не обретут силу, чтобы сокрушить царскую империю, эту самую ужасную тюрьму народов»³⁰.

³⁰ Цит. по: Manifest 1912: 3.

В Первую мировую войну украинские организации в Австро-Венгрии держались австрофильской ориентации: поражение России должно было стать прологом к созданию независимой Украины. В начале августа 1914 г. Украинская партия социалистов-революционеров (УПСР) выпустила воззвание «К украинской интеллигенции в России». В 1905—1906 гг., говорилось здесь, потерпела неудачу попытка «превратить тюрьму народов в конституционное государство». Нынешняя война означает возможность «разрушить ненавистную нам тюрьму народов, самодержавную, империалистическую Россию, которая душит в своих лапах и сосет кровь уже столько народов и все еще хочет захватывать новые народы и новые земли»³¹.

³¹ Ручка 1915: 3, 4.

Созданный в Галиции Союз освобождения Украины своей ближайшей целью поставил создание конституционно-монархического

украинского государства под протекторатом Германии и Австрии. Передовица первого номера «Вестника Союза освобождения Украины» заканчивалась словами:

«Веря в окончательную победу австро-венгерской и немецкой армий и в разгром России, украинцы верят и в то, что на руинах российской империи, этой тюрьмы народов, возникнет

Свободная Независимая Украина»³².

В воззвании Союза «К украинскому народу в России» заявлялось, что австрийская армия «поможет сокрушить проклятую тюрьму народов, которая зовется царской империей»³³.

Редактор «Украинского обозрения» Владимир Кушнир писал о «чувстве сердечной радости, которое должен испытать... каждый народ, не исключая славян, если Провидение наградит объединенные усилия Центральных держав победой над тюрьмой народов, ненавистной каждому культурному человеку»³⁴.

С самого начала войны пропаганда ненависти достигла небывалого накала; при этом с обеих сторон был задействован весь арсенал наиболее одиозных национальных стереотипов. Именно в этом духе выдержаны пропагандистские документы Союза освобождения Украины. В «Обращении к болгарскому народу» от 25 августа 1914 г. Российская империя названа «могилой народов», которую следует «отбросить... к этнографическим границам старого московского царства»³⁵. В обращении «К общественному мнению Европы» от 5 октября 1914 г. утверждалось, что «война идет между культурой и варварством», а именно «панмосковитизмом» и «азиатским варварством москалей»³⁶.

В 1915 г. украинский физик Иван Пулюй (1845—1918), один из пионеров рентгенографии, издал на немецком языке брошюру «Украина и ее международное политическое значение». «Огромная российская империя, — говорилось в ней, — по праву зовется во всем мире „тюрьмой народов“»³⁷ (утверждение, заметим, неверное на момент написания брошюры). Русские («московиты») представлены в брошюре варварами, угнетающими более культурные народы; независимая Украина необходима Европе как «мощный оплот против монгольско-московитского потопа»³⁸.

Однако украинские деятели не забывали и о другом своем противнике — польском национализме. В 1915 г. социал-демократ Михаил Лозинский, активный участник Союза освобождения Украины, выступил со статьей «Как поляки понимают свою свободу». Согласно Лозинскому, польские националисты «хотели бы построить новую „тюрьму народов“, на сей раз под флагом Польши, где украинцы, белорусы, литовцы и другие народы, проживающие на этих территориях, такие как немцы и евреи, будут и дальше задыхаться, как ныне в России, лишь бы поляки могли стать европейской державой»³⁹. Подобные высказывания встречались затем в украинской печати 1920—1930-х годов.

³² *Наша платформа 1914*: 2.

³³ *До українського 1914*.

³⁴ *Kuschnir 1915*: 94.

³⁵ *Відозва 1914*: 5.

³⁶ *До громадської 1914*.

³⁷ *Puluj 1915*: 26.

³⁸ *Ibid.*: 38.

³⁹ *Lozyns'kyi 1915*: 119.

В польской печати 1900—1917 гг. о тюрьме народов упоминалось реже, и не в документах программного характера. В 1902 г. Тадеуш Гружевский, принадлежавший к национально-демократическому лагерю (так называемой эндеции), опубликовал статью «Прежние и нынешние представления о России», где, в частности, отмечалось, что в эпоху романтизма «нашим политикам... и не только политикам, царизм представлялся как черная бездна реакции, как огромная тюрьма народов (więzienie ludów), а Сибирь, арестантские роты, наконец, кнуты не были всего лишь метафорой»⁴⁰.

⁴⁰ *Grużewski 1904: 2.*

Не отказываясь от этого представления целиком, Гружевский предлагал подвергнуть его ревизии. В середине XIX в., напоминал он, «русская литература еще не вошла в Европу, никто еще не слышал о русской науке... царский режим казался последовательным в своей дикости»⁴¹. С тех пор Россия, оставаясь страной деспотической, достигла немалых успехов на поприще цивилизации, и общественное мнение Европы, «вообще говоря, относится к России благожелательно»⁴². Польскому элементу предстоит нелегкая борьба за влияние на территориях бывшей Речи Посполитой, и в этой борьбе ее условным союзником может стать зарождающееся в России украинское движение.

⁴¹ *Ibidem.*

⁴² *Ibid.: 10.*

О России как о тюрьме народов писали также авторы краковского ежесеместричника «Крутыка», неформальной трибуны Польской социалистической партии.

Ранний известный нам пример употребления оборота «тюрьма народов» в отношении Австрии — статья Франца Йессера «Об австрийской тюрьме народов под тиранией немцев» (ноябрь 1916 г.), однако здесь это наименование критикуется. Йессер (1869—1954), судетский немец и депутат рейхсрата, решительно отвергает образ Австрии как тюрьмы народов, внедряемый пропагандой стран Антанты. Он готов признать, что в венгерской части империи положение меньшинств действительно незавидно; зато народы ее австрийской части обладают широкой административной и культурно-языковой автономией. «Мы желаем ирландцам, французским итальянцам, фламандцам во Франции и Бельгии, не говоря уж о народах России, чтобы им поскорее было ниспослано благословение подобного угнетения». Славяне в Австрии «пользуются такими национальными свободами, *каких не предоставляют своим народностям ни одно государство Четверного согласия*»⁴³.

⁴³ *Jesser 1916: 179.*

Формула «австрийская тюрьма народов» получила широкое хождение в чешской печати (*takouské vězení národů*), но лишь *после* крушения монархии Габсбургов.

В апреле 1914 г. Владимир Ленин написал проект речи Григория Петровского, председателя большевистской фракции IV Государственной думы, по поводу запрещения празднования 100-летия Шевченко.

Речь произнесена не была; ленинский проект (под заглавием «К вопросу о национальной политике») вышел в свет лишь в 1924 г. Согласно Ленину, после запрещения празднования «миллионы и миллионы „обывателей“ стали... убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть „тюрьма народов“»⁴⁴.

⁴⁴ Ленин 1969а: 66.

С лета 1912 по лето 1914 г. Ленин жил в Галиции. В это время он особенно живо интересовался национальным вопросом, в том числе украинским национальным движением, и можно предположить, что формула «тюрьма народов» была заимствована им из украинской либо польской публицистики.

В статье «О национальной гордости великороссов» (декабрь 1914 г.) Ленин заявляет: «Нам, представителям великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса; — особенно в такой стране, которую справедливо называют „тюрьмой народов“»⁴⁵.

⁴⁵ Ленин 1969b: 106—107.

В 1927 г. была опубликована статья «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение», написанная Лениным на немецком языке в октябре 1915 г. Здесь цитировалась статья Карла Радека (под псевдонимом Parabellum) «Аннексии и социал-демократия»⁴⁶:

⁴⁶ Parabellum 1915.

«...Не только военная стража удерживает народы в этой „тюрьме народов“, но и потребности капиталистической экспансии». Ленин повторяет это высказывание: «Россия есть тюрьма народов»⁴⁷. Использованный Радеком оборот «Zuchthaus der Völker» (*букв.* «каторжная тюрьма народов») в позднейшей немецкоязычной печати встречается только как цитата из Ленина.

⁴⁷ Ленин 1969с: 67.

В начале 1930-х годов в СССР окончательно утвердилась формула «Царская Россия — тюрьма народов». 6 июля 1935 г. к 12-летию первой Конституции СССР Советская площадь Ленинграда была украшена двумя панно: «СССР — братство трудовых народов» и «Царская Россия — тюрьма народов»⁴⁸. В 1938 г. эта формула была включена в «Краткий курс истории ВКП(б)».

⁴⁸ Савицкий 2014.

Ставшая в СССР канонической работа Иосифа Сталина «Марксизм и национальный вопрос» (1913) своим главным предметом имела «проснувшиеся к самостоятельной жизни оттесненные нации»⁴⁹. «Период контрреволюции в России, — говорилось в ней, — принес... неверие в общие силы. <...> ...Люди начали расходиться по национальным квартирам»⁵⁰.

⁴⁹ Сталин 1954: 303.

⁵⁰ Там же: 290.

Метафора «разойтись по национальным квартирам» чрезвычайно близка к цитировавшейся выше метафоре Грушевского о «свободных квартирах» для народов федеративной России, «разбегающихся» из имперской тюрьмы. Обороты «разойтись по национальным квартирам», «разбежаться по национальным квартирам», «расташить по национальным квартирам» и т.д. стали обычными с конца 1980-х годов⁵¹. Их сталинская генеалогия была позабыта; теперь за ними просматривалась — помимо воли цитирующих — метафора расселенной советской коммуналки.

⁵¹ См. Душенко 2019b: 258.

История метафоры «тюрьма народов» требует более основательного исследования, но некоторые выводы можно сделать уже сейчас:

- 1) метафора устойчиво вошла в политический язык на рубеже XIX—XX вв.;
- 2) решающую роль тут сыграла украинская и отчасти польская публицистика;
- 3) вплоть до Первой мировой войны метафора относилась почти исключительно к России, а затем стала применяться и к другим странам, прежде всего к Австро-Венгрии.

Бібліографія

Ашукин Н.С. и М.Г.Ашукина. (1960) *Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения*. М.: Художественная литература.

«Відозва Союзу визволення України до болгарського народу». (1914) // *Вісник Союзу визволення України*, № 1: 4—5.

Грушевский М.С. «Единство или распадение?» // *Украинский вестник*, № 3: 139—151.

«До громадської думки Європи!» (1914) // *Вісник Союзу визволення України*, № 1: 2.

«До українського народу в Росії!» (1914) // *Вісник Союзу визволення України*, № 1: 8.

Душенко К.В. (2019а) «Два Петра и два Петербурга: Мицкевич и Пушкин» // *Человек: образ и сущность*, № 5: 202—234.

Душенко К.В. (2019б) *Русская история в изречениях и цитатах: Справочник*. М.: Азбука-Аттикус.

Косевич Е. (1900) «Над съвижою могилою» // *Молода Україна*, т. 1, № 9/10: 341—349.

Кюстин А. де. (2008) *Россия в 1839 году*. СПб.: Крига.

Ленин В.И. (1969а) «К вопросу о национальной политике» // Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*. Т. 25. М.: Политиздат: 64—72.

Ленин В.И. (1969б) «О национальной гордости великороссов» // Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*. Т. 26. М.: Политиздат: 106—110.

Ленин В.И. (1969с) «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение» // Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*. Т. 27. М.: Политиздат: 61—68.

Мицкевич А. (1952) *Собрание сочинений*. В 5 т. Т. 3. М.: Художественная литература.

«Наша платформа». (1914) // *Вісник Союзу визволення України*, № 1: 1—2.

Ручка Ю. (1915) *Російські соціалісти і теперішня війна*. [Відень?]: Партійна друкарня.

Савицкий С. (2014) «Формирование парка культуры и отдыха в Петергофе» // *Новое литературное обозрение*, № 2: 132—140. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/126-2014> (проверено 14.03.2021).

- Сталин И.В. (1954) «Марксизм и национальный вопрос» // Сталин И.В. *Сочинения*. Т. 3. М.: Политиздат: 290—367.
- Франко І. (1906) «Українська трибуна в Росії» // *Literaturno-naukovyi vistnyk*, т. 35, кн. 8: 335—340.
- Шевченко Т. (1957) *Кобзар*. Київ: Державне видавництво художньої літератури.
- Энгельс Ф. (1960) «Какое дело рабочему классу до Польши?» // Маркс К. и Ф.Энгельс. *Собрание сочинений*. Т. 16. М.: Политиздат: 156—166.
- Castille H. (1856) *Histoire de la seconde République française*. Vol. 4. Paris: Lecou.
- Custine A. de. (1843a) *La Russie en 1839*. Vol. 3. Paris: Amyot.
- Custine A. de. (1843b) *The Empire of the Czar*. London: Longman.
- Grużewski T. (1904) «Dawne i obecne pojęcia o Rosyi» // Grużewski T. *Państwowość rosyjska: serya rozpraw i artykułów politycznych*. Lwów: Towarzystwo Wydawnicze: 1—21.
- Jaszowski B. (1895) *Zbiór kazań na rozmaite uroczystości: które wygłosił w kościołach lwowskich*. Lwów: W.Kuczabiński.
- Jesser F. (1916) «Vom deutsch tyrannisterten österreichischen Völkergefängnis» // *Deutscher Wille: Des Kunstwart*, Heft 4: 176—181.
- Kiczura M. (1903) «Die Lage der Ruthenen in Amerika und die römische Kurie» // *Ruthenische Revue*, no. 6: 136—140.
- [Kraszewski J.I.] (1865) *My i Oni: Obrazek współczesny narysowany z natury przez B.Bolesławitę*. Poznań: J.K.Żupański.
- Kuschnir W. (1915) «Gedanken über den Krieg» // *Ukrainische Rundschau*, no. 3: 92—95.
- Liebknecht W. (1878) *Zur orientalischen Frage oder Soll Europa kosakisch werden? Ein Mahnwort an das deutsche Volk*. Leipzig: Comissions Verlag.
- Lozyns'kyi M. (1915) «Comment les Polonais comprennent leur liberté» // *La revue ukraienn*, t. 1, no. 6: 111—120.
- Lubieński E. (1852) *Guerres et révolutions d'Italie en 1848 et 1849*. Paris: Lecoffre.
- «Lud» // *Słownik języka polskiego PWN*. URL: <https://sjp.pwn.pl/sjp/lud;2479379.html> (accessed on 15.05.2022).
- «Manifest ukraiński». (1912) // *Naprzód*, no. 137: 2—3.
- Parabellum. (1915) «Annexionen und Sozialdemokratie» // *Berner Tagwacht*, no. 252—263.
- Puluł J. (1915) *Ukraina und ihre internationale politische Bedeutung*. Wien: Bund zur Befreiung der Ukraina.
- Rosen G. (1887) «Rußlands Ländergier» // *Deutsche Revue über das gesamte nationale Leben der Gegenwart*, Bd. 1, Januar-März: 288—310.
- The Life of Gov. Louis Kossuth: with His Public Speeches in the United States, and a Brief History of the Hungarian War of Independence*. (1852) New York: W.Lord.

K.V.Dushenko
“PRISON OF PEOPLES”:
BIRTH OF METAPHOR

Konstantin V. Dushenko — Ph.D. in History; Senior Researcher at the Department of Cultural Studies of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Email: kdushenko@nlh.ru.

Abstract. The article discusses the emergence of the image of the prison of peoples in the European culture. Most often, this image is traced back to the book by Astolf de Custine “Russia in 1839”. However, de Custine, in essence, talks only about one enslaved people in the Russian Empire, namely the Polish. The idea about the prison of peoples took root only after the “non-historical” peoples of the Central and Eastern Europe entered the political scene. The image of Russia as a prison of peoples dates back to the Polish and even more so to the Ukrainian literature and journalism. In the Ukrainian press, referring to Russia as a prison of peoples becomes common practice in the 1900s. Mikhail Grushevsky in his article “Unity or disintegration?” presents this metaphor in its most extensive form. The image of the prison of peoples played an important role in the program documents of the Austrophile Ukrainian organizations of the First World War era. At the same time, Ukrainian leaders did not forget about Polish nationalism, which “would like to build a new „prison of peoples“” in a revived Poland. In the Polish press in 1900—1917 the prison of peoples was mentioned less frequently, and not in program documents. Lenin most probably borrowed the formula “prison of peoples” from the Ukrainian or Polish press. From Lenin’s journalism it moved into the Soviet political language. Until the First World War, Russia was referred to almost exclusively as the prison of peoples; then the metaphor began to be applied to other countries, primarily to Austria-Hungary.

Keywords: political language, nationalism, empire, Russian-Ukrainian relations, Astolf de Custine, Józef Ignacy Kraszewski, Mikhail Grushevsky, Vladimir Lenin

References

- Ashukin N.S. and M.G.Ashukina. (1960) *Krylatye slova: Literaturnye tsitaty. Obraznye vyrazhenija* [Winged Words: Literary Quotations. Figurative Expressions]. Moscow: Khudozhestvennaja literatura. (In Russ.)
- Castille H. (1856) *Histoire de la seconde République française*. Vol. 4. Paris: Lecou.

- Custine A. de. (1843a) *La Russie en 1839*. Vol. 3. Paris: Amyot.
- Custine A. de. (1843b) *The Empire of the Czar*. London: Longman.
- Custine A. de. (2008) *Rossija v 1839 godu* [La Russie en 1839]. St Petersburg: Kriga. (In Russ.)
- “Do gromads’koj dumki Evropi!” [To the Public Opinion of Europe!] (1914) // *Visnik Sojuzu vizvolennja Ukraïni* [Bulletin of the Union for the Liberation of Ukraine], no. 1: 2. (In Ukr.)
- “Do ukraïns’kogo narodu v Rosii!” [To the Ukrainian People in Russia]. (1914) // *Visnik Sojuzu vizvolennja Ukraïni* [Bulletin of the Union for the Liberation of Ukraine], no. 1: 8. (In Ukr.)
- Dushenko K.V. (2019a) “Dva Petra i dva Peterburga: Mitskevich i Pushkin” [Two Peters and Two Petersburgs: Mickiewicz and Pushkin] // *Chelovek: obraz i sushchnost’* [Human Being: Image and Essence], no 5: 202–234. (In Russ.)
- Dushenko K.V. (2019b) *Russkaja istorija v izrechenijakh i tsitatakh: Spravochnik* [Russian History in Sayings and Quotations: a Handbook]. Moscow: Azbuka-Attikus. (In Russ.)
- Engels F. (1960) “Kakoe delo rabochemu klassu do Pol’shi?” [Was hat die Arbeiterklasse mit Polen zu tun?] // Marks K. and F.Engels. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]. Vol. 16. Moscow: Politizdat: 156–166. (In Russ.)
- Franko I. (1906) “Ukraïns’ka tribuna v Rosii” [Ukrainian Tribune in Russia] // *Literaturno-naukovyj vistyky* [Literary and Scientific Bulletin], vol. 35, no. 8: 335–340. (In Ukr.)
- Grushevsky M.S. (1906) “Edinstvo ili raspadenie?” [Unity or Disintegration?] // *Ukrainskij vestnik* [Ukrainian Bulletin], no. 3: 139–151. (In Russ.)
- Grużewski T. (1904) “Dawne i obecne pojęcia o Rosyi” // Grużewski T. *Państwowość rosyjska: serya rozpraw i artykułów politycznych*. Lwów: Towarzystwo Wydawnicze: 1–21.
- Jaszowski B. (1895) *Zbiór kazań na rozmaite uroczystości: które wygłosił w kościołach lwowskich*. Lwów: W.Kuczabiński.
- Jesser F. (1916) “Vom deutsch tyrannisterten österreichischen Völkergefängnis” // *Deutscher Wille: Des Kunstwart*, Heft 4: 176–181.
- Kiczura M. (1903) “Die Lage der Ruthenen in Amerika und die römische Kurie” // *Ruthenische Revue*, no. 6: 136–140.
- Kosevich E. (1900) “Nad s’vizhoju mogiloju” [Over a Fresh Grave] // *Moloda Ukraïna* [Young Ukraine], vol. 1, no. 9/10: 341–349. (In Ukr.)
- [Kraszewski J.I.] (1865) *My i Oni: Obrazek współczesny narysowany z natury przez B.Bolesławitę*. Poznań: J.K.Żupański.
- Kuschnir W. (1915) “Gedanken uber den Krieg” // *Ukrainische Rundschau*, no. 3: 92–95.
- Lenin V.I. (1969a) “K voprosu o natsional’noj politike” [On the Issue of National Policy] // Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Vol. 25. Moscow: Politizdat: 64–72. (In Russ.)
- Lenin V.I. (1969b) “O natsional’noj gordosti velikorossov” [On the National Pride of the Great Russians] // Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Vol. 26. Moscow: Politizdat: 106–110. (In Russ.)

Lenin V.I. (1969c) “Revolutsionnyj proletariat i pravo natsij na samoopredelenie” [The Revolutionary Proletariat and the Right of Nations to Self-Determination] // Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Vol. 27. Moscow: Politizdat: 61—68. (In Russ.)

Lieb knecht W. (1878) *Zur orientalischen Frage oder Soll Europa kosakisch werden? Ein Mahnwort an das deutsche Volk*. Leipzig: Comissions Verlag.

Lozyns'kyi M. (1915) “Comment les Polonais comprennent leur liberté” // *La revue ukraïnienn*, t. 1, no. 6: 111—120.

Łubieński E. (1852) *Guerres et révolutions d'Italie en 1848 et 1849*. Paris: Lecoffre.

“Lud” // *Słownik języka polskiego PWN*. URL: <https://sjp.pwn.pl/sjp/lud;2479379.html> (accessed on 15.05.2022).

“Manifest ukraiński”. (1912) // *Naprzód*, no. 137: 2—3.

Mickiewicz A. (1952) *Sobranie sochinenii: V 5 t.* [Complete Works: In 5 Vol.]. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaja literatura. (In Russ.)

“Nasha platforma” [Our Platform]. (1914) // *Visnik Sojuzu vizvolennja Ukraïni* [Bulletin of the Union for the Liberation of Ukraine], no. 1: 1—2. (In Ukr.)

Parabellum. (1915) “Annexionen und Sozialdemokratie” // *Berner Tagwacht*, no. 252—263.

Puluł J. (1915) *Ukraina und ihre internationale politische Bedeutung*. Wien: Bund zur Befreiung der Ukraina.

Rosen G. (1887) “Rußlands Ländergier” // *Deutsche Revue über das gesamte nationale Leben der Gegenwart*, Bd. 1, Januar-März: 288—310.

Ruchka Yu. (1915) *Rosijs'ki sotsialisti i teperishnja vijna* [Russian Socialists and the Current War]. [Vienna?]: Partijna drukarnja. (In Ukr.)

Savitskii S. (2014) “Formirovanie parka kul'tury i otdykha v Petergofe” [Formation of a Recreation Park in Peterhof] // *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], no. 2: 132—140. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/126-2014> (accessed on 14.03.2021). (In Russ.)

Shevchenko T. (1957) *Kobzar*. Kyiv: Derzhavne vidavnistvo khudozhn'oj literaturi. (In Ukr.)

Stalin I.V. (1954) “Marksizm i natsional'nyj vopros” [Marxism and the National Question] // Stalin I.V. *Sochinenija* [Works]. Vol. 3. Moscow: Politizdat: 290—367. (In Russ.)

The Life of Gov. Louis Kossuth: with His Public Speeches in the United States, and a Brief History of the Hungarian War of Independence. (1852) New York: W.Lord.

“Vidozva Sojuzu vizvolennja Ukraïni do bolgars'kogo narodu” [Appeal of the Union of the Liberation of Ukraine to the Bulgarian People]. (1914) // *Visnik Sojuzu vizvolennja Ukraïni* [Bulletin of the Union for the Liberation of Ukraine], no. 1: 4—5. (In Ukr.)

школа

А.В.Коротаев, А.И.Жданов
КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ
ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ
Опыт систематического обзора¹

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

Андрей Витальевич Коротаев — доктор исторических наук, профессор, директор Центра изучения стабильности и рисков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Института Африки РАН. Для связи с автором: akorotayev@gmail.com.

Андрей Игоревич Жданов — стажер-исследователь Центра изучения стабильности и рисков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: aizhdanov@edu.hse.ru.

Аннотация. В статье представлен систематический обзор результатов тестирования политических факторов революционной дестабилизации в работах, отнесенных авторами к пятому поколению исследований революций. Показано, что, согласно проведенным к настоящему времени количественным кросс-национальным исследованиям, одни и те же политические факторы могут по-разному влиять на вероятность начала вооруженных восстаний, с одной стороны, и невооруженных революционных выступлений — с другой. Рассмотренные авторами исследования демонстрируют, что проведение выборов увеличивает риски именно невооруженной революционной дестабилизации. Эффект диффузии в современном мире характерен больше для невооруженных, чем для вооруженных революций. Равным образом продолжительное пребывание первого лица у власти служит триггером скорее невооруженных, чем вооруженных выступлений. В свою очередь вооруженные революционные столкновения особенно часто возникают в странах с гетерогенным этническим и религиозным составом, где значительная часть населения исключена из политики по этнорелигиозным основаниям. То же самое относится и к странам, проводящим политику направленной дискриминации меньшинств. Вместе с тем существуют и факторы, чье влияние касается всех типов революционной дестабилизации. Вероятность как вооруженных, так и невооруженных революций наиболее высока в странах с политическим режимом, занимающим промежуточное положение между

полной автократией и полной демократией, то есть в частичных автократиях и частичных демократиях. И вооруженные, и невооруженные революции более вероятны там, где в недавнем прошлом уже были аналогичные события (при этом вооруженные революционные выступления увеличивают вероятность новых вооруженных восстаний, а невооруженные — новых невооруженных протестов).

Ключевые слова: революции, политические факторы революционной дестабилизации, количественный анализ

Введение

² См., напр. Goldstone 2014; Goldstone, Grinin, and Korotayev 2022a.

³ Lawson 2019: 247–248.

⁴ Goldstone 2014; Albrecht and Koehler 2020: 5.

⁵ Голдстоун 2006; Lawson 2019: 49; Goldstone, Grinin, and Korotayev 2022b.

⁶ Kurzman 2004: 117.

По оценке ряда исследователей современной политики, мы живем в новую эпоху революций². Важность изучения революций заключается в том, что, во-первых, при помощи революций осуществляются преобразования тех или иных социальных порядков, а также построение новых политических систем, во-вторых, посредством революций происходит апробация теоретических концепций, своего рода проверка их на практике, в-третьих, революции способствуют изменению представлений о природе возникновения и развития массовых социальных движений³.

Вместе с тем нельзя упускать из вида сложность феномена революций, обусловленную, с одной стороны, эмерджентным характером революционных событий, а с другой — многофакторностью революций, то есть необходимостью резонанса нескольких движущих сил для возникновения революционной ситуации⁴. К изучению факторов возникновения революций и революционных движений обращались многие авторы, что нашло отражение в четырех поколениях теорий революции⁵.

Безусловным достоинством имеющихся на сегодняшний день исследований причин революционной активности является рассмотрение всей совокупности социальных, экономических, политических, исторических и иных факторов, теоретически способных выступать в качестве детерминант революционной дестабилизации, начиная с доли молодежи и заканчивая наличием революций в прошлом. В то же время заключения различных ученых относительно направления влияния и значимости тех или иных факторов заметно расходятся. Усилия исследователей факторов революций, добавляющих все больше и больше переменных и проводящих все новые и новые статистические тесты, обернулись тем, что современная политическая наука столкнулась с проблемой «многомерного конъюнтурализма»⁶.

Соответственно, для построения робастной теории возникновения революций требуется переосмыслить существующие теоретические постулаты и протестировать их надежность на основе актуальных данных о революциях в XX—XXI вв. Однако перед этим необходимо систематизировать эмпирические результаты предыдущих исследований и выявить закономерности влияния тех или иных факторов на вероят-

ность революционной дестабилизации путем подсчета, в каком числе статистических моделей (в первую очередь это различные типы регрессионного анализа) рассматриваемый показатель (независимая переменная) принимает одно из четырех значений — положительно значимый (коэффициент показателя больше нуля, p -value меньше 0,05), положительно незначимый (коэффициент показателя больше нуля, p -value больше 0,05), отрицательно незначимый (коэффициент показателя меньше нуля, p -value больше 0,05), отрицательно значимый (коэффициент показателя меньше нуля, p -value меньше 0,05).

Количественные кросс-национальные исследования революционной дестабилизации мы склонны относить к пятому поколению исследований революции⁷. Его главными отличительными чертами являются опора на глобальные базы данных революционных событий, широкое использование современных методов количественного анализа, а также представление о том, что для вооруженных и невооруженных революционных событий характерны принципиально разные факторы, структура и последствия.

Отметим, что многие представители пятого поколения исследователей революций предпочитают называть невооруженные революционные выступления ненасильственными максималистскими кампаниями. При этом «кампания» определяется как «серия наблюдаемых, непрерывных, целенаправленных массовых тактик для достижения политической цели»⁸. Более того, в их работах рассматриваются кампании «с целями, которые воспринимаются как максималистские по своей природе: смена режима или национальное самоопределение»⁹. Иначе говоря, речь идет об изучении «серии наблюдаемых, непрерывных, целенаправленных массовых тактик», нацеленных на фундаментальное изменение политического порядка.

Однако подобным образом понятая максималистская кампания, по сути, идентична революции, о чем свидетельствуют распространенные определения последней, например: «Революция — это коллективная мобилизация, направленная на быстрое и насильственное свержение действующего режима с целью трансформации политических, экономических и символических отношений»¹⁰; «Революция — антиправительственные (очень часто противозаконные) массовые акции (массовая мобилизация) с целью: (1) свержения или замены в течение определенного времени существующего правительства; (2) захвата власти или обеспечения условий для прихода к власти определенных сил; (3) существенного изменения режима, социальных или политических институтов»¹¹; революция есть «попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть»¹². Характерно, что в базе данных Эрики Ченовет *Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes (NAVCO)* кампаниями названы все беспорные революции начала XX в., включая

⁷ О предыдущих четырех поколениях см., напр. Goldstone 1980, 2001; Голдстоун 2006; Lawson 2019: 48–72; Beissinger 2022: 31–38; Goldstone, Grinin, and Korotayev 2022b.

⁸ Chenoweth and Stephan 2011: 14. См. также Ackerman and Kruegler 1994; Stephan and Chenoweth 2008.

⁹ Chenoweth and Stephan 2011: 68.

¹⁰ Lawson 2019: 5.

¹¹ Голдстоун, Гринин и Коротаев 2022: 109.

¹² Голдстоун 2006: 61.

¹³ *Chenoweth and Shay 2020.*

¹⁴ *Kadivar and Ketchley 2018.*

¹⁵ *Chenoweth and Christopher 2020.*

¹⁶ *Davies 1962; Gurr 1974.*

¹⁷ *Shaheen 2015: 7–8.*

¹⁸ *Wimmer, Cederman, and Min 2009: 335.*

¹⁹ <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.27063.29601>.

²⁰ *Fox 2004; Knutsen, 2014; Keller 2015; Shaheen 2015; Butcher and*

Тип режима

Svensson 2016; Gleditsch and Rivera 2017; Albrecht and Koehler 2020; Gleditsch et al. 2021; Медведев и Коротаев 2021; Слав и Коротаев 2021; Медведев и др. 2022; Устюжанин и Коротаев 2022; Beissinger 2022.

²¹ В более полном виде эти результаты, как и результаты исследований с использованием других политических факторов, представлены в онлайн-приложении (<https://doi.org/10.13140/RG.2.2.27063.29601>).

русские революции 1905—1907 и 1917 гг., Конституционную революцию в Персии, Синхайскую революцию в Китае, Мексиканскую революцию 1910—1917 гг. и др.¹³ Таким образом, результаты исследований максималистских кампаний вполне релевантны при выявлении закономерностей влияния тех или иных факторов на вероятность революционной дестабилизации.

Отметим также, что многие авторы, пишущие о ненасильственных кампаниях/революциях, de facto имеют в виду *невооруженные* протесты. Как убедительно показывают Мухаммад Али Кадивар и Нейл Кечли, участники большинства так называемых ненасильственных максималистских кампаний в достаточно серьезных масштабах прибегали к насилию¹⁴. Здесь можно вспомнить хотя бы Египетскую революцию 2011 г. или «Евромайдан» 2013—2014 гг., которые Ченовет вполне уверенно квалифицирует именно как ненасильственные максималистские кампании¹⁵. В связи с этим в дальнейшем мы будем использовать деление революционных выступлений на вооруженные и невооруженные.

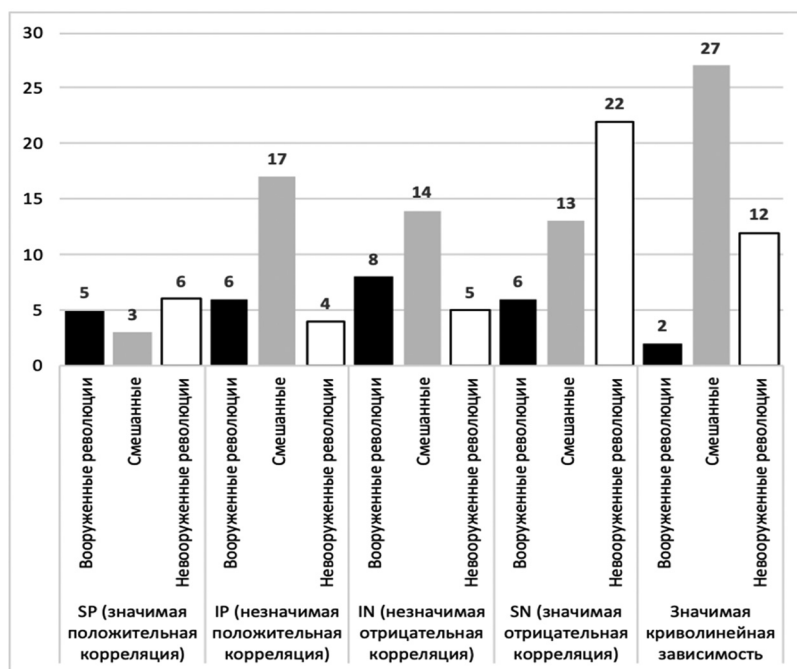
В настоящей статье представлен систематический обзор результатов, полученных в рамках пятого поколения исследований революций применительно к *политическим факторам* революционной дестабилизации.

Наибольшие споры относительно степени и направления влияния на риски революционной дестабилизации в современной политической науке вызывает группа факторов, связанных с типом режима, эффективностью политической системы, выбором стратегии политической борьбы, институциональным дизайном и историей складывания государства, векторами государственной политики, политической историей государства и т.д. В частности, многие исследователи утверждают, что к революциям приводят разочарование населения в способности политических лидеров достигать экономических и политических целей¹⁶, несоответствие реального управления мечтам и ожиданиям индивидов, структурные сдвиги в политической системе¹⁷, стратегические ошибки политических акторов, изъяны государственной политики¹⁸ и т.п. Для более плодотворной систематизации и классификации подобных факторов мы объединяем их в пул «политические факторы» и рассматриваем в совокупности. Однако, поскольку таких факторов очень много, нам придется ограничиться наиболее часто упоминаемыми из них. Полный перечень соответствующих переменных приведен в онлайн-приложении¹⁹.

Первый политический фактор — это уровень демократии, который использовался в качестве независимой переменной (как основной, так и контрольной) в 13 количественных исследованиях²⁰. Сводные результаты этих исследований отражены на *рис. 1*²¹.

Рисунок 1 Количество моделей с включением фактора демократии применительно к различным типам зависимой переменной²²

²² Здесь и далее к типу смешанных отнесены революции, применительно к которым разделение на вооруженные и невооруженные не проводилось. Стоит особо отметить, что в одной работе обычно представлено несколько моделей с использованием интересующей нас переменной. Поэтому число моделей, учтенных в соответствующих сравнительных диаграммах, всегда превышает число работ, на базе которых диаграммы построены.

В целом, согласно заключениям исследователей, зависимость между уровнем демократии и возникновением революций носит криволинейный характер и имеет перевернутую U-образную форму (*An Inverted U-shaped Relationship*). То есть с началом отхода от полной автократии вероятность революционной дестабилизации повышается, затем достигает некоего максимума (как правило, он приходится на так называемые анократии), а далее, по мере движения к консолидированной демократии, снижается²³.

²³ Lawson 2019; Cincotta and Weber 2021.

Данная закономерность объясняется тем, что вступившее на путь демократизации государство гораздо слабее защищено в политическом, институциональном и военном отношении, нежели полностью авторитарное. В отличие от автократов, лидеры стран с гибридными режимами часто уже недостаточно сильны или безжалостны, чтобы подавить инакомыслие и обеспечить лояльность населения, но при этом еще не могут воспользоваться всеми преимуществами консолидированной демократии вследствие институциональной дезорганизации, внутренних разногласий, недостатка политической культуры и общей незрелости гражданского общества. То же касается и государств, где произошел реверс демократии. Деконсолидирующиеся демократии

характеризуются появлением на политической сцене популистов, бросающих вызов традиционным демократическим институтам, таким как ограничение власти высших должностных лиц, система сдержек и противовесов, свободная пресса, честная и открытая политическая конкуренция. Разрушая опоры демократического режима, растущая автократизация делает его беззащитным перед лицом революционных событий²⁴.

²⁴ *Коротаяев и др. 2022; Walter 2022: 23–29; Zhdanov and Korotayev 2022.*

Как следствие, эмпирически влияние демократии на риски революционной дестабилизации нужно проверять с помощью квадратичных регрессий, так как рассмотрение данного фактора посредством линейной зависимости дает искаженную картину.

С выводом о перевернутой U-образной зависимости рисков революционной дестабилизации от уровня демократичности режима полностью коррелируют результаты тестов, свидетельствующие о статистически значимой положительной зависимости рисков революционной дестабилизации (как вооруженной, так и невооруженной) от наличия в стране анократического режима, то есть режима, промежуточного между полной автократией и полной демократией. Это неудивительно, ведь, строго говоря, гипотеза о положительной корреляции между анократией и вероятностью революционного эпизода является лишь другой операционализацией гипотезы о существовании криволинейной перевернутой U-образной зависимости между демократичностью политического режима и рисками революционной дестабилизации. Бинарный показатель переходного режима (анократии) рассматривался в шести количественных исследованиях²⁵. Сводные результаты этих исследований отражены на *рис. 2*.

²⁵ *Wimmer, Cederman, and Min 2009; Коротаяев, Исаев и Васильев 2015; Korotayev, Issaev, and Zinkina 2015; Cincotta and Weber 2021; Gleditsch et al. 2021.*

Выборы

Помимо типа режима, важным политическим фактором революционной дестабилизации оказывается проведение выборов. В 2003 г. Джеффри Гудвин высказал предположение, что в XXI в. революции прекратятся вследствие распространения демократии, сформулировав его в виде тезиса: «урна для голосования — гроб революционеров»²⁶. Действительность нашего века подтвердила эти ожидания с точностью до наоборот: интенсивность революционных событий в XXI столетии не просто не сошла на нет, но даже заметно увеличилась²⁷. При этом урна для голосования проявила себя скорее не как «гроб», а как «генератор» революционеров (особенно при наличии у заметной части общества сомнений по поводу того, что в эту урну попало).

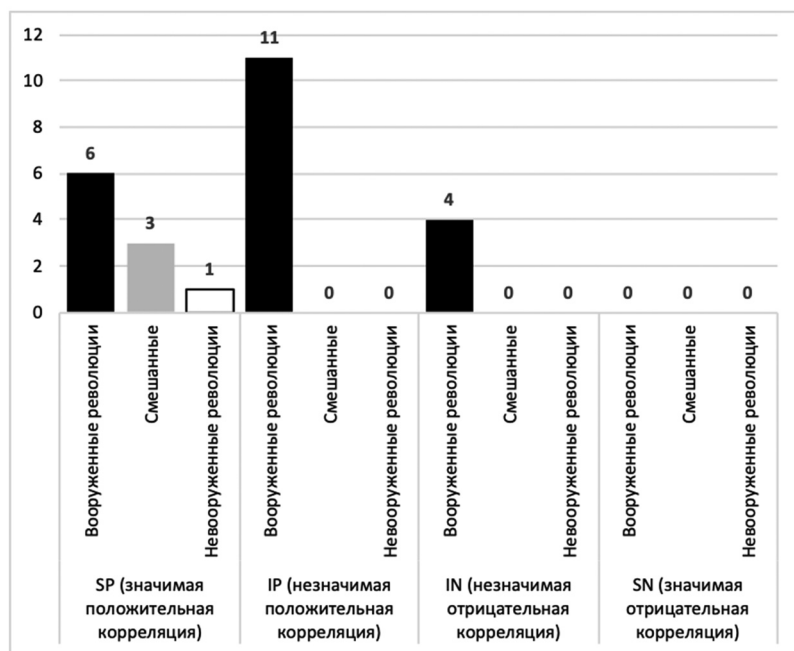
²⁶ *Goodwin 2003: 67.*

²⁷ *Голдстоун, Гринин и Коротаяев 2022.*

В целом, согласно современным исследованиям, в год выборов значительно повышается вероятность широкомасштабных протестов (вплоть до революционных). Причина в том, что в предвыборный период обостряется множество проблем и институциональных изъянов авторитарного или анократического режима, что снижает его резистентность различным формам общественного давления²⁸. Выборы не

²⁸ *Brancati 2016: 80.*

Рисунок 2 Количество моделей с включением фактора анократии применительно к различным типам зависимой переменной

только мобилизуют недовольные общественные группы, но и способствуют информированию индивидов о наиболее уязвимых точках политической системы — коррупции, несправедливости, электоральном мошенничестве, фальсификации предпочтений, скрытом недовольстве²⁹. Иными словами, с точки зрения влияния на вероятность революционной дестабилизации и развертывания массовых протестов выборы обладают кумулятивным эффектом, что приводит к наложению друг на друга различных факторов и обстоятельств (а также долгосрочных и краткосрочных триггеров революций)³⁰.

Выборы как предиктор революционной дестабилизации рассматривались в четырех количественных исследованиях³¹. Сводные результаты этих исследований отражены на *рис. 3*.

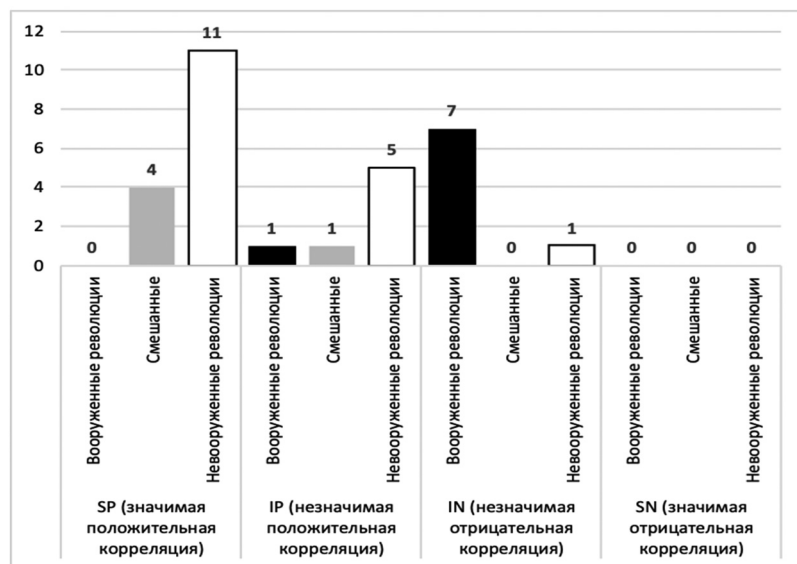
Как показывают эмпирические тесты, выборы повышают вероятность невооруженных революций, но не влияют значимо на возникновение вооруженных революционных акций. Такое положение дел может быть обусловлено тем, что выборы являются своего рода политическим амортизатором, способствуя гражданскому воспитанию населения, развивая политическую культуру и прививая индивидам склонность к цивилизованным методам политической борьбы.

²⁹ Kselman and Niou 2011: 397–400; Esteso-Pérez 2021.

³⁰ Bacallao-Pino 2016: 815; Molina 2002; Gorokhovskaia and Dollbaum 2019; Жданов и Коротаев 2022.

³¹ Butcher and Svensson 2016; Chenoweth and Ulfelder 2017; Жданов и Коротаев 2022; Медведев и др. 2022.

Рисунок 3 Количество моделей с включением фактора выборов применительно к различным типам зависимой переменной

Дискриминация и исключение из политики

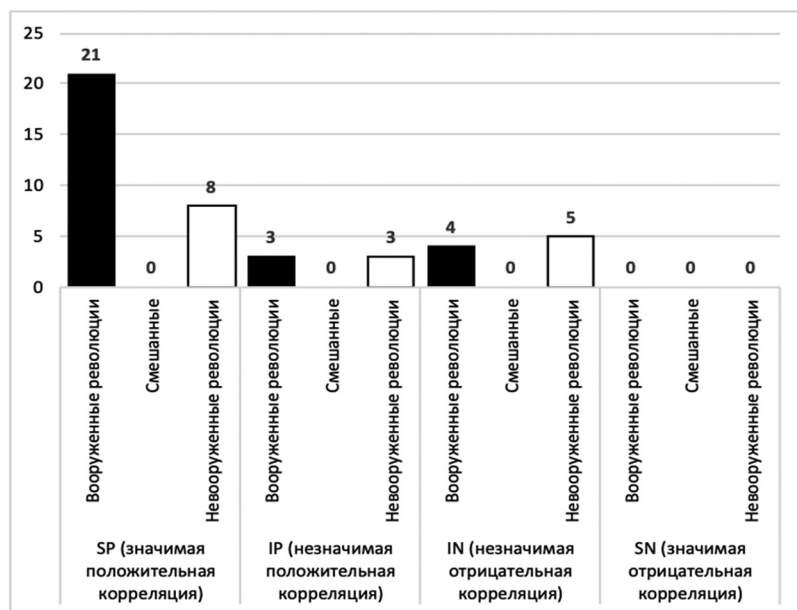
Немаловажным фактором разворачивания революционной активности является дискриминация каких-либо социальных страт. При том что неравенство присуще всем человеческим сообществам, в них всегда находятся честолюбивые индивиды, стремящиеся улучшить свое положение за счет достижений в военной, образовательной, экономической или какой-то иной сфере. Поэтому большинство обществ допускают определенную вертикальную мобильность, позволяющую интегрировать в элиту талантливых выходцев из низших слоев. В ситуации же институционализированной дискриминации каких-то социальных групп (например, простолюдинов в сословных обществах или этнических меньшинств в расовых олигархиях) происходит делегитимация режима (ввиду его очевидной несправедливости) в глазах представителей таких групп и превращение их во врагов существующего политического порядка³².

³² Goldstone 2014: 21–22.

³³ Wimmer, Cederman, and Min 2009; Butcher and Svensson 2016; Chenoweth and Ulfelder 2017; Gleditsch et al. 2021; Медведев и др. 2022.

Фактор направленной дискриминации, который в эмпирических работах принято обозначать термином «исключение» (*Exclusion*), рассматривался в пяти количественных исследованиях революционной дестабилизации³³. Сводные результаты этих исследований отражены на рис. 4. Как видно из рисунка, согласно эмпирическим тестам, проводимая государством политика дискриминации значительно повышает вероятность начала революционных выступлений, особенно вооруженных.

Рисунок 4 Количество моделей с включением фактора дискриминации применительно к различным типам зависимой переменной

Этнолингвистическая и религиозная фракционализация

Во многих исследованиях отмечается, что революциям больше подвержены государства, отличающиеся разнообразным этническим, лингвистическим и/или религиозным составом. В случае ослабления государственной власти социокультурная гетерогенность (фракционализация) может стать триггером ожесточенных политических конфликтов между представителями разных этнолингвистических или религиозных групп. Данный тренд обычно объясняют, с одной стороны, природой человека, который, согласно социобиологической концепции «этнического кумовства», склонен устанавливать долгосрочные связи (в том числе объединяться для участия в коллективных действиях) с «родственными» индивидами, а с другой — тонкостями взаимоотношений между государством и разнообразными меньшинствами, ошибки при выстраивании которых могут вызвать к жизни конфессиональные, этнические и сепаратистские выступления, в том числе революционные³⁴.

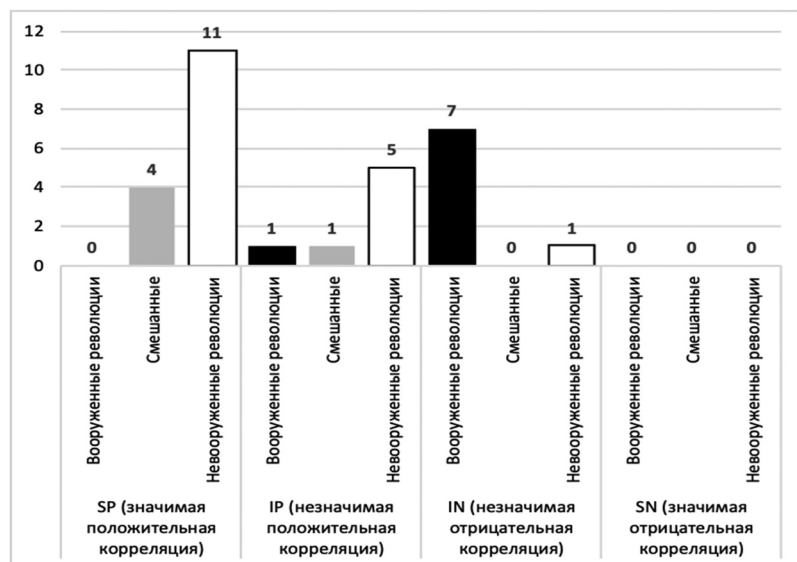
³⁴ Fearon and Laitin 2003; Wimmer, Cederman, and Min 2009: 318; Shaheen 2015: 82.

³⁵ Fox 2004; Wimmer, Cederman, and Min 2009; Knutsen 2014; Shaheen 2015; Cincotta and Weber 2021; Медведев и др. 2022.

Фракционализация как фактор революционной дестабилизации рассматривалась в шести количественных исследованиях³⁵. Сводные результаты этих исследований представлены на рис. 5.

В целом следует констатировать, что в современной политической науке нет четкого ответа на вопрос, в какой мере фракционализация общества является робастным фактором революционной дестабили-

Рисунок 5 Количество моделей с включением фактора фракционализации применительно к различным типам зависимой переменной

зации. При том что существенная доля эмпирических моделей демонстрирует значимую положительную связь между фракционализацией и революционными выступлениями (в особенности вооруженными), почти в половине случаев эта связь оказывается статистически незначимой.

Революционная диффузия

Помимо внутренних факторов возникновения революций, современная политическая наука признает также важность факторов транснациональных, самым значимым из которых является так называемая революционная диффузия (эффект революционных волн). Согласно теории революционных волн, революционные процессы могут выходить за национальные границы, повышая риск революционной дестабилизации в соседних странах. Распространение революционной волны связано, в частности, с рядом побочных эффектов революций, таких как снижение контроля над потоком оружия, экономический спад (который, возникнув в одном государстве, в условиях глобализации может затронуть целый регион или даже весь мир), экспансия новых революционных идеологий и т.д. Кроме того, успешные революции обеспечивают диссидентские группы (или политических радикалов в случае вооруженных акций) информацией о технологиях вовлечения людей в революционную борьбу, уязвимых местах тех или иных политических

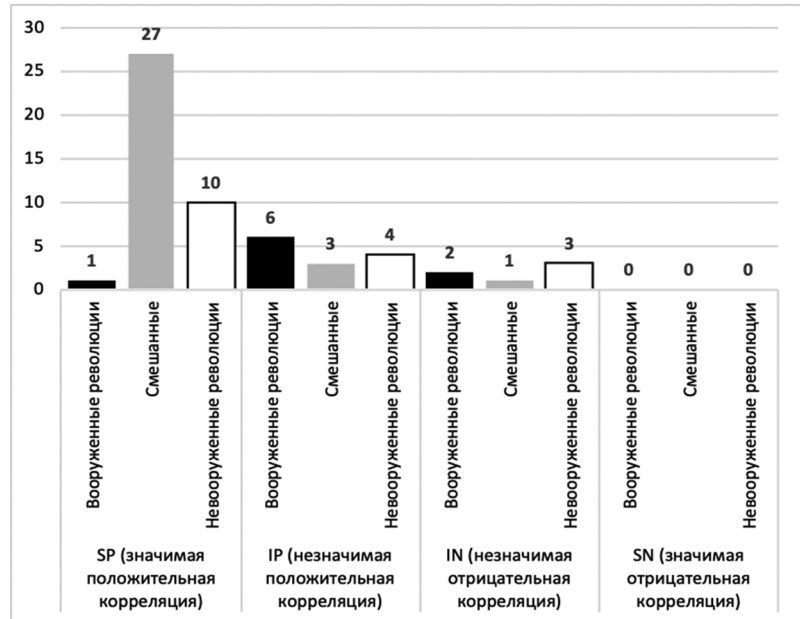
³⁶ Keller 2015: 3; Gleditsch and Rivera 2017: 1128–1129; Grinin 2022; Rozov 2022.

³⁷ Fox 2004; Knutsen 2014; Keller 2015; Chenoweth and

режимов и эффективной стратегии развертывания революционных действий. Наконец, революции в соседних странах воодушевляют недовольных и внушают им веру в собственные силы, что тоже повышает вероятность массовых выступлений³⁶.

Фактор революционной диффузии рассматривался в восьми количественных исследованиях³⁷. Сводные результаты этих исследований отражены на рис. 6.

Рисунок 6 Количество моделей с включением фактора диффузии применительно к различным типам зависимой переменной

Ulfelder 2017; Gleditsch and Rivera 2017; Albrecht and Koehler 2020; Медведев и др. 2022; Устюжанин и Коротаев 2022.

Статистический анализ фактора диффузии в целом подтверждает теорию революционных волн. Большинство эмпирических тестов показывает значимое положительное влияние, однако самих исследований явно недостаточно ввиду дефицита информации о воздействии диффузии на вооруженные революции.

Революционная инерция

В чем-то похожим на диффузию фактором революционной дестабилизации является революционная инерция. Согласно соответствующим концепциям, в стране, где в недавнем прошлом уже была революция, вероятность возникновения аналогичных событий повышается. Опыт революций помогает обществу преодолевать «фальсифи-

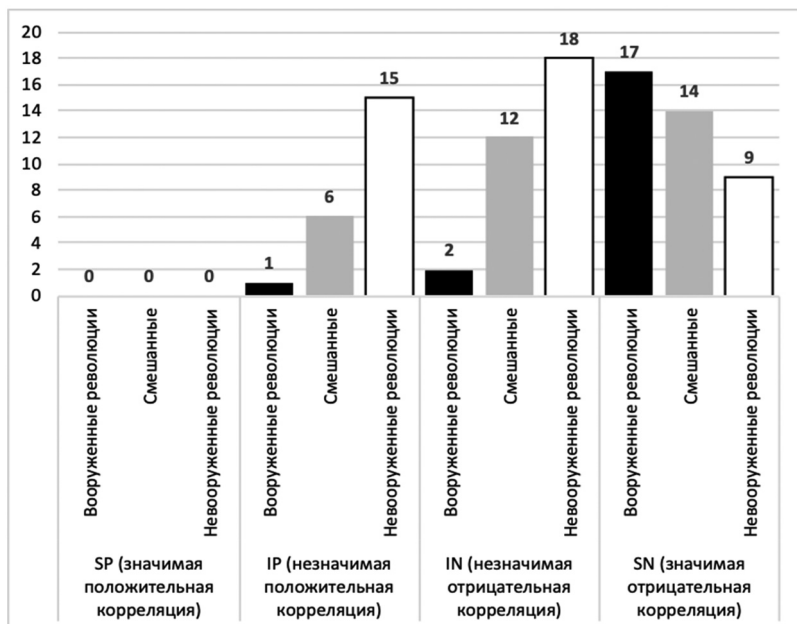
³⁸ Albrecht and Koehler 2020: 11–15.

³⁹ Knutsen 2014; Keller 2015; Butcher and Svensson 2016; Gleditsch and Rivera

кацию предпочтений», страх перед репрессиями и прочие психологические барьеры, удерживающие индивидов от участия в массовых акциях протеста³⁸.

Фактор революционной инерции рассматривался в девяти количественных исследованиях³⁹. Сводные результаты этих исследований отражены на рис. 7.

Рисунок 7 Количество моделей с включением фактора стабильности/инерции применительно к различным типам зависимой переменной

2017; Albrecht and Koehler 2020; Cincotta and Weber 2021; Gleditsch et al. 2021; Медведев и Коротав 2021; Медведев и др. 2022.

Эмпирические тесты подтверждают: чем дольше политический режим не подвергался революционным изменениям (то есть чем выше его стабильность⁴⁰), тем менее вероятно возникновение революционных ситуаций. Соответственно, подтверждается и эффект инерции — наличие революции в прошлом повышает вероятность ее возникновения в будущем.

Продолжительность пребывания инкубента у власти

Совсем другое направление влияния показывает продолжительность пребывания инкубента у власти. Согласно имеющимся эмпирическим исследованиям, чем дольше инкубент находится у власти, тем выше вероятность разных типов революционной активности. Данную закономерность связывают с тем, что, когда политический лидер зани-

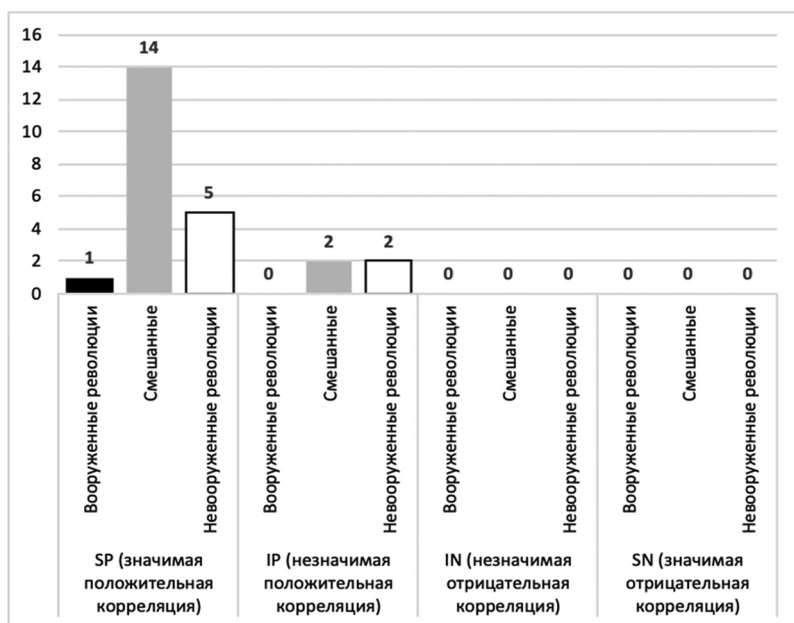
⁴⁰ Переменная «стабильность» включает в себя как отсутствие революционных акций в прошлом, так и время, в течение которого политический режим оставался неизменным.

⁴¹ Chenoweth and Ulfelder 2017: 303.

мает свой пост в течение аномально долгого времени, он утрачивает популярность (ввиду роста коррупции и накопления политических ошибок и примеров неэффективности политической системы), особенно среди новых поколений, которые первыми бросают вызов *status quo*. Недовольство среди молодежи в свою очередь становится триггером делегитимации политического режима и повышения риска его обрушения посредством революции⁴¹.

Длительность пребывания инкумбента у власти как предиктор революций рассматривалась в шести количественных исследованиях⁴². Сводные результаты этих исследований отражены на *рис. 8*.

Рисунок 8 Количество моделей с включением фактора длительности пребывания инкумбента у власти применительно к различным типам зависимой переменной

⁴² Chenoweth and Ulfelder 2017; Albrecht and Koehler 2020; Медведев и Коротяев 2021; Beissinger 2022; Медведев и др. 2022; Устюжанин и Коротяев 2022.

Как видно из рисунка, чем дольше инкумбент находится у власти, тем более вероятно начало невооруженного революционного выступления. Применительно к выступлениям вооруженным оснований для такого рода утверждений пока недостаточно.

Помимо описанных выше, современные эмпирические исследования включают в себе множество иных политических факторов революционной дестабилизации, однако для грамотного осмысления направления их влияния необходимо большее число эмпирических тестов.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что многие факторы революционной дестабилизации, выделяемые политическими теоретиками, практически однозначно подтверждаются эмпирическими исследованиями. Например, результаты оценки фактора длительности пребывания инкубента у власти демонстрируют строго положительную связь: чем дольше глава автократического или анократического государства находится у власти, тем выше вероятность революций невооруженного типа.

Стабильность (длительность существования) режима в свою очередь значительно снижает риски как вооруженной, так и невооруженной революционной дестабилизации. В случае если в недавнем прошлом в стране уже была революция, вероятность возникновения таковой повышается — это эффект революционной инерции, по всей видимости лежащий в основе феномена так называемых революционных эпох⁴³.

⁴³ См., напр. Голдстоун, Гринин и Коротаев 2022: 112.

Достаточно выраженным, но гораздо более специфичным оказывается влияние выборов, дискриминации и фракционализации. Так, если выборы повышают вероятность скорее невооруженных революций, то фракционализация и дискриминация — вооруженных. Применительно к выборам выявленную закономерность можно объяснить тем, что проведение выборов (даже сугубо формальных), с одной стороны, есть характеристика относительно цивилизованного общества, позволяющего выражать несогласие с проводимым курсом мирным путем, а с другой — способствует политической социализации населения, удерживая его от политических крайностей. Необходимо также отметить, что революции в год выборов случаются, как правило, под воздействием массовых протестов против фальсификаций, в которых участвуют интеллигенция и средний класс, не склонные к вооруженным методам борьбы⁴⁴.

⁴⁴ См., напр. Dahlum 2019; Устюжанин и др. 2022.

В свою очередь направленная дискриминация какого-либо меньшинства представляет собой настолько вопиющую несправедливость, что подчас не оставляет поля для мирного протеста. То же самое касается этнорелигиозных конфликтов (свойственных фракционализированным обществам), которые, отличаясь повышенной интенсивностью, также часто выливаются в вооруженные столкновения.

Наиболее необычным является влияние на революционную динамику типа режима. Эмпирические исследования выявляют здесь перевернутую U-образную (то есть квадратичную) зависимость для всех типов революций. Это означает, что рискам революционной дестабилизации (как вооруженной, так и невооруженной) наиболее подвержены политические режимы, занимающие промежуточное положение между полной автократией и полной демократией, то есть в частичных автократиях и частичных демократиях, или анократиях.

В целом указанные результаты помогают составить надежную классификацию известных политической науке факторов революционной дестабилизации, что создает основу для будущих эмпирических

исследований, нацеленных на разрешение проблемы асимметрии факторов революционной активности и противоречивости современных теорий революции.

Библиография

Голдстоун Дж.А. (2006) «К теории революции четвертого поколения» // *Логос*, № 5: 58—103. URL: http://intelros.ru/pdf/logos_05_2006/goldstoun_58-103_logos.pdf (проверено 01.06.2023).

Голдстоун Дж.А., Л.Е.Гринин и А.В.Коротаев. (2022) «Волны революций XXI столетия» // *Полис. Политические исследования*, № 4: 108—119. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2022/4/Polis-2022-4-Goldstone.pdf> (проверено 01.06.2023).

Жданов А.И. и А.В.Коротаев. (2022) «Выборы, тип режима и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа» // *Социология власти*, т. 38, № 3—4: 102—127. URL: <https://socofpower.ganepa.ru/upload/iblock/e3c/5%20-%20Zhdanov,%20Korotaev.pdf> (проверено 03.07.2023).

Коротаев А.В., Л.Е.Гринин, И.А.Медведев и М.Слав. (2022) «Типы политических режимов и риски революционной дестабилизации в XXI веке» // *Социологическое обозрение*, т. 21, № 4: 9—65.

Коротаев А.В., Л.М.Исаев и А.М.Васильев. (2015) «Количественный анализ революционной волны 2013—2014 гг.» // *Социологические исследования*, № 8: 119—127. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2015/2015_8/Korotaev.pdf (проверено 01.06.2023).

Медведев И.А. и А.В.Коротаев. (2021) «Структурные факторы мирной и вооруженной революционной смены власти: опыт анализа методами машинного обучения» // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Вып. 12. Волгоград: Учитель: 145—189.

Медведев И.А., В.В.Устюжанин, А.И.Жданов и А.В.Коротаев. (2022) «Применение методов машинного обучения для ранжирования факторов и прогнозирования невооруженной и вооруженной революционной дестабилизации в афразийской макроне нестабильности» // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Вып. 13. Волгоград: Учитель: 131—210.

Слав М. и А.В.Коротаев. (2021) «К регрессионному анализу рисков революционной дестабилизации в афразийской макроне нестабильности в XXI веке» // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Вып. 12. Волгоград: Учитель: 219—241.

Устюжанин В.В. и А.В.Коротаев. (2022) «Регрессионное моделирование вооруженной и невооруженной революционной дестабилизации в афразийской макроне нестабильности» // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Вып. 13. Волгоград: Учитель: 211—244.

Устюжанин В.В., Л.Е.Гринин, И.А.Медведев и А.В.Коротаев. (2022) «Образование и революции (Почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму?)» // *Политика*

мия, № 1 (104): 50—71. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-1\(104\)-edit-50-71.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-1(104)-edit-50-71.pdf) (проверено 01.11.2022).

Ackerman P. and C.Kruegler. (1994) *Strategic Nonviolent Conflict: The Dynamics of People Power in the Twentieth Century*. Westport: Praeger.

Albrecht H. and K.Koehler. (2020) «Revolutionary Mass Uprisings in Authoritarian Regimes» // *International Area Studies Review*, vol. 23, no. 2: 135—159.

Bacallao-Pino L.M. (2016) «Redes sociales, acción colectiva y elecciones: los usos de Facebook por el movimiento estudiantil chileno durante la campaña electoral de 2013» // *Palabra Clave*, vol. 19, no. 3: 810—837.

Beissinger M.R. (2022) *The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*. Princeton: Princeton University Press.

Brancati D. (2016) *Democracy Protests: Origins, Features, and Significance*. Cambridge: Cambridge University Press.

Butcher C. and I.Svensson. (2016) «Manufacturing Dissent: Modernization and the Onset of Major Nonviolent Resistance Campaigns» // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 60, no. 2: 311—339.

Chenoweth E. and C.W.Shay. (2020) *List of Campaigns in NAVCO 1.3*. Cambridge (MA): Harvard Dataverse.

Chenoweth E. and M.J.Stephan. (2011) *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*. New York: Columbia University Press.

Chenoweth E. and J.Ulfelder. (2017) «Can Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings?» // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 61, no. 2: 298—324.

Cincotta R. and H.Weber. (2021). «Youthful Age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts» // Goerres A. and P.Vanhuyse, eds. *Global Political Demography: Comparative Analyses of the Politics of Population Change in All World Regions*. Cham: Palgrave Macmillan: 57—92.

Dahlum S. (2019) «Students in the Streets: Education and Nonviolent Protest» // *Comparative Political Studies*, vol. 52, no. 2: 277—309.

Davies J.C. (1962) «Toward a Theory of Revolution» // *American Sociological Review*, vol. 27, no. 1: 5—19.

Esteso-Pérez A. (2021) «Illiberalism, Revolution and the 2016 Macedonian Elections: The Effects of Social Movements on Electoral Accountability» // *Intersections*, vol. 7, no. 4: 32—51.

Fearon J. D. and D.D.Laitin. (2003) «Ethnicity, Insurgency, and Civil War» // *American Political Science Review*, vol. 97, no. 1: 75—90.

Fox J. (2004) «The Rise of Religious Nationalism and Conflict: Ethnic Conflict and Revolutionary Wars, 1945—2001» // *Journal of Peace Research*, vol. 41, no. 6: 715—731.

Gleditsch K.S. and M.Rivera. (2017) «The Diffusion of Nonviolent Campaigns» // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 61, no. 5: 1120—1145.

Gleditsch K., M.Dahl, S.Gates, and B.González. (2021) «Accounting for Numbers: Group Characteristics and the Choice of Violent and Non-

violent Tactics» // *The Economics of Peace and Security Journal*, vol. 16, no. 1: 1—49.

Goldstone J.A. (1980) «Theories of Revolution: The Third Generation» // *World Politics*, vol. 32, no. 3: 425—453.

Goldstone J.A. (2001) «Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory» // *Annual Review of Political Science*, vol. 4: 139—187.

Goldstone J.A. (2014) *Revolutions: A Very Short Introduction*. New York: Oxford University Press.

Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev. (2022a) «Introduction: Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events» // Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev, eds. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 1—34.

Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev. (2022b) «The Phenomenon and Theories of Revolutions» // Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev, eds. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 37—68.

Goodwin J. (2003) «The Renewal of Socialism and the Decline of Revolution» // Foran J., ed. *The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization*. London: Zed Books: 59—72.

Gorokhovskaia Y. and M.J.Dollbaum. (2019) «Russian Regional Elections» // *Russian Analytical Digest*, no. 239: 1—12.

Grinin L. (2022) «The European Revolutions and Revolutionary Waves of the 19th Century: Their Causes and Consequences» // Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev, eds. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 281—313.

Gurr T.R. (1974) «Persistence and Change in Political Systems, 1800—1971» // *American Political Science Review*, vol. 68, no. 4: 1482—1504.

Kadivar M.A. and N.Ketchley. (2018) «Sticks, Stones, and Molotov Cocktails: Unarmed Collective Violence and Democratization» // *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, vol. 4, no. 1: 1—16.

Keller F. (2015) *Why Do Revolutions Spread?* APSA 2012 Annual Meeting Paper. URL: https://www.researchgate.net/publication/275954363_Why_Do_Revolutions_Spread (accessed on 01.11.2022).

Knutsen C.H. (2014) «Income Growth and Revolutions» // *Social Science Quarterly*, vol. 95, no. 4: 920—937.

Korotayev A., L.Issaev, and J.Zinkina. (2015) «Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013—2014: A Cross-National Analysis» // *Cross-Cultural Research*, vol. 49, no. 5: 461—488.

Kselman D. and E.Niou. (2011) «Protest Voting in Plurality Elections: a Theory of Voter Signaling» // *Public Choice*, vol. 148, no. 3—4: 395—418.

Kurzman Ch. (2004) «The Poststructuralist Consensus in Social Movement Theory» // Goodwin J. and J.M.Jasper, eds. *Rethinking Social Move-*

ments: Structure, Meaning, and Emotion. Lanham (MD): Rowman and Littlefield: 111–120.

Lawson G. (2019) *Anatomies of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press

Molina J.E. (2002) «The Presidential and Parliamentary Elections of the Bolivarian Revolution in Venezuela: Change and Continuity (1998–2000)» // *Bulletin of Latin American Research*, vol. 21, no. 2: 219–247.

Rozov N.S. (2022) «Typology and Principles of Dynamics of Revolutionary Waves in World History» // Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev, eds. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 241–264.

Shaheen S. (2015) *Social Uprisings: Conceptualization, Measurement, Causes and Implications*. Ph.D. diss. Marburg: Philipps-Universität Marburg.

Stephan M.J. and E.Chenoweth. (2008) «Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict» // *International Security*, vol. 33, no. 1: 7–44.

Walter B.F. (2022) *How Civil Wars Start*. New York: Crown.

Wimmer A., L.-E.Cederman, and B.Min. (2009) «Ethnic Politics and Armed Conflict: A Configurational Analysis of a New Global Data Set» // *American Sociological Review*, vol. 74, no. 2: 316–337.

Zhdanov A. and A.Korotayev. (2022) «Factors of Deconsolidation of a Liberal Democratic Regime: The Case of the United States» // *Clodynamics*, vol. 13, no. 1: 1–34.

A.V.Korotayev, A.I.Zhdanov
QUANTITATIVE ANALYSIS
OF POLITICAL FACTORS
OF REVOLUTIONARY
DESTABILIZATION
A SYSTEMATIC REVIEW

Andrey V. Korotayev — Doctor of History; Professor; Head of the Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization, HSE University; Chief Researcher at the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (RAS). Email: akorotaev@hse.ru.

Andrew I. Zhdanov — Intern Researcher at the Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization, HSE University. Email: aizhdanov@edu.hse.ru.

Abstract. The article presents a systematic review of the results of testing political factors of revolutionary destabilization in the works that the authors classify as the fifth generation of research on revolutions. The article demonstrates that according to the existing quantitative cross-national studies, the same political factors can have a different effect on the probability of armed uprisings, on the one hand, and unarmed revolutionary actions, on the other hand. The studies reviewed by the authors show that holding elections increases the risks of unarmed revolutionary destabilization. The diffusion effect in the modern world is more typical for unarmed than armed revolutions. Similarly, the long-serving leader acts as a trigger for unarmed rather than armed uprisings. In turn, armed revolutionary clashes occur especially often in countries characterized by ethnic and religious heterogeneity, where a significant part of the population is excluded from politics on ethno-religious grounds. The same applies to the countries that pursue a policy of discrimination directed against minorities. At the same time, there are factors that impact all types of revolutionary destabilization. The likelihood of both armed and unarmed revolutions is highest in countries with a political regime that lies in between full autocracy and full democracy, that is, in partial autocracies and partial democracies. Both armed and unarmed revolutions are more likely to occur if preceded by the similar events in the recent past (armed revolutionary uprisings increase the likelihood of new armed uprisings, while unarmed — new unarmed protests).

Keywords: revolutions, political factors of revolutionary destabilization, quantitative analysis

References

- Ackerman P. and C.Kruegler. (1994) *Strategic Nonviolent Conflict: The Dynamics of People Power in the Twentieth Century*. Westport: Praeger.
- Albrecht H. and K.Koehler. (2020) “Revolutionary Mass Uprisings in Authoritarian Regimes” // *International Area Studies Review*, vol. 23, no. 2: 135—159.
- Bacallao-Pino L.M. (2016) “Redes sociales, acción colectiva y elecciones: los usos de Facebook por el movimiento estudiantil chileno durante la campaña electoral de 2013” // *Palabra Clave*, vol. 19, no. 3: 810—837.
- Beissinger M.R. (2022) *The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*. Princeton: Princeton University Press.
- Brancati D. (2016) *Democracy Protests: Origins, Features, and Significance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Butcher C. and I.Svensson. (2016) “Manufacturing Dissent: Modernization and the Onset of Major Nonviolent Resistance Campaigns” // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 60, no. 2: 311—339.

Chenoweth E. and C.W.Shay. (2020) *List of Campaigns in NAVCO 1.3*. Cambridge (MA): Harvard Dataverse.

Chenoweth E. and M.J.Stephan. (2011) *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*. New York: Columbia University Press.

Chenoweth E. and J.Ulfelder. (2017) “Can Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings?” // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 61, no. 2: 298–324.

Cincotta R. and H.Weber. (2021). “Youthful Age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts” // Goerres A. and P.Vanhuyse, eds. *Global Political Demography: Comparative Analyses of the Politics of Population Change in All World Regions*. Cham: Palgrave Macmillan: 57–92.

Dahlum S. (2019) “Students in the Streets: Education and Nonviolent Protest” // *Comparative Political Studies*, vol. 52, no. 2: 277–309.

Davies J. C. (1962) “Toward a Theory of Revolution” // *American Sociological Review*, vol. 27, no. 1: 5–19.

Esteso-Pérez A. (2021) “Illiberalism, Revolution and the 2016 Macedonian Elections: The Effects of Social Movements on Electoral Accountability” // *Intersections*, vol. 7, no. 4: 32–51.

Fearon J. D. and D.D.Laitin. (2003) “Ethnicity, Insurgency, and Civil War” // *American Political Science Review*, vol. 97, no. 1: 75–90.

Fox J. (2004) “The Rise of Religious Nationalism and Conflict: Ethnic Conflict and Revolutionary Wars, 1945–2001” // *Journal of Peace Research*, vol. 41, no. 6: 715–731.

Gleditsch K., M.Dahl, S.Gates, and B.González. (2021) “Accounting for Numbers: Group Characteristics and the Choice of Violent and Nonviolent Tactics” // *The Economics of Peace and Security Journal*, vol. 16, no. 1: 1–49.

Gleditsch K.S. and M.Rivera. (2017) “The Diffusion of Nonviolent Campaigns” // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 61, no. 5: 1120–1145.

Goldstone J.A. (1980) “Theories of Revolution: The Third Generation” // *World Politics*, vol. 32, no. 3: 425–453.

Goldstone J.A. (2001) “Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory” // *Annual Review of Political Science*, vol. 4: 139–187.

Goldstone J.A. (2006) “K teorii revolutsii chetvertogo pokolenija” [Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory] // *Logos*, no. 5: 58–103. URL: http://intelros.ru/pdf/logos_05_2006/goldstoun_58-103_logos.pdf (accessed on 01.06.2023). (In Russ.)

Goldstone J.A. (2014) *Revolutions: A Very Short Introduction*. New York: Oxford University Press.

Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev. (2022) “Volny revoljutsij 21 stoletija” [Waves of Revolutions in the 21st Century] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 4: 108–119. URL: <https://www.polistudies.ru/files/File/2022/4/Polis-2022-4-Goldstone.pdf> (accessed on 01.06.2023). (In Russ.)

Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev. (2022a) “Introduction: Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events” // Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev, eds. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 1–34.

Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev. (2022b) “The Phenomenon and Theories of Revolutions” // Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev, eds. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 37–68.

Goodwin J. (2003) “The Renewal of Socialism and the Decline of Revolution” // Foran J., ed. *The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization*. London: Zed Books: 59–72.

Gorokhovskaia Ya. and M.J.Dollbaum. (2019) “Russian Regional Elections” // *Russian Analytical Digest*, no. 239: 1–12.

Grinin L. (2022) “The European Revolutions and Revolutionary Waves of the 19th Century: Their Causes and Consequences” // Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev, eds. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 281–313.

Gurr T.R. (1974) “Persistence and Change in Political Systems, 1800–1971” // *American Political Science Review*, vol. 68, no. 4: 1482–1504.

Kadivar M.A. and N.Ketchley. (2018) “Sticks, Stones, and Molotov Cocktails: Unarmed Collective Violence and Democratization” // *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, vol. 4, no. 1: 1–16.

Keller F. (2015) *(Why) Do Revolutions Spread?* APSA 2012 Annual Meeting Paper. URL: https://www.researchgate.net/publication/275954363_Why_Do_Revolutions_Spread (accessed on 01.11.2022).

Knutsen C.H. (2014) “Income Growth and Revolutions” // *Social Science Quarterly*, vol. 95, no. 4: 920–937.

Korotayev A., L.Issaev, and A.Vasiliev. (2015) “Kolichestvennyj analiz revoljucionnoj volny 2013–2014 gg.” [Quantitative Analysis of 2013–2014 Revolutionary Wave] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 8: 119–127. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2015/2015_8/Korotaev.pdf (accessed on 01.06.2023). (In Russ.)

Korotayev A., L.Issaev, and J.Zinkina. (2015) “Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-National Analysis” // *Cross-Cultural Research*, vol. 49, no. 5: 461–488.

Korotayev A.V., L.E.Grinin, I.A.Medvedev, and M.Slav. (2022) “Tipy politicheskikh rezhimov i riski revoljucionnoj destabilizatsii v 21 veke” [Political Regime Types and Revolutionary Destabilization Risks in the Twenty-First Century] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 21, no. 2: 9–65. (In Russ.)

Kselman D. and E.Niou. (2011) “Protest Voting in Plurality Elections: a Theory of Voter Signaling” // *Public Choice*, vol. 148, no. 3–4: 395–418.

Kurzman Ch. (2004) “The Poststructuralist Consensus in Social Movement Theory” // Goodwin J. and J.M.Jasper, eds. *Rethinking Social Movements: Structure, Meaning, and Emotion*. Lanham (MD): Rowman and Littlefield: 111—120.

Lawson G. (2019) *Anatomies of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.

Medvedev I.A. and A.V.Korotayev. (2021) “Strukturnye faktory mirnoj i vooruzhennoj revoljucionnoj smeny vlasti: opyt analiza metodami mashinogo obuchenija” [Structural Factors of Peaceful and Armed Revolutionary Change of Power: An Experience of Analysis by Machine Learning Methods] // *Sistemnyj monitoring global'nykh i regional'nykh riskov* [Systemic Monitoring of Global and Regional Risks]. Issue 12. Volgograd: Uchitel': 145—189. (In Russ.)

Medvedev I.A., V.V.Ustyuzhanin, A.I.Zhdanov, and A.V.Korotayev. (2022) “Primenenie metodov mashinnogo obuchenija dlja ranzhirovaniya faktorov i prognozirovaniya nevooruzhennoj i vooruzhennoj revoljucionnoj destabilizatsii v afrazijskoj makrozone nestabil'nosti” [Application of Machine Learning Methods to Rank Factors and Predict Unarmed and Armed Revolutionary Destabilization in the Afrasian Macrozone of Instability] // *Sistemnyj monitoring global'nykh i regional'nykh riskov* [Systemic Monitoring of Global and Regional Risks]. Issue 13. Volgograd: Uchitel': 131—210. (In Russ.)

Molina J.E. (2002) “The Presidential and Parliamentary Elections of the Bolivarian Revolution in Venezuela: Change and Continuity (1998—2000)” // *Bulletin of Latin American Research*, vol. 21, no. 2: 219—247.

Rozov N.S. (2022) “Typology and Principles of Dynamics of Revolutionary Waves in World History” // Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev, eds. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 241—264.

Shaheen S. (2015) *Social Uprisings: Conceptualization, Measurement, Causes and Implications*. Ph.D. diss. Marburg: Philipps-Universität Marburg.

Slav M. and A.V.Korotayev. (2021) “K regressionnomu analizu riskov revoljucionnoj destabilizatsii v afrazijskoj makrozone nestabil'nosti v 21 veke” [Toward a Regression Analysis of the Risks of Revolutionary Destabilization in the Afrasian Macrozone of Instability in the 21st Century] // *Sistemnyj monitoring global'nykh i regional'nykh riskov* [Systemic Monitoring of Global and Regional Risks]. Issue 12. Volgograd: Uchitel': 219—241. (In Russ.)

Stephan M.J. and E.Chenoweth. (2008) “Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict” // *International Security*, vol. 33, no. 1: 7—44.

Ustyuzhanin V.V. and A.V.Korotayev. (2022) “Regressionnoe modelirovanie vooruzhennoj i nevooruzhennoj revoljucionnoj destabilizatsii v afrazijskoj makrozone nestabil'nosti” [Regression Modeling of Armed and Unarmed Revolutionary Destabilization in the Afrasian Macrozone of Instabili-

ty] // *Sistemnyj monitoring global'nykh i regional'nykh riskov* [Systemic Monitoring of Global and Regional Risks]. Issue 13. Volgograd: Uchitel': 211–244. (In Russ.)

Ustyuzhanin V.V., L.E.Grinin, I.A.Medvedev, and A.V.Korotayev. (2022) “Obrazovanie i revoljutsii (Pochemu revoljutsionnye vystuplenija prini-majut vooruzhennuju ili nevooruzhennuju formu?)” [Education and Revolu-tions (Why Do Some Revolutions Take up Arms while Others Do Not?)] // *Politeia*, no. 1 (104): 50–71. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-1\(104\)-edit-50-71.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-1(104)-edit-50-71.pdf) (accessed on 01.06.2023). (In Russ.)

Walter B.F. (2022) *How Civil Wars Start*. New York: Crown.

Wimmer A., L.-E.Cederman, and B.Min. (2009) “Ethnic Politics and Armed Conflict: A Configurational Analysis of a New Global Data Set” // *American Sociological Review*, vol. 74, no. 2: 316–337.

Zhdanov A. and A.Korotayev. (2022) “Factors of Deconsolidation of a Liberal Democratic Regime: The Case of the United States” // *Cliodynamics*, vol. 13, no. 1: 1–34.

Zhdanov A.I. and A.V.Korotayev. (2022) “Vyborny, tip rezhima i riski revoljutsionnoj destabilizatsii: opyt kolichestvennogo analiza” [Elections, Re-gime Type and Risks of Revolutionary Destabilization: A Quantitative Analy-sis] // *Sotsiologija vlasti* [Sociology of Power], no. 3–4: 102–127. URL: <https://socofpower.ranepa.ru/upload/iblock/e3c/5%20-%20Zhdanov,%20Korotayev.pdf> (проверено 03.07.2023). (In Russ.)

Ю.А.Нисневич
**ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА
ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Юлий Анатольевич Нисневич — доктор политических наук, профессор департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: jnisnevich@hse.ru.

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния фактора политического ислама в современных условиях. В целях выявления такого влияния автор рассматривает положение дел в 45 государствах — членах ООН, где ислам исповедуют более 50% населения, условно подразделяя их на исламские, квазиисламские и светские. Проведенный им анализ показывает, что влияние фактора политического ислама в поле политики мусульманского мира, а следовательно, и в мировом политическом пространстве носит ограниченный характер.

Прямое воздействие политического ислама на политические процессы просматривается только в 12 исламских государствах со стабильными политическими режимами и светской Турцией. Во всех этих государствах, кроме теократических исламских диктатур — Афганистана и Ирана, а также Катара, власти жестко подавляют любые проявления радикального политического ислама. Существенное влияние на политическую ситуацию в ряде исламских государств оказывает межконфессиональный суннитско-шиитский конфликт.

В 20 квазиисламских и светских мусульманских государствах со стабильными политическими режимами политический ислам если и присутствует, то лишь на периферии политического поля. Вместе с тем в некоторых из государств этой группы власти вынуждены вести борьбу с трансграничной террористической активностью радикальных исламских организаций.

Почти в четверти государств мусульманского мира политическая ситуация в настоящее время нестабильна. При этом одним из факторов политической турбулентности в этих государствах, наряду с этническими и клановыми конфликтами, является террористическая деятельность как международных, так и национальных радикальных исламских группировок и движений.

Ключевые слова: политический ислам, мусульманский мир, исламские, квазиисламские и светские мусульманские государства, радикальные исламские организации

Введение

Многочисленные публикации в средствах массовой информации и научной литературе по проблемам политического ислама, или, как его нередко называют, исламизма, создают впечатление, что этот феномен представляет масштабную угрозу не только политической стабильности в мусульманских странах, но и мировому политическому порядку в целом. Разговоры о «новой исламской угрозе», именуемой исламизмом, возникли еще в 1970—1980-е годы, но хотя, как отмечает Алексей Малашенко, «страх перед „исламской угрозой“ сгустился, самовоспроизводился в книгах, на конференциях, в речах политиков»¹, соответствующее понятие тогда употреблялось скорее как метафора. Сегодня же оно, похоже, начинает обретать академическую легитимность.

¹ Малашенко 2006: 11—12.

В связи с этим чрезвычайно важным и актуальным становится вопрос: действительно ли политический ислам (исламизм) способен дестабилизировать поле политики мусульманского мира, в котором сейчас проживает порядка 20% населения планеты, и, как следствие, мировое политическое пространство? Для ответа на этот вопрос необходимо прежде всего оценить, какое влияние и в какой форме оказывает политический ислам на политическую ситуацию и политические процессы в странах мусульманского мира.

В самом общем виде политический ислам есть интерпретация ислама как источника политической идентичности и политических действий². В более узком смысле данный термин употребляется также применительно к движениям, осуществляющим политическую мобилизацию под знаменем ислама³. В отечественной науке синонимичный концепт «исламизм» определяется как «идеология и практическая деятельность, ориентированные на создание условий, в которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества (государства), где наличествуют мусульмане, а также между государствами будут решаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате (системе нормативных положений, выведенных из Корана и Сунны)»⁴. Важно подчеркнуть, что, согласно этому определению, исламизм, или политический ислам, может оказывать непосредственное влияние на политическую ситуацию и политические процессы только в странах с мусульманским населением. В настоящей статье под политическим исламом будут пониматься политическая идеология и политические действия, стратегической целью которых является построение государства и общества, основанных на нормах шариата и установленных Кораном принципах справедливости. В качестве мусульманского мира будут рассматриваться 45 государств — членов ООН, в которых ислам исповедуют более 50% населения.

² Voll and Sonn 2009.

³ Ibidem.

⁴ Игнатенко 2000.

В 19 из них на конституционном уровне закреплён не только официальный статус ислама, но и основополагающая роль исламских правил и порядков в жизни общества и шариата — в законодательстве. Эти государства можно квалифицировать как исламские. По многим параметрам с ними сближается Малайзия, где ислам провозглашён государственной религией и где с 2005 г. началась имплементация законов шариата в правовую систему, а в 2015 г. был введён «„индекс шариата“ — показатель соответствия общества основным нормам исламской религии и исламского права (шариата)»⁵. Таким образом, в группу исламских можно включить 20 государств.

⁵ В Малайзии 2015.

Ислам является государственной религией ещё в шести государствах мусульманского мира, но конституции этих государств не позволяют причислить их непосредственно ни к исламским, ни к светским. Такие государства мы будем условно называть квази-исламскими.

Конституции 14 мусульманских государств прямо объявляют их светскими. В конституционных документах ещё пяти при отсутствии прямого указания на их светский характер предусмотрены свобода вероисповедания и сосуществование религий. Все эти 19 государств правомерно отнести к группе светских.

Анализ роли политического ислама в мусульманском мире целесообразно проводить по указанным группам. При этом можно предположить, что если этот фактор и оказывает существенное влияние на политическую ситуацию и процессы, то только в исламских государствах, то есть менее чем в половине государств мусульманского мира.

Влияние фактора политического ислама в исламских государствах

Радикальная версия политического ислама на сегодняшний день реализована в Афганистане и Иране.

В Афганистане в августе 2021 г. была установлена теократическая исламистская диктатура радикального движения Талибан* во главе с муллой Хайбатуллою Ахундзада и Руководящим советом (Рахбар Шура). После прихода талибов к власти управление Афганистаном стало строиться по модели исламского эмирата.

Успех Талибана в Афганистане спровоцировал рост террористической активности радикальных исламских организаций в других мусульманских странах, в частности Движения талибов Пакистана⁶.

В Иране с 1979 г. действует теократическая исламская диктатура персоналистского типа («режим аятолл»), возглавляемая в настоящее время аятоллой Али Хаменеи. Организация власти в стране базируется на шиитской политико-правовой доктрине «Виляете факих», в соответствии с которой верховное политическое и духовное руководство мусульманской общиной должен осуществлять факих⁷. Воплощающий эту доктрину институт рахбара — высшего должностного лица, концентрирующего в своих руках практически монопольную власть, — закреплён в Конституции Ирана.

⁶ Атасунцев, Пудовкин и Химшиавили 2021.

⁷ Факих («знающий») — богослов-законовед, знаток богословско-правового комплекса (фикх). (Прозоров (ред.) 1991: 250).

Иран перманентно будоражит мировое политическое пространство. Претендуя на роль регионального лидера и активно используя в своей внешней политике шиитский фактор, он стремится к созданию на Ближнем Востоке «шиитского полумесяца»⁸. Глубокую озабоченность в мире вызывает также угроза обретения им ядерного оружия, остающаяся вполне реальной, несмотря на заключение в 2015 г. так называемой ядерной сделки, поставившей под международный контроль его ядерную программу⁹, тем более что сама эта сделка находится сейчас под вопросом.

⁸ Куршаков 2012.

⁹ Дьяков 2020.

Политический ислам в его традиционном виде представлен в исламских государствах с такой «рудиментарной» формой правления, как абсолютная монархия, и явно не может рассматриваться как «новая исламская угроза».

К этой группе относятся расположенный в Юго-Восточной Азии теократический султанат Бруней-Даруссалам и четыре ближневосточных государства: теократическое королевство Саудовская Аравия, эмират Катар, Объединенные арабские эмираты (ОАЭ) и султанат Оман.

В *Брунее* султан обладает высшей духовной и государственной властью (что закреплено и в Конституции страны). В качестве национальной философии и идеологии выступает концепция Малайской исламской монархии, сформулированная и оглашенная султаном в 1990 г., которая призвана обеспечить идейно-ценностное обоснование теократического абсолютного правления султана в соответствии с нормами ислама¹⁰.

¹⁰ Милославская 2010.

В *Саудовской Аравии*, согласно Основному низаму правления, базирующемуся на нормах шариата, вся полнота политической и религиозной власти принадлежит королевской семье Аль Саудов. Проявления радикального политического ислама в королевстве подавляются силовыми методами, при этом уделяется большое внимание профилактике подобных настроений¹¹.

¹¹ Саватеев и Хайруллин 2019.

Определенное влияние на политические процессы в Саудовской Аравии оказывает межконфессиональный суннитско-шиитский конфликт, который власть пытается купировать посредством «сочетания формального предоставления новых прав шиитам и ужесточения фактического контроля над деятельностью формальных и неформальных объединений внутри общины», а также перераспределения нефтяных доходов и направления дополнительных финансовых ресурсов на решение социальных проблем¹².

¹² Федорченко 2013.

Во многом аналогичная — с точки зрения влияния фактора традиционного политического ислама — ситуация имеет место в *Катаре*, *ОАЭ* и *Омане*, хотя доминирование этого фактора здесь проявляется в менее жестких формах.

Важно отметить, что Катар считается «изгоем» в арабском мире, его обвиняют в скрытой поддержке радикального политического ислама, а именно таких радикальных исламских организаций, как Аль-Каида*, «Братья-мусульмане»*, Исламское государство*, Талибан*,

ХАМАС и Джебхат ан-Нусра*. На этом основании в 2017 г. Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн, Египет и ряд других арабских государств разорвали дипломатические отношения с Катаром.

Влияние политического ислама в его умеренной форме является доминирующим в арабских конституционных монархиях Бахрейне и Кувейте.

В *Бахрейне* правит династия Аль Халифа, а передача власти происходит в порядке престолонаследия. Исполнительная власть принадлежит королю и назначаемому им Совету министров, законодательная — королю и Национальной ассамблее, состоящей из Консультативного совета, члены которого назначаются королем, и Палаты депутатов, избираемой на всеобщих выборах. Политические партии в Бахрейне запрещены, однако их роль выполняют так называемые политические общества, среди которых есть как исламские (шиитские и суннитские), так и светские, в том числе либерального и левого толка.

Специфика Бахрейна заключается в том, что это единственное арабское государство, где порядка 60% населения составляют шииты, тогда как правящая династия исповедует суннизм. Как следствие, межконфессиональный суннитско-шиитский конфликт там достаточно отчетливо выражен, хотя и без радикальных проявлений. Духовные и политические лидеры шиитов подвергаются репрессиям, что заметно влияет на политическую ситуацию, но не приводит к массовым выступлениям¹³.

В *Кувейте* верховная власть закреплена за семьей Аль Ас-Сабах и передается по наследству. Исполнительная власть принадлежит эмиру и кабинету министров, глава которого назначается эмиром из членов правящей семьи, законодательная — эмиру и Национальной ассамблее, избираемой на всеобщих выборах.

В Кувейте запрещены политические партии, но, как и в Бахрейне, их функции исполняют общественно-политические организации, в числе которых есть не только исламские, но и светские, придерживающиеся либеральных, лево-демократических и технократических установок¹⁴. При этом все исламские структуры находятся под контролем Министерства вакфов и исламских дел, которое в своей деятельности руководствуется принципами доктрины «Аль-Васатья», акцентирующей умеренность и толерантность ислама¹⁵.

Деятельность радикальных исламских организаций в Кувейте полностью подавлена. Проявлений межконфессионального суннитско-шиитского конфликта не наблюдается, так как шииты, к которым относится порядка 20–30% населения Кувейта, представлены в Национальной ассамблее и правительстве и играют большую роль в экономике страны.

Еще одним государством с теократическим исламским правлением является федеративная конституционная парламентарная монархия *Малайзия*, которая состоит из 13 штатов и трех федеральных территорий, управляемых непосредственно центральной властью. В девяти мо-

¹³ Кириченко 2021.

¹⁴ Мелкумян 2010: 104.

¹⁵ Мелкумян 2018: 95.

нархических штатах — семи султанатах, раджанате Перлис и штате Негери-Сембилан — их правители являются также духовными лидерами. В четырех губернаторствах эту функцию выполняет Верховный глава Федерации — Янг ди-Пертуан Агонгом.

Главная политическая проблема Малайзии — межэтническая напряженность, имеющая и конфессиональный аспект. Эта напряженность обусловлена неравенством в экономическом и социальном положении бумипутры, в которую входят малайцы и другие коренные народы, и более обеспеченных и социально успешных китайского и индийского меньшинств¹⁶.

¹⁶ Золотухин 2010.

Разделение малайского общества по этническому принципу нашло отражение в партийной системе, включающей порядка 40 малайских, китайских, индийских и иных политических партий¹⁷. Именно под давлением политической оппозиции во главе с Панмалайзийской исламской партией с 2005 г. началась имплементация в правовую систему Малайзии законов шариата.

¹⁷ Кузнецова и др. 2015.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с политическим исламом в исламских арабских диктатурах — Египте, Мавритании и Сирии.

В 2013 г. в результате военного переворота во главе с генералом Абдель Фаттахом ас-Сиси в *Египте* был свергнут президент Мухаммед Мурси, опиравшийся на «Братьев-мусульман»*, а сама эта организация запрещена. Принятая в 2014 г. новая Конституция страны хотя и не лишила Египет признаков исламского государства, ослабила влияние в нем политического ислама и ввела запрет на создание политических партий на основе религии¹⁸.

¹⁸ Чиркин 2014.

После победы на президентских выборах 2014 г. ас-Сиси начал выстраивать жесткий режим личной власти, задействуя умеренный политический ислам в качестве инструмента его укрепления. Главной политической задачей, стоящей перед страной, была провозглашена борьба с терроризмом, под которой «подразумевается в основном подавление оппозиции в лице „Братьев-мусульман“* и их исламистских союзников, а также любых светских демократических сил, деятельность которых может угрожать новому политическому порядку»¹⁹.

¹⁹ Ибрагимов 2019.

В *Мавритании* правящая с 1978 г. военная хунта использует умеренный политический ислам в целях обеспечения массовой поддержки своей власти и консолидации общества. Но главное влияние на политическую ситуацию в стране оказывает расово-этнический конфликт «между негроидным населением преимущественно юга страны... и традиционно проживающими в северных областях туарегами и арабами-берберами»²⁰.

²⁰ Гришина 2021: 60.

В *Сирии* в ходе «арабской весны» 2011 г. начался многосторонний и многоуровневый вооруженный конфликт между военными и военизированными формированиями правящего персоналистского режима президента Башира Асада, с одной стороны, и различных оппозиционных сил, включающих в себя как умеренных, так и радикальных исламистов (прежде всего в лице Исламского государства*, разгромленного

к концу 2017 г., но не только), а также проживающих в Сирии курдов — с другой. С марта 2018 г. боевые действия практически не ведутся, страна распалась на четыре зоны влияния, самую большую из которых (порядка двух третей территории) контролирует режим Асада.

Стремясь сбить накал противостояния, одной из причин которого были конфессиональные противоречия между правящим алавитским меньшинством, к которому принадлежит семья президента, и суннитским большинством, составляющим порядка 75% мусульманского населения Сирии, Асад инициировал принятие в 2012 г. новой Конституции. В этом документе исламу и шариату посвящена только одна статья, которая устанавливает, что ислам является религией президента, но не государственной, а исламский фикх (то есть мусульманское право в широком смысле) — главным источником законодательства. Это свидетельствует о незначительном месте, которое отводится исламу в государстве и политике²¹.

²¹ Хайруллин
и Коротав 2016:
41.

Доминантным фактором в поле сирийской политики остается сохранение режима Асада при поддержке Ирана и России. Фактор политического ислама существенной роли не играет.

Среди исламских государств более трети (семь) характеризуются крайне нестабильной политической ситуацией. Применительно к таким государствам в полной мере оценить непосредственное влияние политического ислама на политический режим не представляется возможным. Политическая турбулентность в них порождается непрекращающимся противостоянием как политических групп и кланов (*Ирак, Мальдивы, Пакистан*), так и вооруженных военно-политических группировок (*Ливия, Сомали, Судан*). При этом в Ираке, Ливии и Сомали политическая нестабильность провоцируется в том числе радикальными исламистами, в частности (в Сомали) радикальной исламской группировкой «Аш-Шабат».

В *Йемене* с 2014 г. продолжается очередной этап гражданской войны, в которой проправительственные вооруженные формирования суннитов, поддерживаемые коалицией арабских государств во главе с Саудовской Аравией, противостоят вооруженным формированиям хауситов — военизированной группировки шиитов, пользующейся поддержкой со стороны Ирана.

**Влияние фактора
политического
ислама
в квазиисламских
государствах**

В квазиисламских государствах политический ислам находится на периферии поля политики и не оказывает значимого влияния на политическую ситуацию и политические процессы.

В *Иордании* всей полнотой власти обладает король, получающий ее в порядке престолонаследия. Король является главой государства и совместно с Национальной ассамблеей осуществляет законодательную власть. Королю принадлежит исполнительная власть, он назначает премьер-министра и членов Совета министров, судей Конституционного суда, а также гражданских и шариатских судов.

Действующий король Абдалла II достаточно жестко контролирует политическую ситуацию в стране, выступая сторонником экономических и политических реформ в соответствии с концепцией «Иордания превыше всего»²².

²² Морозова 2019.

Главной внутривластной проблемой Иордании остаются отношения между иорданцами и палестинцами — выходцами с Западного берега реки Иордан и из сектора Газа (включая проживающих в лагерях беженцев палестинцев-неграждан), которые, по разным оценкам, составляют порядка 40—60% населения страны. При этом многие палестинцы поддерживают радикальный политический ислам, прежде всего в лице радикальной исламской организации ХАМАС, что создает угрозу дестабилизации внутренней ситуации в Иордании²³.

²³ Крылов 2013.

В ст. 1 принятой в 2011 г. Конституции Марокко объявлено «конституционной монархией, демократическим государством с парламентской формой правления и светской системой власти»²⁴. При этом король, получающий власть в порядке престолонаследия, является не только главой государства, но и высшим духовным лидером — «повелителем правоверных» (Амир аль-муминин), возглавляющим Совет улемов, а также председателем Верховного суда.

²⁴ <https://worldconstitutions.ru/?p=481>.

Современную политическую ситуацию в стране определяют решения и действия короля Мухаммеда VI, который видит свою задачу в том, чтобы «проводить либеральные реформы, направленные на социально-экономическое и культурное развитие страны, не нарушая состояние хрупкого равновесия в обществе между прогрессивными и традиционалистскими силами, а также сохраняя основы легитимности монархического правления»²⁵.

²⁵ Егоров 2018: 27.

В Алжире на протяжении 20 лет действовал режим личной власти президента Абдель Азиза Бутефлики. В 2019 г. под давлением массовых акций протеста Бутефлика был вынужден подать в отставку, а президентом был избран Абдельмаджид Теббун, ранее не раз занимавший министерские посты, включая пост премьер-министра.

Придя к власти в 1999 г., Бутефлика взял курс на политическую интеграцию умеренной исламской оппозиции и жесткое подавление радикальных исламистов. Деятельность всех исламских организаций была поставлена под контроль двух государственных ведомств — Министерства по делам религий, которому подчиняется вся религиозная инфраструктура и все служители культа, и Высшего исламского совета, ответственного за верную интерпретацию вероучения и выдачу фетв²⁶. Ту же политику продолжает проводить Теббун.

²⁶ Наушкин и др. 2021: 30.

В Бангладеш после падения генерала Мухаммеда Эршада, правившего страной в 1983—1990 гг., установился режим, балансирующий между авторитаризмом и демократией. Вместе с тем если с 1991 по 2016 г., по оценке Freedom House, Бангладеш был частично свободной электоральной демократией, то в 2017 г. там произошел авторитарный откат.

Колебания политического маятника в стране во многом определяются противостоянием лидеров двух основных политических партий —

Халиды Зиа, возглавляющей Националистическую партию Бангладеш, и Хасины Вазед из «Авами Лиг». Обе партии декларируют свою приверженность демократии, однако первая стоит на позициях бангладешского национализма и выступает за свободную рыночную экономику и сохранение ислама в качестве религии большинства, тогда как вторая строит свою идеологию на принципах бенгальского национализма, секуляризма и социализма (социальной справедливости и свободы от эксплуатации)²⁷.

²⁷ Jahan 2014: 11.

В политическом поле Бангладеш доминирует скорее национализм (бенгальский и бангладешский) в контексте построения национального государства, а не политический ислам, который в определенной мере демпфирован на уровне конституционных установлений.

Согласно Конституции 2001 г., должность президента *Союза Коморских островов* переходит от острова к острову, президент избирается сроком на четыре года (с 2009 г. на пять лет) и может быть переизбран, но с соблюдением очередности между островами. По оценке Freedom House, в 2004—2017 гг. Коморские острова являлись частично свободной электоральной демократией, а в 2018 г. там наметился авторитарный откат.

Занявший в 2016 г. пост президента Союза Азали Ассумани начал формировать режим личной власти, инициировав внесение поправок в Конституцию, предполагавших корректировку принципа регулярной ротации президентов и изменение статуса Конституционного суда как независимого института, что позволило ему переизбраться в 2019 г. на второй срок с перспективой дальнейшего переизбрания²⁸.

²⁸ Турьинская 2020.

Особое место в группе квазиисламских государств занимает *Тунис* — единственная страна, где следствием «арабской весны» стала демократизация. С 2011 г. Freedom House причисляет Тунис к частично свободным электоральным демократиям.

После неудавшейся попытки умеренно исламистской Партии возрождения, игравшей в 2011—2013 гг. одну из ключевых ролей в тунисской политике, направить развитие Туниса по пути политического ислама²⁹, в январе 2014 г. в стране была принята новая Конституция, закрепившая отказ от политического ислама при сохранении участия исламских партий (наравне с другими) в политическом процессе.

²⁹ Долгов 2017.

Влияние фактора политического ислама в светских мусульманских государствах

Среди светских мусульманских государств большинство относится к числу авторитарных, где доминирующим политическим фактором является стремление правящих элит обеспечить сохранение своей власти и несменяемость режима. Политический ислам в этих государствах не оказывает сколько-нибудь заметного влияния на политические процессы.

Особое место в рассматриваемой группе занимает *Турция*, которая была и остается светским государством, что во многом объясняется «эффектом колеи» — колеи лаицизма, которая была задана основателем

³⁰ Сергеев
и Саруханян 2012.

современного турецкого государства Кемалем Ататюрком и хранителями которой выступают армия, прокуратора и судебная система³⁰. Вместе с тем после прихода к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития во главе с Реджепом Эрдоганом наметилась тенденция к исламизации турецкого общества и постепенному росту влияния умеренного политического ислама.

В 2017 г. в Конституцию Турции были внесены серьезные изменения: парламентская форма правления была заменена президентской при существенном расширении полномочий президента. Занимающий этот пост с 2014 г. Эрдоган начал выстраивать режим личной власти, инструментально используя умеренный политический ислам в противовес радикальному для подавления политической конкуренции, укрепления правящего режима и консолидации его социальной базы. В результате Турция, которая более 25 лет квалифицировалась Freedom House как частично свободная электоральная демократия, перешла в категорию несвободных.

Светские мусульманские страны с авторитарным правлением и стабильными политическими режимами можно по региональному признаку разделить на две группы: постсоветские мусульманские государства и африканские мусульманские диктатуры.

В странах первой группы — *Азербайджане, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане* — в отношениях государства с исламом в той или иной степени проявился эффект «постатеистической колеи», доставшейся им в наследство от СССР, где атеизм был неотъемлемым элементом идеологии³¹.

³¹ Жусупбек 2017.

Такое развитие событий было во многом предопределено тем, что после распада СССР главами этих стран стали высокопоставленные деятели КПСС, которые начали формировать режимы личной власти. Правящий социальный слой там складывался по преимуществу из представителей советской партийно-хозяйственной номенклатуры, которые «не расстались с антирелигиозными и антиисламскими взглядами и неизменно понимают религию как „опиум для народа“»³².

³² Seifert 2012: 18.

В настоящее время все механизмы влияния ислама, тем более политического, на политические режимы и процессы в этих странах полностью заблокированы; в частности, там нет ни одной легальной исламской политической партии. Вместе с тем с распадом СССР в них началось возрождение ислама, его влияние стало возрастать, развернулся процесс исламизации населения³³. Впрочем, этот процесс проявляется в основном в частной жизни как индивидуальный социокультурный феномен.

³³ Гарбузарова
2019.

Усиление ислама вызвало двоякую реакцию властей. С одной стороны, предпринимаются активные попытки интегрировать ислам как национальную культурно-историческую традицию в базовый идеологический концепт построения национального государства и формирования национальной идентичности. Власти культивируют «официальный ислам», активно взаимодействуют с лояльными им исламскими объ-

единениями. С другой стороны, происходит конструирование исламской угрозы, «секьюритизация» всех неконтролируемых государством направлений ислама, в первую очередь политического. Побудительным мотивом к запуску «секьюритизации» и ее обоснованием послужили радикальные проявления политического ислама, прежде всего в Ферганской долине на стыке Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана³⁴. Такие проявления жестко подавлялись и подавляются, при этом «секьюритизация» подвергается не только исламская, но и любая другая оппозиция действующей власти.

³⁴ Жусупбек 2017:
104—105.

В постсоветских мусульманских государствах исламский фактор используется правящими режимами в качестве инструмента расширения и консолидации своей социальной базы.

К группе африканских мусульманских диктатур относятся Джибути, Гамбия, Гвинея и Чад.

В *Джибути* более 20 лет действует режим личной власти президента Исмаила Омара Геллеха, чья религиозная политика строится на принципах веротерпимости и толерантности³⁵. Фактор политического ислама здесь никак не влияет на поле политики.

³⁵ Мезенцев 2021.

С 1996 по 2016 г. правящим режимом в *Гамбии* была персоналистская диктатура президента Яйя Джамме. После отстранения Джамме от власти в 2017 г. в Гамбии установился режим личной власти президента Адама Бэрроу³⁶. Ни при Джамме, ни при Бэрроу фактор политического ислама не оказывал и не оказывает влияния на политические процессы в стране.

³⁶ Панов 2016;
Денисова 2021b.

Сходным образом дело обстояло в *Гвинее* в период персоналистского правления президента Альфа Конде. И хотя в сентябре 2021 г. в результате военного переворота Конде, находившийся у власти с 2010 г., был свергнут³⁷, это никак не сказалось на роли фактора политического ислама в политической жизни страны.

³⁷ Денисова 2021a.

В *Чаде* с 1990 г. правил президент Идрис Деби, который в апреле 2021 г. погиб в столкновении с повстанцами из Фронта перемен и согласия, и власть перешла к его сыну — генералу Махамату Идрису Деби. Режим Деби-старшего находился в состоянии постоянной вооруженной борьбы с радикальными исламскими движениями Боко Харам и Исламское государство в Большой Сахаре, выступая в этом противостоянии в союзе с Францией.

Буркина Фасо, Мали и Нигер, в которых политическая ситуация нестабильна, как и Чад, расположены в Сахеле, где начиная с 2013 г. проявляют повышенную террористическую активность радикальные исламские движения, в частности такие, как Фронт освобождения Масыны, группа «Ансар уль-Ислам» и Исламское государство в Большой Сахаре³⁸. Государства региона вынуждены постоянно (и с переменным успехом) вести вооруженную борьбу с исламистами. Стоит отметить, что к этой группе государств не только географически, но и в плане военного противодействия радикальным исламским движениям примыкает Нигерия, в населении которой примерно в равной

³⁸ Пономарев
(ред.) 2020.

степени представлены мусульмане и христиане (48,8 и 49,3% соответственно).

В *Мали*, где, согласно Freedom House, в 2012 г. произошел авторитарный откат, *Нигере*, где такой откат зафиксирован четыре года спустя, и *Буркина Фасо* систематически происходят военные перевороты, которые, наряду с террористической деятельностью исламистов, дестабилизируют политическую ситуацию. При этом среди причин переворотов немаловажное место занимает именно неспособность властей обеспечить безопасность граждан и противостоять насилию со стороны исламских радикалов.

Еще одним светским мусульманским государством с нестабильной политической ситуацией является *Ливан*. После окончания в 1990 г. гражданской войны, вывода в 2005 г. сирийских вооруженных сил и завершения в 2006 г. ливано-израильского конфликта политическая ситуация в стране так и не стабилизировалась. Дестабилизирующим фактором выступают конфликты между различными политическими группировками, имеющие в том числе и религиозную составляющую. Заметную роль в этих конфликтах играет военизированная шиитская организация и политическая партия Хезболла.

Четыре светских мусульманских государства — Албания, Индонезия, Сенегал и Сьерра-Леоне — относятся к числу частично свободных электоральных демократий, в которых политический ислам никак не влияет на политическую жизнь.

Албания, 80,3% населения которой исповедует ислам, — единственное суверенное мусульманское государство в Европе. Согласно Конституции 1998 г., одной из его основ является веротерпимость и сосуществование религий, и религиозные организации должны уважать независимость друг друга. В Албании нет исламских политических партий, отсутствует там и процесс исламизации.

В *Индонезии*, самой большой по численности населения мусульманской стране (более 276 млн человек по состоянию на 2021 г.), в соответствии с закрепленной в преамбуле ее Конституции доктриной «Панча Сила», ислам не имеет преимуществ перед другими монотеистическими религиями, в том числе и в плане влияния на общественную жизнь и политику³⁹.

С конца XX в. *Сенегал* и *Сьерра-Леоне* причисляются Freedom House к устойчивым электоральным демократиям. В этих странах нет исламских политических партий, хотя исламские религиозные общины и их духовные лидеры играют значимую роль в электоральном процессе (особенно в Сенегале⁴⁰).

³⁹ Куклин 2021.

⁴⁰ Садовская 2017.

Заключение

Как видно из представленного выше обзора, влияние фактора политического ислама в поле политики мусульманского мира, а следовательно, и в поле мировой политики в целом носит ограниченный характер.

Прямое воздействие политического ислама в какой-либо его ипостаси (радикальной, традиционной, умеренной) на политическую ситуацию и процессы, будь то в форме абсолютного доминирования или инструментального использования властью, просматривается только в 12 исламских государствах со стабильными правящими режимами и светской Турцией. Во всех этих государствах, кроме таких теократических диктатур, как Афганистан и Иран, а также Катара, который обвиняют в скрытой поддержке радикальных исламских движений, власти жестко подавляют любые проявления радикального политического ислама.

Вместе с тем успех Талибана* в Афганистане спровоцировал усиление террористической активности радикальных исламских организаций в соседнем Пакистане и других странах мусульманского мира. А Иран заметно влияет на политическую ситуацию на Ближнем Востоке, претендуя на роль регионального лидера, и угрожает мировому сообществу созданием ядерного оружия.

Важно также отметить, что существенное влияние на политическую ситуацию в ряде исламских государств оказывает межконфессиональный суннитско-шиитский конфликт, который может принимать разные формы, вплоть до гражданской войны (Йемен).

В 20 квазиисламских и светских мусульманских государствах со стабильными режимами политический ислам если и присутствует, то лишь на периферии политического поля. При этом в некоторых из государств этой группы власти вынуждены вести борьбу, в том числе с использованием вооруженных сил, с трансграничной террористической деятельностью радикальных исламских организаций.

Почти в четверти (11 из 45) государств мусульманского мира политическая ситуация на протяжении вот уже многих лет нестабильна, что не позволяет в полной мере оценить непосредственное влияние фактора политического ислама на развертывающиеся в них политические процессы. В то же время одним из триггеров политической турбулентности в этих государствах, наряду с этническими и клановыми конфликтами, выступает террористическая деятельность как международных, так и национальных радикальных исламских группировок и движений.

Библиография

Атасунцев А., Е.Пудовкин и П.Химшиашвили. (2021) «Чем соседним странам и миру угрожает победивший в Афганистане „Талибан“» // *РБК*, 16.08. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/08/2021/611a3b7d9a7947c5a29651a7> (проверено 13.05.2023).

«В Малайзии ввели „индекс шариата“, показывающий соответствие общества исламскому праву». (2015) // *ТАСС*, 11.02. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1760090> (проверено 13.05.2023).

Гарбузарова Е.Г. (2019) «Ислам в государствах Центральной Азии в современный период» // *Исламоведение*, т. 10, № 2: 22—31.

Гришина Н.В. (2021) «Мавритания: эволюция политических структур» // *Ученые записки Института Африки РАН*, № 3 (56): 56—65. URL: <https://africajournal.ru/wp-content/uploads/2021/09/Grishina-Mavritaniya-Evoljutsiya.pdf> (проверено 23.06.2023).

Денисова Т.А. (2021а) «Военный переворот 5 сентября 2021 г. в Гвинее» // *Институт Африки Российской академии наук*, 5.10. URL: <https://inafran.ru/node/2542> (проверено 13.05.2023).

Денисова Т.А. (2021б) «Президентские выборы 2021 г. и политическая ситуация в Гамбии» // *ИМЭМО РАН*. URL: <https://www.imemo.ru/special-rubrics/africa/text/prezidentskie-vibori-2021-g-i-politicheskaya-situatsiya-v-gambii> (проверено 13.05.2023).

Долгов Б.В. (2017) «Социально-политическое развитие Туниса и стратегия „Движения Нахда“» // *Азия и Африка сегодня*, № 3: 9—16.

Дьяков А. (2020) «Ядерная программа Ирана — прошлое, настоящее и неопределенное будущее» // *Мировая экономика и международные отношения*, т. 64, № 12: 15—24. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/12_2020/03-DIYAKOV.pdf (проверено 23.06.2023).

Егоров И.С. (2018) «Специфика формирования личности Мухаммеда VI как современного лидера и реформатора Марокко» // *Политика и общество*, № 11: 19—28.

Жусипбек Г. (2017) «Политический ислам в Центральной Азии после 25 лет независимости» // Ларюэль М. и А. Курманова, ред. *Центральная Азия — 25: мысли о прошлом, проекция будущего. Сборник эссе из Центральной Азии*: 102—108. URL: https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2015/11/25-Years_Russian.pdf (проверено 23.06.2023).

Золотухин И.Н. (2010) «Малайзия в зеркале этноконфессиональной ситуации: история и современность» // *Ойкумена: Регионоведческие исследования*, № 1: 7—17. URL: https://ojkum.ru/arc/lib/2010_01_02.pdf (проверено 23.06.2023).

Ибрагимов И. (2019) «Внутриполитическая ситуация в Египте» // *Российский совет по международным делам*, 28.03. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vnutripoliticheskaya/> (проверено 13.05.2023).

Игнатенко А. (2000) «От Филиппин до Косово» // *Независимая газета*, 12.10. URL: https://www.ng.ru/ideas/2000-10-12/8_islam.html?print=Y (проверено 13.05.2023).

Кириченко В.П. (2021) «Положение шиитского населения Бахрейна после событий „арабской весны“ 2011 г.» // *Россия и мусульманский мир*, № 3: 79—87.

Крылов А.В. (2013) «Особенности демократических реформ в Иордании» // *Вестник МГИМО-Университета*, № 2 (29): 113—119.

Кузнецова Т.О., Л.М.Ефимова, А.Г.Орлов и М.А.Сапронова. (2015) *Современные избирательные системы. Вып. 10: Италия, Малайзия, Перу, Сирия*. М.: РЦИОИТ.

Куклин Н.С. (2021) «Этапы социально-политического развития исламской общины в Индонезии: культурная самобытность и национальные особенности» // *Россия и мусульманский мир*, № 4: 69—85.

Куршаков В. (2012) «Шиитский фактор во внешней политике Ирана» // *Мировая экономика и международные отношения*, № 12: 24—32. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/11_2012/3-Kurshakov.pdf (проверено 23.06.2023).

Малашенко А. (2006) *Исламская альтернатива и исламистский проект*. М.: Весь Мир.

Мезенцев С.В. (2021) «Президентские выборы в Джибути. Обстановка в стране и прогнозы ее развития» // *Институт Африки РАН*, 18.06. URL: <https://www.inafran.ru/node/2495> (проверено 13.05.2023).

Мелкумян Е.С. (2010) «Система власти в Кувейте: традиции и современность» // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки»*, № 1: 99—108. URL: <https://liber.rsuh.ru/elib/000002621> (проверено 23.06.2023).

Мелкумян Е.С. (2018) «Власть и ислам в Кувейте: поле взаимодействия» // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение»*, № 2 (12): 92—104. URL: <https://liber.rsuh.ru/elib/000012819> (проверено 23.06.2023).

Милославская Т.П. (2010) «Бруней-Даруссалам: „Малайская исламская монархия“» // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, т. 14, № 5: 246—266. URL: <https://sea.ivran.ru/f/16379456.pdf> (проверено 23.06.2023).

Морозова Н.Н. (2019) «Король Иорданского Хашимитского Королевства Абдалла II: политический портрет» // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*, т. 19, № 4: 690—701.

Наумкин В.В., И.А.Зарипов, В.А.Кузнецов и В.В.Орлов. (2021) «Стратегии выстраивания отношений между государством и исламом в России и арабском мире» // *Minbar. Islamic Studies*, т. 14, № 1: 13—49.

Панов А. (2016) «Политический кризис в Гамбии и операция „Восстановление демократии“» // *Институт Африки Российской академии наук*. URL: <https://www.inafran.ru/node/1312> (проверено 13.05.2023).

Пономарев И.В., ред. (2020) *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: Зона Сахары-Сахеля и Африканский Рог*. Т. IV. М.: Институт Африки РАН.

Прозоров С.М., ред. (1991) *Ислам: Энциклопедический словарь*. М.: Наука.

Саватеев А.Д. и Т.Р.Хайруллин. (2019) «Дерадикализация исламизма: опыт Саудовской Аравии» // *Ислам в современном мире*, т. 15, № 3: 165—180.

Садовская Л.М. (2017) *Власть и оппозиция в африканском обществе в конце XX — начале XXI вв. (на примере Сенегала и Кот-д'Ивуара)*. М.: Институт Африки РАН.

Сергеев В.М. и С.Н.Саруханян. (2012) «Модернизация и политический ислам в Турции» // *Полития*, № 4 (67): 134—151. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Sergeev_Sarukhanyan-2012-4.pdf (проверено 23.06.2023).

Турьинская Х.М. (2020) «Парламентские выборы 2020 г. на Коморах: федерализм и централизация» // *Институт Африки Российской академии наук*, 30.03. URL: <https://www.inafran.ru/node/2190> (проверено 13.05.2023).

Федорченко А. (2013) «Межконфессиональные противоречия в Саудовской Аравии: „шиитский вопрос“» // *Международная жизнь*, № 6. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/888> (проверено 13.05.2023).

Хайруллин Т. и А.Коротаев. (2016) «Ислам, Партия арабского социалистического возрождения и сирийские конституции 1973 и 2012 гг.» // *Право и управление. XXI век*, № 2 (39): 40—46. URL: http://pravo.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/06_hayirulintr_korotaevav.pdf (проверено 23.06.2023).

Чиркин В.Е. (2014) «Конституция Египта 2014 г.» // *Государство и право*, № 6: 90—97.

Jahan R. (2014) *Political Parties in Bangladesh*. CPD-CMI Working Paper 8. Centre for Policy Dialogue; Chr. Michelsen Institute. URL: <https://open.cmi.no/cmi-xmlui/bitstream/handle/11250/2474963/Political%20Parties%20in%20Bangladesh?sequence=1&isAllowed=y> (проверено 23.06.2023).

Seifert A.C. (2012) *Der politische Islam in Zentralasien — Gegner oder demokratischer Partner?* CORE Working Paper 25. Hamburg. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/156409/CORE%20WP25.pdf> (accessed on 23.06.2023).

Voll J.O. and T.Sonn. (2009) «Political Islam» // *Oxford Bibliographies*, 14.12. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780195390155/obo-9780195390155-0063.xml> (accessed on 13.05.2023).

* Решением Верховного суда РФ организация признана террористической, ее деятельность на территории России запрещена.

Yu.A.Nisnevich
**INFLUENCE OF POLITICAL
 ISLAM FACTOR
 IN MODERN WORLD**

Yuliy A. Nisnevich — Doctor of Political Science; Professor at the School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, HSE University.
 E-mail: jnisnevich@hse.ru.

Abstract. The article is devoted to the problem of the influence of the factor of political Islam in the modern conditions. In order to reveal such influence, the author examines the situation in 45 UN member states, where more than 50% of the population adheres to Islam, tentatively subdividing these states into Islamic, quasi-Islamic and secular. His analysis shows that the influence of the factor of political Islam in the field of politics of the Muslim world, and, consequently, in the global political space, is limited.

The direct impact of political Islam on political processes is visible only in 12 Islamic states with stable political regimes and secular Turkey. In all these states, except for theocratic Islamic dictatorships Afghanistan and Iran, as well as Qatar, the authorities severely suppress any manifestations of radical political Islam. The interreligious Sunni-Shia conflict exerts a significant impact on the political situation in a number of Islamic states.

In 20 quasi-Islamic and secular Muslim states with stable political regimes, political Islam, if present, is only on the periphery of the political field. At the same time, in some of the states in this group, the authorities have to fight cross-border terrorist activity of radical Islamic organizations.

In almost a quarter of the states of the Muslim world, the political situation is currently unstable. Herewith, one of the factors of political turbulence in these states, along with ethnic and clan conflicts, is the terrorist activities of both international and national radical Islamic groups and movements.

Keywords: political Islam, Muslim world, Islamic, quasi-Islamic and secular Muslim states, radical Islamic organizations

References

Atasuntsev A., E.Pudovkin, and P.Khimshiashvili. (2021) “Chem sosednim stranam i miru ugrozhaet pobedivshij v Afganistane „Taliban“” [How Does the Taliban, Which Has Won in Afghanistan, Threaten Neighboring Countries and the World] // *RBC*, 16.08. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/08/2021/611a3b7d9a7947c5a29651a7> (accessed on 13.05.2023). (In Russ.)

Chirkin V.E. (2014) “Konstitutsija Egipta 2014 g.” [The Constitution of Egypt 2014] // *Gosudarstvo i parvo* [State and Law], no. 6: 90–97. (In Russ.)

Denisova T.A. (2021a) “Voennyj perevorot 5 sentjabrja 2021g. v Gvinee” [Military Coup on September 5, 2021 in Guinea] // *Institut Afriki Rossijskoj akademii nauk* [Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences], 5.10. URL: <https://inafran.ru/node/2542> (accessed on 13.05.2023). (In Russ.)

Denisova T.A. (2021b) “Prezidentskie vybory 2021 g. i politicheskaja situatsija v Gambii” [The 2021 Presidential Elections and the Political Situation in Gambia] // *MEMO RAN* [Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences]. URL: <https://www.imemo.ru/special-rubrics/africa/text/prezidentskie-vybory-2021-g-i-politicheskaja-situatsiya-v-gambii> (accessed on 13.05.2023). (In Russ.)

Diyakov A. (2020) “Jadernaja programma Irana — proshloe, nastojashchee i neopredelennoe budushchee” [Iran’s Nuclear Program — Past, Present and Uncertain Future] // *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], vol. 64, no. 12: 15–24. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/12_2020/03-DIYAKOV.pdf (accessed on 23.06.2023). (In Russ.)

Dolgov B.V. (2017) “Sotsial’no-politicheskoe razvitie Tunisa i strategija „Dvizhenija Nakhda“” [Socio-Political Development of Tunisia and the Strategy of the Nahda Movement] // *Azija i Afrika segodnja* [Asia and Africa Today], no. 3: 9–16. (In Russ.)

Egorov I.S. (2018) “Spetsifika formirovanija lichnosti Mukhammeda VI kak sovremennogo lidera i reformatora Marokko” [The Specifics of the Formation of the Personality of Mohammed VI as a Modern Leader and Reformer of Morocco] // *Politika i obshchestvo* [Politics and Society], no. 11: 19–28. (In Russ.)

Fedorchenko A. (2013) “Mezhkonnessional’nye protivorechija v Saudovskoj Aravii: „shiitskij vopros“” [Interfaith Contradictions in Saudi Arabia: the “Shiite Issue”] // *Mezhdunarodnaja zhizn’* [International Affairs], no. 6. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/888> (accessed on 13.05.2023). (In Russ.)

Garbuzarova E.G. (2019) “Islam v gosudarstvakh Tsentral’noj Azii v sovremennyj period” [Islam in the Central Asian States in Modern Period] // *Islamovedenie* [Islamic Studies], vol. 10, no. 2: 22–31. (In Russ.)

Grishina N.V. (2021) “Mavritanija: evoljutsija politicheskikh struktur” [Mauritania: the Evolution of Political Structures] // *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN* [Journal of the Institute for African Studies], no. 3 (56): 56–65. URL: <https://africajournal.ru/wp-content/uploads/2021/09/Grishina-Mavritaniya-Evoljutsiya.pdf> (accessed on 23.06.2023). (In Russ.)

Ibragimov I. (2019) “Vnutripoliticheskaja situatsija v Egipte” [The Internal Political Situation in Egypt] // *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam* [Russian International Affairs Council], 28.03. URL: <https://russian->

council.ru/analytics-and-comments/analytics/vnutripoliticheskaya/ (accessed on 13.05.2023). (In Russ.)

Ignatenko A. (2000) “Ot Filippin do Kosovo” [From the Philippines to Kosovo] // *Nezavisimaya Gazeta*, 12.10. URL: https://www.ng.ru/ideas/2000-10-12/8_islam.html?print=Y (accessed on 13.05.2023). (In Russ.)

Jahan R. (2014) *Political Parties in Bangladesh*. CPD-CMI Working Paper 8. Centre for Policy Dialogue; Chr. Michelsen Institute. URL: <https://open.cmi.no/cmi-xmlui/bitstream/handle/11250/2474963/Political%20Parties%20in%20Bangladesh?sequence=1&isAllowed=y> (accessed on 23.06.2023).

Khayrullin T. and A.Korotaev. (2016) “Islam, Partija arabskogo sotsialisticheskogo vozrozhdenija i sirijskie konstitutsii 1973 i 2012 gg.” [Islam, the Arab Socialist Ba’ath Party and the Syrian Constitutions of 1973 and 2012] // *Pravo i upravlenie. XXI vek* [Journal of Law and Administration], no. 2 (39): 40—46. http://pravo.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/06_hayirulintr_korotaevav.pdf (accessed on 23.06.2023). (In Russ.)

Kirichenko V.P. (2021) “Polozhenie shiitskogo naselenija Bakhrejna posle sobytij „arabskoj vesny“ 2011g.” [The Situation of the Shia Population of Bahrain in the Wake of the Arab Spring 2011] // *Rossija i musul’anskij mir* [Russia and the Muslim World], no. 3: 79—87. (In Russ.)

Krilov A.V. (2013) “Osobennosti demokraticeskikh reform v Iordanii” [Features of Democratic Reforms in Jordan] // *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], no. 2 (29): 113—119. (In Russ.)

Kuklin N.S. (2021) “Etapy sotsial’no-politicheskogo razvitija islamskoj obshchiny v Indonezii: kul’turnaja samobytnost’ i natsional’nye osobennosti” [Stages of Socio-Political Development of the Islamic Community in Indonesia: Cultural Identity and National Features] // *Rossija i musul’anskij mir* [Russia and the Muslim World], no. 4: 69—85. (In Russ.)

Kurshakov V. (2012) “Shiitskij faktor vo vneshnej politike Irana” [Shia Factor in Current Policies of Islamic Republic of Iran] // *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], no. 12: 24—32. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/11_2012/3-Kurshakov.pdf (accessed on 23.06.2023). (In Russ.)

Kuznetsova T.O., L.M.Efimova, A.G.Orlov, and M.A.Sapronova. (2015) *Sovremennye izbiratel’nye sistemy. Vyp. 10: Italija, Malajzija, Peru, Sirija* [Modern Electoral Systems. Issue 10: Italy, Malaysia, Peru, Syria]. Moscow: RTsOIT. (In Russ.)

Malashenko A. (2006) *Islamskaja al’ternativa i islamistskij projekt* [The Islamic Alternative and the Islamist Project]. Moscow: Ves’ Mir. (In Russ.)

Melkumyan E.S. (2010) “Sistema vlasti v Kuvejte: traditsii i sovremenost’” [System of Power in Kuwait: Tradition and Modernity] // *Vestnik RGGU. Serija: “Politologija. Sotsial’no-kommunikativnye nauki”* [RSUH/

RGGU Bulletin. “Political Science. Social and Communicative Sciences” Series], no. 1: 99—108. URL: <https://liber.rsuh.ru/elib/000002621> (accessed on 23.06.2023). (In Russ.)

Melkumyan E.S. (2018) “Vlast’ i islam v Kuvejte: pole vzaimodejstvija” [Power and Islam in Kuwait: The Field of Interaction] // *Vestnik RGGU. Serija “Politologija. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie”* [RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies” Series], no. 2 (12): 92—104. URL: <https://liber.rsuh.ru/elib/000012819> (accessed on 23.06.2023). (In Russ.)

Mezentsev S.V. (2021) “Prezidentskie vybory v Dzhibuti. Obstanovka v strane i prognozy ee razvitija” [Presidential Elections in Djibouti. The Situation in the Country and Forecasts of Its Development] // *Institut Afriki Rossijskoj akademii nauk* [Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences], 18.06. URL: <https://www.inafran.ru/node/2495> (accessed on 13.05.2023). (In Russ.)

Miloslavskaya T.P. (2010) “Brunej-Darussalam: „Malajskaja islamskaja monarkhija“” [Brunei Darussalam: “Malay Islamic Monarchy”] // *Yugo-Vostochnaja Azija: aktual’nye problemy razvitija* [Southeast Asia: Actual Problems of Development], vol. 14, no. 5: 246—266. URL: <https://sea.ivran.ru/f/16379456.pdf> (accessed on 23.06.2023). (In Russ.)

Morozova N.N. (2019) “Korol’ Iordanskogo Khashimitskogo Korolevstva Abdalla II: politicheskij portret” [King of the Hashemite Kingdom of Jordan Abdullah II: Political Portrait] // *Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija* [Vestnik RUDN. International Relations], vol. 19, no. 4: 690—701. (In Russ.)

Naumkin V.V., I.A.Zaripov, V.A.Kuznetsov, and V.V.Orlov. (2021) “Strategii vystraivaniya otnoshenij mezhdru gosudarstvom i islamom v Rossii i arabskom mire” [The Strategies of Building Relations between the State and Islam in Russia and in the Arab World] // *Minbar. Islamic Studies*, vol. 14, no. 1: 13—49. (In Russ.)

Panov A. (2016) “Politicheskij krizis v Gambii i operatsija „Vosstanovlenie demokratii“” [The Political Crisis in Gambia and Operation “Restore Democracy”] // *Institut Afriki Rossijskoj akademii nauk* [Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences]. URL: <https://www.inafran.ru/node/1312> (accessed on 13.05.2023). (In Russ.)

Ponomarev I.V., ed. (2020) *Islamskie radikal’nye dvizhenija na politicheskoi karte sovremennogo mira: Zona Sakhary-Sakhelja i Afrikaniskij Rog* [Islamic Radical Movements on the Political Map of the Modern World: The Sahara-Sahel Zone and the Horn of Africa]. Vol. IV. Moscow: Institut Afriki RAN. (In Russ.)

Prozorov S.M., ed. (1991) *Islam: Entsiklopedicheskij slovar’* [Islam. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Sadovskaya L.M. (2017) *Vlast’ i oppozitsija v afrikanском obshchestve v kontse 20 — nachale 21 vv. (na primere Senegala i Kot-d’Ivuara)* [Power

and Opposition in African Society in the Late 20th — Early 21st Centuries (On the Example of Senegal and Côte d'Ivoire)]. Moscow: Institut Afriki RAN. (In Russ.)

Savateev A.D. and T.R.Khayrullin. (2019) “Deradikalizatsija islamizma: opyt Saudovskoj Aravii” [Deradicalization of Islamists in Saudi Arabia] // *Islam v sovremennom mire* [Islam in the Modern World], vol. 15, no. 3: 165—180. (In Russ.)

Seifert A.C. (2012) *Der politische Islam in Zentralasien — Gegner oder demokratischer Partner?* CORE Working Paper 25. Hamburg. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/156409/CORE%20WP25.pdf> (accessed on 23.06.2023).

Sergeev V.M. and S.N.Sarukhanyan. (2012) “Modernizatsija i politicheskij islam v Turtsii” [Modernization and Political Islam in Turkey] // *Politeia*, no. 4 (67): 134—151. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Sergeev_Sarukhanyan-2012-4.pdf (accessed on 23.06.2023). (In Russ.)

Tur'inskaya Kh.M. (2020) “Parlamentskie vybory 2020 g. na Komorakh: federalizm i tsentralizatsija” [Parliamentary Elections 2020 in the Comoros: Federalism and Centralization] // *Institut Afriki Rossijskoj akademii nauk* [Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences], 30.03. URL: <https://www.inafran.ru/node/2190> (accessed on 13.05.2023). (In Russ.)

“V Malajzii vveli „indeks shariata“, pokazyvajushchij sootvetstvie obshchestva islamskomu pravu” [Malaysia Has Introduced a “Sharia Index” Showing the Compliance of Society with Islamic Law]. (2015) // *TASS*, 11.02. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1760090> (accessed on 13.05.2023). (In Russ.)

Voll J.O. and T.Sonn. (2009) “Political Islam” // *Oxford Bibliographies*, 14.12. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780195390155/obo-9780195390155-0063.xml> (accessed on 13.05.2023).

Zhussipbek G. (2017) “Politicheskij islam v Tsentral'noj Azii posle 25 let nezavisimosti” [Political Islam in Central Asia: After 25 Years of Independence] // Laruelle M. and A.Kourmanova, eds. *Tsentral'naja Aziya — 25: mysli o proshlom, proektsija budushchego. Sbornik esse iz Tsentral'noj Azii* [Central Asia at 25: Looking Back, Moving Forward. A Collection of Essays from Central Asia]: 102—108. URL: https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2015/11/25-Years_Russian.pdf (accessed on 23.06.2023). (In Russ.)

Zolotukhin I.N. (2010) “Malajzija v zerkale etnokonfessional'noj situatsii: istorija i sovremennost'” [Malaysia in the Aspect of the Ethnoconfessional Situation: History and Modern Time] // *Ojkumena: Regionovedchiskie issledovanija* [Ojkumena. Regional Researches], no. 1: 7—17. URL: https://ojkum.ru/arc/lib/2010_01_02.pdf (accessed on 23.06.2023). (In Russ.)

XVIII КОНКУРС РАБОТ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ НА ПРЕМИЮ А.М.САЛМИНА

Проводится ежегодно

Условия конкурса

1. К участию в конкурсе приглашаются студенты и аспиранты факультетов политологии, научные сотрудники исследовательских институтов и аналитических центров, не достигшие ко времени подачи работы 30 лет.
2. К участию в конкурсе принимаются работы объемом не более 40 тыс. знаков.
3. Приоритетными (для конкурса) направлениями политической науки являются: сравнительный анализ политических культур, политических институтов, межэтнических и церковно-государственных отношений.
4. Работы принимаются до 31 декабря 2023 г., оглашение результатов происходит во второй половине февраля.
5. Принятые к публикации в журнале «Полития» статьи авторов, отвечающих требованиям, изложенным в пункте 1, рассматриваются Жюри автоматически.
6. По итогам конкурса присуждаются первая (30 тыс. рублей), вторая (15 тыс. рублей) и третья (10 тыс. рублей) премии.

Работы с пометкой «на конкурс» присылать на электронный адрес: politeia@politeia.ru.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ПОЛИТИЯ»

1. Предлагаемые для публикации статьи направляются на электронный адрес Редакции (politeia@politeia.ru) в формате *.doc или *.docx.

2. Все статьи публикуются на бесплатной основе независимо от научного статуса авторов (в том числе аспирантские).

3. К статье должна прилагаться следующая информация об авторе (авторах): фамилия, имя и отчество полностью (на русском и английском языках), ученая степень и ученое звание, место работы, должность, контактный телефон, адрес электронной почты. Статьи, поступившие от посреднических контор, к рассмотрению не принимаются.

4. К статье следует приложить аннотацию на русском и английском языках. Аннотация должна представлять собой краткий аналитический текст (1500—2000 знаков с пробелами), раскрывающий основное содержание статьи. В конце аннотации следует указать 5—7 ключевых слов статьи на русском и английском языках.

5. Рекомендуемый объем статьи — 30—40 тыс. знаков с пробелами. Тексты, выходящие за пределы данного объема, рассматриваются Редакцией только в порядке исключения.

6. Статья должна иметь библиографический список на русском и английском языках. В списке указываются все авторы и источники, цитируемые в тексте. На каждую работу из списка обязательна ссылка в тексте. Библиографические и текстовые ссылки даются в подстрочных примечаниях со сквозной нумерацией. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены.

7. В связи с особенностями макета «Политии» просим авторов воздерживаться от обширных подстрочных примечаний.

8. Текст статьи должен быть приведен автором в максимальное соответствие со стилистическими, орфографическими, синтаксическими и прочими языковыми нормами до отправки его в Редакцию. Сокращения слов не допускаются.

9. Таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь название и располагаться по месту их будущего размещения в макете. Числовые данные в таблицах должны быть выверены автором. В тексте должна быть ссылка на каждую таблицу и рисунок (их порядковый номер). Рисунки должны быть выполнены в черно-белом формате. Таблицы и рисунки должны интегрироваться в файл формата *.doc (*.docx) с сохранением возможности их редактирования.

10. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи. По заранее оговоренному желанию автора редакционная правка подлежит согласованию с автором.

11. Все статьи, поступившие в Редакцию и отвечающие профилю, концепции и тематике журнала, проходят рецензирование. Принятие первичного решения о соответствии/несоответствии поступивших в Редакцию статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой коллегии в составе Главного редактора и всех заместителей Главного редактора журнала. Статьи, не прошедшие экспертизу коллегии в составе Главного редактора и всех заместителей Главного редактора журнала, к рецензированию не принимаются.

12. Редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей, учитывая мнения рецензентов. Рецензирование носит обоюдно анонимный характер: имена авторов не сообщаются рецензентам, имена рецензентов не сообщаются авторам.

Регламент рецензирования подробно описан в «Порядке рассмотрения и рецензирования статей, поступивших в редакцию журнала „Полития“» на сайте журнала (<http://politeia.ru/content/pravila-predostavlenija-rukopisej/porjadok-rassmotrenija-i-recenzirovanija/>).

13. Статьи, ранее опубликованные (в том числе в интернете) или сданные в другие издания, в журнале не публикуются. Исключения возможны только для препринтов. Автор обязан проинформировать Редакцию о факте существования препринта предлагаемой к публикации в «Политии» статьи.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПРАВОЧНОГО АППАРАТА

Оформление ссылок

Библиографические ссылки даются в подстрочных примечаниях со сквозной нумерацией и включают фамилии авторов, год издания и (в случае цитат или отсылок к конкретным частям работы) страницы:

Геллнер 1991.

См. Геллнер 1991.

Геллнер 1991: 100—101 — после двоеточия указаны страницы.

Инглхарт и Вельцель 2011.

Spector and Kitsuse 1977.

Слинько, Сальников и Дмитриева 2009.

North, Wallis, and Weingast 2009.

Коротаев и др. 2007— при наличии более чем трех авторов.

Baumgartner et al. 2009 — при наличии более чем трех авторов.

Петров 2003; Сидоров 2005.

Селезнева 2011a: 100; Freedman 2017b — буквы a, b, c... обозначают разные работы данного автора, выпущенные в один и тот же год.

Если авторство в библиографическом описании не указано, в ссылке приводятся фамилии редакторов, а при отсутствии таковых — первое слово (первые слова) названия работы:

Шестопал (ред.) 2012.

Bernhard and Kubik (eds.) 2014.

Понятие 2007.

Радикальная ксенофобия 2004.

Ссылки на классические труды античных авторов, а также на священные тексты включают только их общепринятую пагинацию и рубрикацию (в случае необходимости указывается также переводчик):

Платон, Тимей: 50b—53c (пер. С.С.Аверинцева).

Plato, Timaeus: 50b—53c (transl. by B.Jowett).

Мф. 23:38.

В случае ссылки на периодическое издание в целом в подстрочном примечании указываются его название, год выпуска, том (при наличии) и номер (или день и месяц публикации):

Политическая наука 2000, № 2.

Political Studies 2000, vol. 3, no. 2.
Сегодня 01.08.2001.

При ссылке на интернет-ресурс целиком в подстрочном примечании приводится его URL:
<http://data.uis.unesco.org/>.

Оформление библиографических списков

Базовый библиографический список (Библиография) и References составляются по алфавитному принципу без нумерации. В базовом библиографическом списке сначала в алфавитном порядке приводятся источники на русском языке, затем — на иностранных. Классические труды античных авторов и священные тексты в библиографические списки не включаются.

В базовом библиографическом списке при оформлении книг должны быть указаны фамилии и инициалы авторов (редакторов), год издания (в скобках), название книги, место издания, название издательства. При оформлении статей, опубликованных в периодических изданиях, указываются фамилии и инициалы авторов, год издания, название статьи (в кавычках), название журнала или газеты, том (при наличии), номер и страницы, на которых размещена статья. Для материалов периодических изданий, имеющих как печатную, так и интернет-версию со свободным доступом, помимо информации об издании следует указывать полный URL (конкретной страницы, а не только веб-сайта, на котором она размещена). Для интернет-публикаций, не имеющих печатной версии, приводится только URL конкретной страницы. Не рекомендуется ссылаться на интернет-версии неперiodических печатных изданий, в которых не сохранена оригинальная пагинация. При описании разделов в монографиях и статей в сборниках указываются фамилии и инициалы авторов, год издания, названия раздела/статьи (в кавычках) и монографии или сборника (с указанием фамилий и инициалов авторов или редакторов), место издания, издательство и страницы, на которых размещены раздел/статья. Название базового источника (книги или того издания, где помещена цитируемая работа) выделяется курсивом. При цитировании нескольких работ какого-либо автора, выпущенных в один и тот же год, после указания года издания добавляются буквы a, b, c...

В References вся информация о русскоязычных работах должна быть транслитерирована, а названия самих работ и переведены на английский язык. Транслитерация производится на основе стандарта Library of Congress (LC). Переводу подлежат также названия периодических изданий, сборников и монографий, в которых размещена цитируемая работа. В случае переводных книг и статей следует указывать их оригинальное название. В оригинальном написании должны приводиться фамилии иностранных авторов. Описания работ на иностранных языках воспроизводятся в References без изменений.

Примеры оформления работ в базовом библиографическом списке и References приведены на сайте журнала (<http://politeia.ru/content/pravila-predostavlenija-rukopisej/pravila-otformlenija/>).

Table of Contents

	Issue Materials	5
Political Theories	A.R.Tretiak Stasis and Political Philosophy of Contemporary War	6
Russian Polity	L.E.Bliakher, K.V.Grigorichev, A.V.Kovalevsky Baron Is Dead — Long Live Baronet (Political Mediation on the Border of Empty and Filled Space)	23
	L.G.Fishman Our “Wrong” Ruling Class: What to Expect from It?	47
	Yu.A.Balandin, Yu.O.Gaivoronsky Patronal Politics and Turnovers of Regional Governors in Russia (Evidence from Social Network Analysis)	67
Social Consciousness	O.Yu.Malinova Memory of the 1990s as Resource of Adaptation to New Crisis: Analysis of Russian Media Discourses	91
	E.B.Shestopal Political Parties and Their Leaders’ Public Perception against Background of Current Psychological State of Russian Society	115
Antithesis	K.V.Dushenko “Prison of Peoples”: Birth of Metaphor	134
Cathedra	A.V.Korotayev, A.I.Zhdanov Quantitative Analysis of Political Factors of Revolutionary Destabilization (A Systematic Review)	149
	Yu.A.Nisnevich Influence of Political Islam Factor in Modern World	172
Appendix	The 18 th A.M.Salmin’s Best Paper Award Contest among Young Political Scientists	193
	Guidelines for Submitting Manuscripts for Publishing in Journal <i>Politeia</i>	194

**Открыта подписка на журнал «ПОЛИТИЯ.
Журнал политической философии и социологии политики» на 2023 год.
Вы можете найти нас в каталоге агентства «Урал-пресс».
Наш индекс: 80454.**

Как подписаться на «ПОЛИТИЮ»:

1. На титульной странице сайта www.ural-press.ru выберите город, в котором живете.
2. По указанным контактам (телефону или электронной почте) свяжитесь с региональным подразделением «Урал-Пресс» и уточните условия.
3. Отправьте заявку на подписку по электронной почте по тем же контактам.
4. Все документы и выписанные издания курьер доставит Вам по указанному адресу.
5. Если Вашего города нет в списке на сайте www.ural-press.ru, оформить подписку можно через агентство «Деловая пресса» (www.delipress.ru).

ПОЛИТИЯ Журнал политической философии и социологии политики

ПИ № ФС 77-48673 от 21 февраля 2012 г.

Издается АНО «Общественно-политический журнал. Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 101000, Москва, Лучников пер., 2.

Дизайн – *Ю.А. Трушин*

Техническое редактирование и компьютерная верстка – *И.В. Филимонов*

Подписано в печать 18.08.2023. Формат 70×100 1/16.

Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ООО «Информ-Право»

125252, Москва, ул. Зорге, д. 15, кор. 1.